

Демон Амида

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Стелла Амиль

Стелла Амиль Демон Амида

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41266445

SelfPub; 2019

Аннотация

Что будет, если человек, привыкший убивать, научится сострадать ближнему? Что станет с сиротой, который обретёт семью? А каково будет мужчине, положившему глаз на чужую жену? Может всё это и звучит банально, но только не там, где по закону: убийцу казнят, лжеца жестоко наказывают, а изменщика публично высекают плетьюми. История жизни боевика, бежавшего от войны к мирной жизни, но такова ли мирная жизнь за пределами войны, как ожидал герой...? Иногда обычаи некоторых стран шокируют даже тех, кого, казалось бы, уже ничем не удивить. Содержит нецензурную брань.

Сказав правду, я вызвал смех. Когда я им соврал – они мне поверили... Люди напоминают мне стадо. Я не знаю, как у вас в стране, но у нас люди – это стадо животных. Люди поверят любой твоей лжи, но они никогда не примут твоей правды. Я живу там, где всё друг другу противоречит. В моём городе отсекают голову наркоторговцам, но при этом никто не вмешивается в квартал, где плавно проходит этот бизнес. У нас высекают публично женщину за неосторожный взгляд на своего соседа, но при этом наши власти отдыхают на районе с проститутками. Вы замечаете, как всё у нас перевернуто с ног на голову? И знаете, каким я вопросом задаюсь? Почему это никого не волнует? Почему никто не крикнет о правде в лицо тем, кто заставляют нас соблюдать закон, но сами грешат? Почему? Наверное, потому что мы не только стадо, но и трусливое стадо. Достаточно сказать правду в лицо, и ты станешь объектом ненависти. А в моей стране тебя и вовсе убьют. Живя там, где закон и реальность желали лучшего, я рос таким же противоречивым. В один день во мне стали бороться добро и зло, правда и ложь. Оказывается, это происходит с каждым из нас, но все ли это осознают? Кто-то изменился, получив наказания, кто-то ушёл в религию, а меня изменил суд. Но не наш, где всё решает стадо, а именно тот суд, который определит, на какой ты стороне – зла или добра. Никогда не верьте, если вам скажут: «Кто пойдёт против нас, тот пошел против Бога». Иногда стоит пойти против всех, чтобы пойти за Богом.

Меня зовут Карим, и я сирота. Моих родителей застрелили по политическим соображениям. Я жил то у одних родственников, то у других, скитался по жарким улицам Таль-Афара и постоянно что-то воровал у людей. Чаще это были одежда или небольшие деньги. Чуть позже наши земли были захвачены, а моих родственников убили так же безжалостно, как и родителей. Тогда я бежал со многими в неизвестном мне направлении. Я видел воюющих мужчин и хотел стать таким же. С годами у меня это получилось: я стал одним из лучших среди солдат. Я умудрялся много путешествовать. Видел Ливан, Сирию и многие другие страны Востока. Но моя история вовсе не о войне, а о любви, о семье, о Боге. Мужчины, которые полны ненависти к законам, своим властям, политике и даже конкретным нациям, гораздо сильнее многих других мечтают влюбиться и создать свой очаг, свою семью. С самого детства, начиная от Ирака и перебираясь по разным городам, я то и видел, что смерть, кровь и бесконечные страдания людей. Мне хотелось жить в мире. Война сделала меня бесчувственным, но она показала мне, что если хочешь сделать хоть что-то для своего народа, то ты должен разбогатеть. Только имея деньги, ты наконец-то можешь стать полезным людям. Именно тогда я решил завязать с опасной профессией и взялся за очень выгодное предложение: мне поручили убить одних людей. Как вознаграждение – огромная сумма денег. Тогда я и познакомился с дву-

мя неизвестными мне боевиками по имени Лутфи и Инад. Молодые ребята (также сироты) всю свою юность посвятили борьбе за справедливость. Как и я, они за деньги решили бежать из города (по этическим соображениям я вынужден скрыть название той страны, в которой мы воевали, а также название группировки).

Я и двое ребят пожали руку бородатому Хабибу, чей указ об убийстве влиятельного человека и разгрома нескольких зданий мы должны были выполнить. С заданием мы справились в идеале и направились к грузовикам, которые должны были увезти нас в другую страну, к спокойной жизни с достатком денег до самой старости. Единственное, что я забрал с собой, – это бумажка с номером телефона Хабиба. После побега я должен был связаться с ним и забрать свою долю денег. Теперь моей целью было временно скрыться от глаз правительства, забрать деньги и начать жизнь с чистого листа. Я сидел в машине и представлял, как наконец-то заживу, как все нормальные люди... Но я совсем забыл о том, что помимо людей, желающих друг друга убивать, был еще Он. Если мы способны сбежать от правосудия людского, то от суда Божьего способны ли? Тогда меня это мало волновало. Да и вообще меня это никогда не волновало, я верил только в себя и свои силы, но не в то, что в жизни можно столкнуться и с потусторонними силами... Вот тогда и началась непонятная, новая история моей жизни, любви, доверия и

лжи. Всё началось по приезду в неизвестный нами городок, где судьба столкнула нас с первым, необъяснимым, чудом.

Глава 1. Явление матери

– Боже, как же тут жарко. Я ненавижу это солнце и этот вонючий воздух! – выкрикнул Инад, открыл бутылку с питьевой водой и облив ею свою голову.

– И не говори, только давай ты с водой экономней, хорошо? – недовольно ответил товарищу Лутфи и постарался выдернуть бутылку из рук Инада.

Я сидел на пыльной и потресканной от засухи земле и смотрел на двух своих знакомых, которые в свои 26 лет и войну видели, но при этом вели себя, как дети. Не то, чтобы я был взрослее – мне-то самому 29 лет. Но тогда мне казалось, что я все же мудрее этих двух полоумных, с которыми вынужденно находился на неизвестной мне земле, среди могильных плит. Да, моя история начинается именно с этого места. По прибытию в чужую страну мы добежали до кладбища, сложили свои автоматы на землю и решили отдышаться.

– Ну, что, Карим, – резко прервав мои рассуждения, спро-

сил Инад. – Что делаем дальше? Какие планы?

– Думаю, нам надо разделиться и каждому найти себе жилье, работу и...

– Что? – возмутился Лутфи, присев возле меня на корточках. – Что значит разделиться? Мы вроде бы вместе бежали, вместе решили...

– Стоп-стоп, – прервал я, полного надежд, Лутфи. – И что с того, что мы дошли до этого места вместе? Вы мне кто? В списках родственников я вас не припомню, а друзей у меня нет и, если честно, они мне не нужны.

– Ну ты и урод... – сказал недовольно Инад и кинул бутылку с водой в Лутфи.

– Ты со словами полегче, хорошо? – возмутился я.

– А то что? Пристрелишь?

– Кто знает, всё может быть.

– Слушай, Карим, – снова вмешался Лутфи, поглаживая свой заросший подбородок. – Мы слышаны о тебе как об одном из лучших солдат. За те войны, что ты пережил, тебя

почти не удавалось даже ранить. Ты показатель на войне, но какой ты показатель среди товарищей?

– Ты чего его лечишь? – возмутился Инад, присев за могильным камнем. – Человек одним поступком способен показать всю свою сущность. Сущность Карима уже ясна.

Лутфи с какой-то грустью взглянул на меня и, преподнеся бутылку с водой к губам, начал пить. Инад был явно любителем делать поспешные выводы и злиться, а Лутфи умудрялся сочетать в себе добро с жестокостью. В любом случае, минус ребят был в том, что они верили в лучшее. Я же наоборот – всегда верю в реальность и в свои возможности.

– Ладно, отдохнули, можем и расходиться, – сказал я парням, встал с места, и, закинув автомат за спину, крепко затянул ремень.

– Вот и вали, – пробубнил себе под нос Инад.

– Что ты сказал? Слушай ты..., – грубо проговорил я, захав ногой по ноге Инада. – Будешь много в себя верить...

– Ты попутал? И что ты мне сделаешь?! А?!

Инад подскочил с места и толкнул меня рукой в плечо.

Недолго думая, я схватил его за рубашку и хотел повалить на землю, но Лутфи подпрыгнул с места и встал между нами, не позволяя нам набить друг другу лица.

– Перестаньте, вы чего? – пытаюсь разнять наши тела, выкрикивал Лутфи. – Да разойдитесь вы! Совсем рехнулись?

– Следи за своим ртом! Последний раз предупреждаю! – выкрикнул я Инаду, сжимая кулаком его ворот.

– Давай один на один! – кричал мне в ответ Инад, так же старательно пытаюсь порвать на мне рубашку.

– Да, что вы как дети?! Разойдитесь!

– Да свали ты отсюда! – не выдержав, толкнул я Лутфи в спину.

Лутфи схватил Инада и оттащил его от меня. Я поправил своё оружие и крикнул:

– Ещё раз полезете ко мне – поубиваю.

– Да пошёл ты, кому ты нужен? – выкрикивал Инад, оттолкнув от себя Лутфи. – Аллах Свидетель, ты ещё за своё получишь, Карим!

– Твоих грехов не меньше перед Богом, Инад, так что думай за себя.

– Я хотя бы как человек не говно, в отличии от тебя!

– А что, Бог наказывает и тех, кто характером для тебя не вышел? – усмехнулся я.

– Смейся-смейся, мы ещё посмотрим, кто из нас посмеётся последним. Не тут, так Там тебя точно накажут.

– Да будет так! – крикнул я. – Пусть каждый ответит за свои грехи!

В этот момент по тихому кладбищу пронесся теплый ветер, подняв пыль и сухие травинки с земли. Я и ребята зачихали, словно дав себе отдышаться. Я смотрел на кружащие вокруг моих ног пушинки, которые вместе с пылью полетели в сторону ребят. Посмотрев на Инада и Лутфи, стоявших в обнимку, я увидел за ними какой-то силуэт. Резко схватившись за ружье и направив его вперед, я постарался разглядеть, кто это. Ничего не понимая, Лутфи и Инад тут же подняли с земли свои автоматы.

– Давай, урод, только рискни! – выкрикнул мне Инад.

Но неожиданно для всех нас троих, из-за могильной плиты, возле которой стояли Лутфи и Инад, мы увидели женщину. От такой неожиданности мы все трое дёрнулись и направили на неё своё оружие. Мы внимательно разглядывали ее: это была женщина в возрасте (ближе к 50), одетая в чёрный хиджиб с чёрным платьем. Кроме её судорожно дрожащих рук, можно было разглядеть лишь легкие морщины на её смуглом лице и тяжёлый взгляд. Стоя в полной, кладбищенской, тишине, незнакомка ничего не говорила, а лишь рассматривала нас.

– Чёрт, это просто женщина, опустите оружие, – сказал я парням.

– Эм, простите, – убрав за спину автомат и подойдя к женщине, поинтересовался Лутфи. – С Вами всё хорошо? Вам чем-то помочь?

Но незнакомка словно не слышала. Она лишь сверлила нас взглядом.

– Ладно, – вынув пачку сигарет и прикурив, сказал Инад. – Она, кажется, не в себе. Что мы решаем?

– Идёмте, нам надо выбраться из этого кладбища, – взгля-

нул я на Инада и, развернувшись к женщине спиной, хотел уйти. Но она вдруг произнесла:

– Мутамид...

Я, Инад и Лутфи резко развернулись и внимательно посмотрели на неё.

– Что Вы сказали? – переспросил Лутфи, подходя к незнакомке поближе.

– Халим, – снова прошептала она.

Перепугано рассматривая Лутфи, женщина прикоснулась дрожащими пальцами к его лицу и начала водить ими по его щетине.

– Ты не изменился...

– Простите? Мы знако....

– Абдул, – перебив меня и повернувшись к Инаду, растерянная незнакомка снова произнесла чьё-то имя. – Ты такой же...

Заметив, что ребята впали в некий ступор, жалея ненор-

мальную женщину, я решил поговорить с ней:

– Простите, но, как Вас зовут?

– Ты меня не узнал, Мутаид?

– Я – Карим.

– Нет! Обманщик! Обмани кого хочешь, но не меня. Меня вы с детства обмануть не могли, а теперь пытаетесь? – угрожая указательным пальцем, ругала нас женщина. – Я знала, что вы живы, я знала. О, Аллах...! – выкрикнула она, посмотрев на небо, и громко рассмеялась.

Ничего не понимая, мы с ребятами переглянулись.

– Мои мальчики, спасибо, Аллах! Спасибо, Тебе! Мои сыновья! Абдул, Халим! – разрыдавшись в голос и крепко прижав к себе Лутфи и Инада, незнакомка целовала каждого по очереди в щёку, стараясь беспорядочно зацеловать им всё лицо. Ребята лишь посочувствовали ей, но решили не травмировать и так потерявшую рассудок женщину. Они обняли её в ответ, чтобы хоть как-то смягчить боль. Я же обошёл место, за которым мы сидели, и увидел три могильные плиты. На каждом камне была выбита дата рождения и смерти трех молодых ребят с одной фамилией, а имя у каждого бы-

ло именно то, что произнесла женщина: Мутамид, Абдул и Халим. Понимая, что перед нами убитая горем мать, спутавшая нас со своими покойными детьми, я глубоко вздохнул. Да, мне было жаль её, но я не испытывал каких-либо тяжких душевных чувств к ней и к её беде. Не удивительно, ведь все мы трое были сиротами и чувства теплоты, семейной любви нам были дики. Резко в мою голову пришла самая неожиданная идея. Понимая, что сама судьба нам послала удобную возможность затаиться в неизвестном для нас городе, да еще найти дом и пищу, я тут же подошёл к женщине и, отдёргнув её от страстных поцелуев моих товарищей, спросил:

– Мама, в дом купить что-то надо?

– Аллах-Аллах, – тихо прошептала женщина, убрав свои руки от удивленных ребят. – Да, сынок, надо конечно купить еды немного...

Тяжело вздыхая, незнакомка постаралась подойти ко мне, но резко потеряла равновесие и рухнула на землю. Лутфи тут же попытался удержать её и, трясая за плечи, привести в чувства.

– Ты что несёшь? – возмутился Инад, подойдя ко мне. – Какая мама?

– Это могилы её сыновей, по возрасту мы подходим, почти, судя по тому, что она и внешне нас спутала, значит и внешне мы с ними похожи. Разве это не знак?

– Ты же собирался разделить с нами? – недовольно говорил Инад, скрестив на груди свои руки.

– Даже если ты и прав, – заговорил Лутфи, прижав к себе женщину, и старался дать ей попить из бутылки. – То где могила её мужа? Значит он жив? Или вдруг ещё сыновья есть? Это она в неадеквате, но не думаю, что муж и сыновья тоже нас с такой любовью примут.

– Не факт. Муж может быть похоронен в другом месте, а сыновья..., – сказал я, почесав свою бороду. – Если они раскусят нас, скажем, что просто провели их мать до дома. Ну, как? Согласны?

Инад и Лутфи переглянулись. Ребята не знали, как на эту идею реагировать, но это действительно был неплохой шанс залечь на дно.

– Да кинь ты её на землю и иди сюда, – возмутился Инад, смотря, как Лутфи пытался привести женщину в чувства.

Скорчив своё лицо, Лутфи осторожно положил женщину

и, подойдя к нам, сказал:

– Идея неплохая, может и прокатит, но выходит, что мы свою правильную жизнь с вранья начинаем?

– Это ты собираешься жить правильно, а я без лжи жить не смогу, – ответил я, посмотрев на Инада.

– Я соглашусь с одним условием: если всё получится, то мы будем настоящими сыновьями для этой женщины, будем помогать ей и слушаться.

– Откуда в тебе столько ванили? – возмутился я.

– Это само собой, – ответил Лутфи. – Но как мы тогда спустя месяцы уйдём от неё? Второй раз дать ей пережить потерю? Вдруг она умрёт?

– Всё, замолчите! – выкрикнул я. – Вы солдаты или кто? Что за нытье? Нам шкуры свои спасти надо, а вы за жизнь чокнутой незнакомки переживаете, которая и так уже одной ногой на том свете? Если вы забыли, то я напомню: мы в международном розыске и если власти нас найдут, то боюсь, что до тюрьмы мы не дойдём. Так что запоминайте: я – Мутамид и мне 28. ты, Инад, теперь будешь Абдул, и тебе 26. А ты, Лутфи, теперь – Халим, и тебе 24.

– Что? Почему это я такой маленький?

– Потому что таким был её младший сын. Всё, имена запомнили?

– Запомнили, – недовольно ответили мне ребята.

– Вот и отлично, – с улыбкой сказал я. – Давайте, Абдул и Халим, будите нашу маму. Вперёд-вперёд, – поторопил я братьев.

Мы подбежали к женщине и постарались её быстренько поднять и привести в чувства. Халим всё старался напоить незнакомку, а Абдул тряс её за плечи. Наблюдая, как ребята нежно будили женщину, я не выдержал и со всей силы дал ей пощёчину.

– Ты с ума сошёл?! – закричал Халим.

– Где я? – прошептала женщина, стараясь выпрямиться и протереть чёрной вуалью косынки своё намокшее лицо.

– Как Вы себя чувствуете? – поинтересовался я, с надеждой смотря на растерянную незнакомку.

Протерев лицо, она сделала шаг назад и с непониманием рассматривала нас, нашу военную форму и автоматы. Складывалось ощущение, что она резко пришла в себя и врубилась, кто мы.

– Вот и всё, – тихонько сказал мне Абдул. – Твой план накрылся медным тазом, гений.

Но наше напряжение разбавила женщина, и, улыбнувшись, сказала нам:

– Вам бы переодеться, в городе с таким видом вы всех распугаете. Давайте, идёмте поскорее домой.

Я, с наглой ухмылкой и кокетливо пошевелив бровями, посмотрел на лица ребят, которые немного обалдели, и, обняв маму, поспешил с ней домой. Абдул и Халим переглянулись и, пожав плечами, направились вслед за нами.

Глава 2. Явление проблем

Выйдя из кладбища, мы шли впритык возле нашей мамы и старались её расспрашивать о том, как она жила всё это время, узнавали, есть ли у нас отец и кто нас может ждать дома. Но женщина лишь улыбалась и на все наши вопросы

вытягивала шею, стараясь целовать нас в щёки. Я отдёрнул к себе Абдула, и пока Халим шёл с мамой и любезно беседовал, рассказывая о том, как он героически служил и вернулся с войны, я спросил его:

– Как думаешь, всё же есть у неё муж?

– Запал на неё, да?

– Как смешно, идиот, сейчас лопну.

– Не видно, что она одинокая и сумасшедшая? Значит, всем её смыслом жизни были только эти три сына. Знаешь, – резко остановился Абдул и посмотрел на меня. – А может это реально нам её сам Бог послал, чтобы мы наконец осмыслили свою жизнь?

Я недовольно закатил глаза и в уме поражался тупости и наивности Абдула и Халима. Как они вообще умудрились воевать? Чем дальше, тем больше я не понимал этого. Недовольно вздохнув, я похлопал Абдула по плечу и, не успев ему сказать, какой же он дебил, я увидел кровь, которая стекала из носа по его губе.

– Эй, у тебя кровь.

–Что? – удивился Абдул, быстро протерев губу рукой. – Вот чёрт, акклиматизация походу, от смены климата бывает такое.

– Какого климата, ты же всегда жил в жарких странах?

– Обычное давление, это бывает, когда перебираешься из города в город, пошли, не обращай внимание.

Ничего не ответив Абдулу, я молча пошёл за ним. Наконец-то вокруг нас начали появляться проходящие мимо люди, причём каждый, кто замечал нас, резко останавливался и с удивлением рассматривал. Кто-то тормозил велосипед и глазел, кто-то медленно, с ведрами в руках, шёл за нами. На нас смотрели с каким-то презрением и недоверием. Было ясно, что они явно не каждый день видели перед собой трех крупных ребят в военной форме, с густыми бородами и автоматами в руках. Мы шли будто три гордых гуся, следуя за своей мамой, и не обращали никакого внимания на проходящих зевак. Люди выглядели бедно, да и сами дома и прилавки желали лучшего. На глаз понять, в каком именно мы были городе, я не мог. Но понимал, что это явно забитая и живущая по строгому закону страна. Женщин почти не было видно, все наблюдали из окон, а кто был на улицах, бегом забегали в свои дома. Наконец-то мы вошли в небольшой двор, вокруг которого стоял длинный двухэтажный дом, по форме

напоминающий подкову. Халим нагнулся к уху женщины и тихонько спросил её:

– Мы пришли домой?

– Я думал, это приют для бездомных, – с иронией ответил Абдул.

– Да! – радостно закричала женщина, развернувшись ко всем людям, стоящим во дворе и к тем, кто шёл за нами всю дорогу. – Мои сыновья вернулись! А вы не верили мне! Они вернулись!

Из соседских окон виднелись облики женщин, которые с интересом наблюдали за нами, на лестницах стояли дети, а мама, всем гордо улыбаясь, пошла к крыльцу дома, на котором тоже стояли какие-то соседские мужчины и с удивлением рассматривали нас. Следуя за женщиной, мы поднялись по деревянным ступенькам и увидели, как все расходятся перед нами, то ли боясь нашего грозного вида, то ли реально не веря нашему воскрешению. Наконец, зайдя за матерью и закрыв за собой деревянную дверь, мы оказались в маленьком коридорчике, вокруг которого были три входа: в маленькую кухню, зал и спальню.

– Я предупреждала, что Аллах есть и справедливость при-

дёт ещё в мой дом, – радостно говорила нам мама, забежав на кухню и что-то там двигая в посуде. – Смеялись они, вот пусть теперь смеются, теперь посмотрим.

Мы с парнями переглянулись и, пожав плечами, быстро начали развязывать шнурки на своих сапогах. Разувшись, мы вошли на кухню, которая была маленькой, с какой-то страшной раковиной, ржавым ведром с водой и кривым диванчиком, возле которого стоял небольшой столик, накрытый белой скатертью.

– Идёмте, мои мальчики, я покажу вам, где ваша одежда, – сказала нам счастливая мама. Она поставила тарелки на стол и поспешила в другую комнату, такую же маленькую и узкую. Эта комната была спальней её сыновей. Там стояли три кровати, шкаф и маленький столик под подоконником. – Вот, откройте шкаф и переоденьтесь, а я пока разогрею еду.

– Хорошо, мама, – ответил женщине Халим и крепко обнял её за плечи.

– О–о–о, мой сын, давай скорее переодевайся и на кухню.

Как только женщина ушла, я быстро закрыл за ней дверь и, повернувшись к ребятам, сказал:

– Кажется, прокатило, даже соседи поверили.

– Это ещё неизвестно, – сказал Абдул, вынув из шкафа синюю майку и кинув в меня. – Нам надо будет с ней общаться и узнавать получше за этих сыновей.

– Вы только посмотрите, – сказал Халим, растянув в руках спортивные штаны, – Да ребята почти нашего размера были, кому расскажи этот случай – не поверят.

– Ладно, в темпе переодевайтесь и за стол, а то я умру сейчас с голоду.

Неожиданно в дом кто-то вошёл, и мы услышали женский голос. Быстро натянув штаны и майки, мы затихли. Замерев на месте, мы стали прислушиваться.

– Мам!? Мам, что случилось? Все соседи без остановки только и обсуждают, что ты с какими-то вооружёнными людьми шла.

Понимая, что у нас объявилась сестра, мы как ненормальные рванулись к двери, толкая друг друга и пытаясь через щель разглядеть её.

– Лания, твои братья вернулись, а соседей наших меньше

слушай.

– Какие ещё братья? Где они?

Я резко отошёл от двери и, толкнув Абдула и Халима, тихо сказал им:

– Чёрт, вот и появилась первая проблема. Быстрее, ставьте автоматы в шкаф, прячьте всё.

– Какая же это проблема, – улыбаясь, говорил Абдул. – Если она окажется красавицей, то это точно Божий дар, а не жизнь.

– Ты идиот? – возмутился я. – Она наша сестра! Не забывай об этом. Кто из вас отойдёт от нормы отношений, того лично...

– Каких отношений? – резко раздался голос сзади.

Я от неожиданности дернулся и, развернувшись к девушке, улыбнулся. Халим быстро захлопнул дверку шкафа, куда затолкал автоматы вместе с формой, а Абдул с интересом разглядывал новоприобретённую сестру. Не то, чтобы красавица (лично на мой взгляд), но и не тот тип, который меня мог бы возбудить. Маленькая, смуглая, с потрёпанными

косичками и зелёными глазами девочка больше напоминала бездомных детей Индии. Улыбнувшись ей, мы постарались расположить девушку к себе.

– Сестра! – выкрикнул я, расправив перед девушкой руки. – Дай обниму.

– Совсем что ли?! Какая я тебе сестра? Да кто вы такие и что вам от нас нужно? Если вы не уберётесь, то я вызову полицию!

– Что? – удивился Халим.

– В этом, Богом забытом, гадюшнике есть полиция? – усмехнулся Абдул.

– Быстро, – продолжила настаивать девочка, указав рукой на дверь.

– А не слишком ли грубо для такой маленькой сопли, как ты, в таком тоне разговаривать с нами?

– Я никому не позволю издеваться над моей матерью, никому! А убить нас тем более.

– О нет, – резко вымолвил Халим, подойдя к Лании. –

Сестрёнка, мы наоборот хотим стать вашей семьёй и помочь вам.

– Послушай, сестра, мы никого убивать не собираемся. Мы братья, а не убийцы, понимаешь? – всё пытался я утешить девочку.

– О, да... – иронично прошептал Абдул.

– Вы что меня совсем за дуру держите? Всё, я выхожу кричать на улицу, сейчас соседи вас быстро проучат.

Услышав это, я кивнул головой Абдулу, а сам захлопнул рукою дверь перед носом девочки. Абдул моментально схватил Ланию и, зажав рукою ей рот, повалил на кровать.

– Только не сделай ей больно, – испуганно сказал Халим, переживая, что сейчас войдёт мама.

– Слушай сюда, тугодум, объясняю последний раз, мы в ваш дом с миром! Тебя или твою мать мы трогать не собираемся, уж тем более издеваться. Ты молча всё это примешь и будешь подыгрывать нам, дашь время засесть у вас, а потом мы разбежимся как ничего и не было. Рискнёшь кому-то сдать нас или признать, что мы не твои братья, то я обрею тебя налысо. Поняла?

Девочка дрожала и была явно напугана. Я слегка оттянул за плечо пылкого Абдулу и помог Лании сесть ровно. С испугом рассматривая наш внешний вид, она вымолвила:

– Вы не убьёте нас?

– Да кто вы такие, чтобы мы на вас свои патроны тратили? – улыбнулся я девушке. – А теперь быстро отвечай, какое имя у матери?

– Майра.

– Как звали отца и где он?

– Отец Ибрагим. Узнав, что его сыновья не вернулись с войны, он кинулся с обрыва.

Мы с ребятами удивлённо переглянулись, ведь для арабского отца этот поступок был немного странным.

– Почему его могилы нет возле сыновей?

– Самоубийцу запретили хоронить на том кладбище.

– Значит, твои братья были военные? Надо же, какое удач-

ное совпадение, – скрестив на груди руки, сказал Халим.

– Нет, не были. В один день они все трое пропали. Позже нам сообщили, что они уехали воевать, а через два года нам сказали, что они погибли. Через две недели с собой покончил отец. Вот уже ровно год, как мама ходит в мечеть вымаливать Аллаха вернуть ей погибших мужчин. Она всегда мне говорила, что настанет день и Аллах услышит её молитвы и все, кто сомневался в силе и смелости её сыновей, пожалеют.

– Блин, – резко сказал Халим. – Зачем я это узнал, мне теперь жалко её.

– Оф, да перестань ты, нытик, – говорил Абдул, махнув на Халима рукой. – А тебе сколько лет?

– Я – Лания, мне 15 лет и я хожу в школу. Тут мало кто из девочек заканчивает школу, но из-за потери отца и братьев меня пока никто не идёт сватать. Поэтому я всё ещё учусь.

– Мальчики! Лания! – раздался мамин крик из кухни. – Где вы застряли? Идите кушать.

– Наконец-то можно и поесть, – с улыбкой сказал Халим и, открыв дверь, побежал на кухню.

Я стоял, облокотившись у стены, и ждал пока все выйду, прокручивая в своей голове слова юной сестры. Вдруг Лания остановилась и, повернувшись ко мне, сказала:

– А, ещё забыла сказать тебе, Амид.

– Прости, как ты меня навала?

– Сокращённо тебя все называют Амид. Мой брад не любил, когда его имя произносили полностью. Ты самый старший, назван в честь дяди.

– У нас есть дядя? – поинтересовался я.

– Есть, это старший брат отца и он – ка;ди, но по старой привычке люди называют его муфтием.

– О, чёрт... – недовольно сказал я, потеряв свой лоб.

– Думаю, новость о том, что в наш дом пришли трое незнакомцев с оружием, немедленно дойдёт до него и не сегодня-завтра он уже будет тут.

Сказав мне это, девочка вошла на кухню и села за стол. Эта новость явно была не лучшей, но кто не борется за своё место в жизни, тот хорошо не живёт. Я решил перекусить,

а потом вместе с ребятами решить, что и как думать насчёт этого дяди, ведь кади в исламе и есть закон, который если пожелает, сдаст нас полиции. И тогда нас точно приговорят к смертной казни.

Глава 3. Явление незнакомца

– Просто замечательно, мама, я сто лет так вкусно не ел, – забывая до отвала рот рисом, говорил Халим.

– Ешь, сынок, ешь, я всё утро сегодня готовила, как сердцем чувствовала, что вы вернётесь, – отвечала Майра, смотря на голодного сына.

Я и Абдул недовольно переглянулись и молча ели, стараясь попусту не болтать за столом. Сестра так же сидела рядом с нами и тихо пила чай, внимательно наблюдая за нами. Мама наконец-то убрала свой взгляд от голодного Халима и, с интересом рассмотрев нас, сказала:

– Вам надо будет на рынок пойти, я дам денег, купите немного фруктов и овощей, только сначала сбрейте бороды.

Услышав про бороды, мы все трое резко подняли головы и чуть не подавились.

– Нечего на меня так смотреть, – продолжила мама, встав с места и поставив свою тарелку в тазик. – С такими бородами вы похожи на террористов. Немедленно сбрейте их и не привлекайте проблем в наш дом.

Абдул и Халим с трудом проглотили комок риса во рту и уставились на меня, словно ожидая, чтобы я что-то сказал маме. Выхватив стакан с чаем из-под носа у сестры, я сделал глоток и, выдохнув, сказал:

– Мама, но как это сбрить бороды? Это как бы...

– Как бы что? – недовольно повернулась ко мне Майра.

– Я не могу её сбрить, простите.

– Я могла тебя родить, я смогла тебя воспитать, я смогла жить ради тебя, а тебе ради меня сложно сбрить волосы на лице?

– Нет, мне не сложно, но какой я мужчина без бороды? – уже не зная, как отвечать женщине, говорил я, чтобы не обидеть её.

– Если вся твоя мужественность только в бороде, то мне

жаль тебя, сынок. Я буду в зале, и не смейте подходить ко мне, пока не сбреете бороды.

Сказав это, мама недовольно развернулась и вышла из кухни. Абдул посмотрел на меня и тихонько сказал:

– Да ладно тебе, вон сестра наша тоже без груди, но это же не значит, что она не девушка.

– Ах ты...! – резко возмутилась Лания, ударив полотенцем Абдула по спине. – Ешьте без меня!

– Иди давай, сопля, – выкрикнул Абдул вслед выбежавшей из комнаты сестре.

– Прекрати! – жуя рис, сказал Халим. – Это не она у нас в гостях, а мы у них, а значит мы должны соблюдать их правила.

– Я не сбрею бороду! – агрессивно сказал я, тряся рукой перед лицом Халима. – На кого я буду похож? Я даже не знаю, как я без неё выгляжу.

– Вот и узнаем. Она права, Амид, наш вид слишком вызывающий для местных жителей, и мы не должны так ходить.

– О Боже... – стукнул я себя ладонью по лицу и начал протирать глаза.

Халим встал с места и направился в ванную комнату. На кухню снова вошла сестра и молча, с недовольным выражением лица, стала собирать тарелки со стола.

– Ладно, не злись на меня, – с улыбкой говорил девушке Абдул. – Лучше скажи, мне стоит бриться или нет?

– Тебе мама ясно сказала. Или слушайся её, или проваливай!

– Ты чего мне всё время хамишь? Смотри, договоришься.

– Заткнись, пожалуйста, – сказал я Абдулу. – У нас ещё есть одна «хорошая» новость.

– Какая? Только не говори, что ещё одна сестра объявилась?

– Если бы. У нас, оказывается, есть дядя, брат покойного отца.

– Оуу, – произнёс Абдул. – Он уже знает о нас?

– Думаю, скоро доложат, он ведь ка;ди.

– Вот дерьмо...

– Не выражайся перед едой! – возмутилась сестра, протирая стол и с ненавистью смотря на Абдула.

– Да ты достала меня, – ответил девушке Абдул, выдернув из её рук тряпку для стола и кинув в неё.

– Нам только правоверного судьи тут не хватало, – продолжал я. – Он нас слушать не будет и пинком отсюда выставит, это в лучшем случае.

– А в худшем? – поинтересовался Абдул.

– А в худшем... Я даже не знаю, что согласно шариату грозит убийцам, ворам и беглецам, которые ещё и прикинулись умершими детьми несчастной матери.

– Ладно тебе, кто об этом всё узнает? Сдать друг друга не в наших интересах. Если что, то мы просто беженцы, которые боятся вернуться на войну и ищут убежище.

– Думаю, эта проблема меньше всего будет волновать нашего дядю.

Резко в комнату вошёл Халим и, прервав нас, спросил:

– Ну, как? Мне идёт?

– Ты и так был мерзким, а теперь вообще... – скорчив рот, ответил Абдул.

– Не слушай его, брат, – сказала Лания и подошла к Халиму. – Теперь ты выглядишь милее, маме понравится.

– Терпимо, – сказал я. – Но с бородой лучше было. Как ты вообще так быстро её сбрил?

– Сначала ножницами, потом бритвой, – довольно улыбнулся Халим и поспешил в зал, чтобы показаться маме.

Сестра побежала за ним, а я смотрел на Абдула, который встал с места и, поправив свою зелёную футболку, сказал:

– Ну, что же, я следующий.

– Удачи, – недовольно ответил я и, облокотившись на стол, начал раздумывать, что сказать дяде, если он придёт, и как нам быть дальше.

Спустя время я услышал, как мама целовала в свежи-бритые щёки Абдула и Халима и специально во весь голос хвалила их, чтобы я слышал и во мне проснулась совесть. Недовольно выслушивая эти выкрики, я всё же сдался и решил так же остричь свою бороду и выбрить её осторожно, чтобы всё равно оставить красивой формы щетину. Зайдя в маленькую ванную, где я еле встал напротив разбитого зеркала, я открыл кран и под тонкой струёй холодной воды умывался, всё ещё возмущаясь себе под нос, как я мог согласиться на это. Закончив бритьё и ещё раз умывшись водой, я резко поднял голову и взглянув на своё отражение. Сквозь трещины битого стекла, я увидел какое-то опухшее лицо, полное гнева и ненависти в глазах. Ничего не понимая, от неожиданности я испугался и, сделав пару шагов назад, рухнул на какие-то тазики и вёдра. На шум и грохот в ванную забежал Абдул. Раскрыв дверь, брат выкрикнул:

– Эй, всё хорошо? Ты поскользнулся что ли?

– Я, кого-то увидел в зеркале, – не понимая, отвечал я и осторожно встал с места.

– Ну, ты даёшь, – рассмеялся Абдул. – Ты настолько не узнал себя бритым? Кадр, кстати, ты зачем щетину оставил? Всё сбривай.

– Да нет же, – возмутился я и осторожно рассматривал своё отражение. – Это был не я, там был....

– Кто? – с улыбкой смотрел на меня Абдул. – Там был помолодевший Амид?

– Ладно, забудь. Если вы готовы, то идёмте на рынок, пока не стемнело.

– Мы готовы, пошли.

Абдул направился в коридор и вместе с Халимом надел шлёпанцы. Я подошёл ближе к потресканному зеркалу и внимательно разглядывал себя. Ничего не поняв, я пожал плечами и направился к братьям. Им шлепанцы подошли, а мне они были малы, поэтому мне пришлось поверх тёмно-синих спортивных штанов надеть мои чёрные сапоги.

– Возьмите деньги, – сказал мама, протянув нам пару каких-то монет.

– Ну, что Вы, мама? – возмутился Халим. – У нас есть деньги, мы всё купим.

– Ты, Халим, останься дома, а они пусть сами сходят.

– Амид, – обратилась ко мне Майра. – Ты почему щетину оставил?

– Я чувствую себя комфортнее так, мама, – вымолвил я, еле сдерживая свою агрессию.

– Какой же ты упёртый... Хорошо, купите персики, чечевицу и бобы.

– Всё возьмём, не переживайте, – с улыбкой говорил Абдул, открыв дверь.

Мама подошла к нему и поцеловала его в щёку, потом подошла ко мне и так же потянулась. Мне ничего не оставалось, как нагнуться и позволить ей поцеловать себя. Наконец я и Абдул вышли во двор и направились искать рынок. Жаркое солнце просто прожигало кожу своими лучами. Какие-то мужчины, сидящие во дворе, и дети, которые шумно гоняли мяч по пыльной земле, грозно рассматривали нас. Я махнул Абдулу рукой, чтобы он подождал меня, а сам пошёл домой и взял с полки синий шарф. Замотав свою голову так, будто на мне надет капюшон, я снова вышел во двор и увидел на крыльце соседа. Закурив папиросу и швырнув спичку к моим ногам, мужчина ехидно улыбнулся мне и спросил:

– Не сваришься?

– Шарф и сапоги защищают меня от солнца, – недовольно ответил я и спустился по ступенькам.

– Ну-ну, очень хотелось бы знать, кто ты такой?

– У вас других интересов нет?

– Меня действительно волнует, что за люди с винтовками в руках заселились через стену от меня.

Я замолчал и внимательно посмотрел на соседа. На вид ему лет 45, но выглядел он мерзко: желтоватые зубы, растрепанная причёска, майка с пятнами и шорты непонятного цвета в клеточку.

– Я – Амид, сын Майры, вернулся с войны, поэтому был с оружием. Больше не считаю нужным что-то объяснять Вам. До свидания.

– Её дети мертвы и это все знают, – неприятным голосом выкрикнул мне в след сосед.

Но я уже не оборачивался к нему, а вместе с Абдулом направился искать рынок. Проходя небольшие улицы, разглядывая нищих людей, я всё кружил в своих мыслях, хотел по-

скорее забрать свои деньги у Хабиба, чтобы начать богатую жизнь где-нибудь в Европе. Увидев перед собой прилавок с разными овощами и фруктами, Абдул тут же принялся выбирать и покупать что-то для матери.

– Отбери мне лучших персиков! – крикнул Абдул продавцу.

Мужчина с огромным удовольствием начал отбирать красивые фрукты. Я же отошёл смотреть бобы, как вдруг моё внимание привлёк маленький оборванец, лет 9. Парнишка внимательно следил за продавцом, а сам тянул руку к коробке с конфетами. Улыбнувшись, я скрестил руки на груди и начал внимательно наблюдать за воришкой. Наконец, заметив, что продавец отвлёкся, парнишка тут же схватил в охапку конфеты и, запихав их в карман, пулей убежал прочь. Заметив это, его тут же схватили другие торговцы и, таща за руку, начали отчитывать. Я вспомнил своё нищее детство и лишь с улыбкой наблюдал за всем этим, пока не увидел, что мужчины взяли в руки деревянные палки и начали ими со всей силы бить по руке ребёнка, старательно пытаясь сломать ему кость.

– Эй! – выкрикнул я, подбежав к ним. – Что вы делаете? Вы же сломает ему руку!

– И что?! – возмутился рыночный толстяк. – Да за воровство ему её отрезать полагается, пусть нам скажет спасибо. Бейте этого вора, достал он меня!

– Подождите! – Выкрикнул я. – Я заплачу вам, дайте ему пакет конфет.

– Зачем тебе это? – возмутился продавец. – Этих курдов убивать надо, а не защищать.

– Дайте пакет конфет, – грозно повторил я. – Я Вам заплачу.

Мужчины переглянулись. Недовольно толкнув плачущего пацанёнка, они разошлись по своим прилавкам. Я вынул пару долларов и протянул их продавцу конфет.

– Доллары? – удивился мужчина. – Но у меня нет сдачи на такие деньги.

– Сдачи не надо, – ответил я и, забрав целлофан со сладостями, подошёл к парнишке.

Видно было, что парень пытался сдержать боль и не плакать, но рука явно была уже переломана. Тяжело выдохнув, я спросил его:

– Ты знаешь, где у вас больница?

– Она только одна в городе и идти надо долго, – сжимая от боли зубы, говорил мальчик.

– Как звать тебя?

– Мерван, а тебя?

– Амид, ты хотел есть? – поинтересовался я. – Поэтому ворует?

– Амид! – раздался крик Абдула сзади. – Ты чего тут присел? Это ещё кто?

– Пацану руку сломали, он конфеты украл, – ответил я, встав с места.

– Правильно сделали, – возмутился Абдул. – Ты офигел, малой, еду таскать без разрешения?

– Да перестань, – толкнул я друга в плечо. – Я тоже в его возрасте выживал именно так.

– Давай теперь всех воров жалеть, – возмутился друг.

– Слушай, ты иди с покупками домой, а я отведу Мервана в больницу.

– Отлично, можно спросить? – шепнул мне на ухо Абдул. – Какого чёрта ты делаешь? Откуда это милосердие?

– Не знаю, просто хочу помочь, хочу сделать то, что мне в своё время никто не сделал.

– О Боже, ладно, только недолго, не заставляй нас потом искать тебя.

– Договорились, – с улыбкой пожал я руку брату и махнул мальчику, чтобы он меня вёл к больнице.

Шли мы долго, я думал, что сапоги сотру о землю. Всю дорогу я смотрел на смуглого ребёнка в красной футболке и черных шортах и где-то в глубине души очень жалел его и понимал, что вырастит он таким же жестоким человеком, как и я. Неожиданно парнишка остановился и, всхлипывая, сказал:

– Вон она, больница.

– Прекрати реветь, перелом – это еще не огнестрельное

ранение. Учись выдерживать удар, иначе не выживешь. Почему тебя называли курдом? – поинтересовался я, направляясь к какому-то серому зданию, напоминающего развалившийся приют.

– Курд – это моя нация, тут часто обзывают так.

– Почему позволяешь это? Ты мужчина или кто?

– А что я могу сделать? – снова возмутился мальчик, не выдержав и заплакав.

– Когда не можешь драться, бери кирпич и бей по голове. Запомнил?

– Меня тогда точно убьют.

– Ты просто трус, вот и всё.

– Простите? – резко прервал нас худощавый мужчина со светлой кожей и светло голубыми глазами.

Этот контраст тут же дал понять, что данный человек не араб. Я улыбнулся ему и сказал:

– Ас Саляму Алейкум, док. У этого парня кажется пере-

лом, осмотри его.

– Здравствуйте, я проведу вас к травматологу.

– Ты не мусульманин? – с улыбкой спросил я.

– Извините, вам тоже мира и вашему дому. Да, я – христианин, доктор Вислав, – представился мне мужчина, протянув руку.

Я посмотрел на его вытянутую руку и вскипел. Ничего личного, но услышав, что он иноверец, я всего лишь выдавил на себе мерзкую улыбку и сказал:

– Осмотри пацана и отпусти нас, я спешу.

Заметив мой грубый тон и ненависть к себе, доктор с улыбкой покачал головой и поспешил войти в больницу. Пройдя по серому коридору, с разбитым кафелем на полу, док вошёл в маленькую палату и попросил мальчика сесть на скамейку.

– Вашему сыну нужен рентген.

– Это не мой сын, – не меняя свой недовольный тон, отвечал я.

– Брат? – поинтересовался доктор.

– В угадайку играть будем? Нет, я не знаю его, ему на рынке за воровство палками руку переломали.

– А вы пожалели и привели его ко мне?

– Что мне оставалось делать? Добить?

– Вы что приезжий? – поинтересовался доктор, открыв какую-то банку с мазью и осторожно намазывая на кисть Мервана.

– Как понял?

– Местные никогда бы не пожалели вора, первый раз вижу подобное добро тут.

– А сам что забыл тут? – спросил я врача.

– По врачебным делам приехал из Англии. Как тебя звать и откуда ты?

– Я – Амид, и дальше тебя не касается. Жду пацана снаружи.

Ответив доку, я вышел из палаты и направился к выходу. Ощутив на себе пристальный взгляд, я развернулся. В самом конце коридора стоял босой мужчина, одетый в какие-то тряпки, напоминающие огромный коричневый мешок. Лицо разглядеть не получалось, на голове, подобно капюшону, свисала мешковатая одежда. Не обратив на него никакого внимания, я вышел во двор и уперся спиной о стену госпиталя. Смотря на небо, я начал размышлять о том, что мне делать дальше и как быть. На голову свалилась целая семья, непонятный город, еще двое солдат стали мне братьями и у нас есть дядя, который может с лёгкостью сдать нас властям. Как быть? Как дальше действовать? Тысячи мыслей сводили меня с ума. Как же я ненавидел влипать в тяжёлые ситуации. Но неожиданно меня похлопал по плечу доктор.

– Я наложил гипс на его руку, там всего лишь трещина, он скоро поправится.

– Так быстро? – с удивлением спросил я, смотря на счастливое лицо мальчика.

– Почему быстро? Наоборот долго возились.

– Хорошо, пошли, Мерван.

Парнишка осторожно обнял доктора и поспешил за мной. Отдаляясь от больницы, я услышал крик дока:

– Амид!

Обернувшись к нему и посмотрев на него, док сказал мне:

– Спасибо тебе, что не остался безразличным.

Я ничего не ответил врачу и поспешил уйти от этого места подальше.

– Разве мы не должны были ему заплатить? – поинтересовался Мерван.

– Я бы на твоём месте заткнулся и быстрее показал свой дом.

Мальчик тут же замолчал и ускорил шаг. Проходя какие-то трущобы, грязные дороги, дома, напоминающие руины, мы наконец-то дошли к какому-то каменному, грязному дому. Открыв деревянную дверцу, Мерван начал кричать:

– Синем, Синем! К нам гость!

– Тише, Мерван, кто там?

Ко мне на порог вышла смуглая девушка в мятой длинной юбке. Поправляя свою малиновую косынку на густых волнистых волосах, красивая смуглянка спросила меня:

– Мира Вам, что-то хотели?

– Для начала я хотел узнать, почему твой сын шатается один по рынку и грабит прилавки?

– О нет, опять? Умоляю Вас, это больше не повторится.

– Я задал вопрос, не умоляй меня, а по факту отвечай.

– Это не сын мой, а брат.

– Где родители? – грозно спрашивал я, рассматривая нищий и пустой дом девушки. Зато в нем я заметил хороший холодильник в комнате и диван.

– Родители погибли, и мы с братом живём вдвоём.

– Как вдвоём? – удивился я. – Органы опеки знают?

– Кто?

– Ах, да, я же забыл, что вы – деревенская дыра. Ну, и на какие деньги купила такой холодильник, мебель? Откуда у нас такой заработок, а? – улыбаясь, спрашивал я, подходя ближе к девушке.

Синем явно перепугалась. Сжав как можно сильнее брата за плечи, она прижала мальчика к себе и выкрикнула:

– Прошу Вас, я работаю у госпожи Мирьем, её муж разбился вместе с нашим отцом – он был их водителем. Госпожа живёт в «зелёном районе», у неё хороший дом и она позволяет мне убираться там, отдает иногда хорошие вещи, мебель, технику. Умоляю, не оскорбляйте дом моего отца.

Наблюдая, как Синем плачет, закрыв лицо руками, я протянул к ней пакет с конфетами и сказал:

– Да перестань ты реветь, я не изверг. Следи за братом, чтобы он дом твоего отца не позорил.

Девушка протёрла свои намокшие глаза и осторожно забрала у меня конфеты. Я развернулся и поспешил вернуться к себе домой. Выбежав на улицу, я услышал, как Синем кричит мне вслед:

– Пойдите, как Вас зовут?

– Я – Амид.

– Спасибо Вам, Амид.

Кивнув девушке, я потянул свой шарф вперёд, стараясь скрыть своё лицо от любопытных соседских женщин, и побежал в сторону рынка.

Глава 4. Явление закона

Войдя во двор, я прошел мимо крана, который торчал из земли, и у которого в длинный ряд стояла очередь людей с ведёрками. Проходя мимо очереди, все внимательно смотрели на меня, а кто-то из мужчин даже шушукался, подобно женщинам. Также я заметил очень худую девушку, она единственная стояла в очереди среди мужчин и провожала меня любопытным взглядом.

– А вот и ты! – раздался резвый крик и сильный хлопок по моему плечу.

Обернувшись, я увидел веселого парнишку с пачкой сигарет в руках. Ударив меня по плечу, задорный незнакомец закурил и, потушив спичку, спросил меня:

– Так значит ты и есть Амид?

– Прости, а мы знакомы? – скорчив физиономию, поинтересовался я.

– Вообще должны, я как бы твой друг детства – Хасан.

– Хасан... Рад видеть тебя и будь добр, не смей меня больше так бить по спине, – недовольно сказал я и поспешил домой.

– Стой-стой, ты куда? Я не слепой и вижу, что ты не Амид, но кто ты? Зачем тут?

– Что значит видишь? Я просто бороду сбрил, вот и не узнаёшь меня.

– Приятель, – улыбнулся Хасан. – Мне то зачем врать?

– Я – Амид, а верить мне или нет – это уже твои проблемы.

– Ничего себе, ты упёртый. И надолго к нам?

– Ещё не решил. Слушай, а что насчёт дяди моего сказать можешь?

– Муфтий Мутамид? О, дядя твой строгий, его тут все боятся, он и есть закон.

– Лучше бы вы Бога тут боялись, а то беспредел на рынках.

– О да, – засмеялся Хасан. – Ты ещё ничего не видел, тут иногда такое бывает, но лучше не вмешивайся, если не хочешь иметь проблем с дядей. Ладно, если что – заходи, я всегда во дворе.

– Давай, Хасан, мира тебе.

Проведя веселого друга взглядом, я побежал к дому, чтобы скорее избавиться от всех этих соседей. Раскрыв дверь, я быстро переобулся и вошёл в спальню. Навалившись на кровать, я стянул с себя шарф и уставился в потолок. Час, два, а может и больше, я незаметно для себя проспал. Разбудили меня голоса Абдула и Лании, они о чём-то громко говорили и хихикали. Медленно раскрывая глаза и поднимая голову с подушки, которую я прилично обслюнявил, я увидел напротив себя Абдула, который сидел спиной к сестре на кровати и, скрестив под собой ноги, заплетал ей косичку. Ничего не понимая, я выпрямился и, с удивлением смотря на них, спросил:

– Вы что делаете?

– О, проснулся? – улыбнулась мне Лания.

– Ты так храпел, мы думали, тебя уже ничего не разбудит, – радостно сказал брат, старательно завязывая резинку на косичке у сестры.

В этот момент в комнату вошёл Халим. Я посмотрел на друга, который стоял в сиреновом фартуке и протирал полотенцем стакан, разинул рот, и с ног до головы осматривал его.

– Чай кому налить? – спросил нас Халим.

– Что...? – еле прошептал я. – Что тут происходит? Я что вечность спал?

– А что не так? – с удивлением поинтересовался друг.

Я резко встал с места и, схватив Ланию за руку, скинул её с кровати вниз.

– Эй, ты чего? – выкрикнул Абдул.

– А ну быстро на кухню и накрой стол! – крикнул я перепуганной сестре.

Лания без лишних разговоров пулей вылетела из комнаты. Я резко выдернул полотенце из рук Халима и швырнул в стену.

– Вы что, башкой стукнулись? Это ещё что такое? Что за фартук? Ты мужчина или кто? А ты, Абдул, что делаешь?

– А что я сделал?

– Что сделал? Сидишь, заплетаешь косички, это нормально? Вы вообще рехнулись? Меня одного волнует, что у нас родственник кади? Вы реально тупые и не понимаете, что нам грозит? Да мы прямо себя под нож закона кладём, а вы косички плетёте и фартуки носите? Вы к себе совсем уважение тут стереть хотите?

– Да ладно, я просто помогаю маме. Что тут такого? – обиженно спросил Халим.

– Для помощи мама себе дочку родила, а ты выполняешь женскую обязанность. А ты, Абдул, – брат, а не сестрёнка. Ведите себя как мужчины. Я так и знал, что всё начнётся с бритья бород, а там пойдёт уже.

– Да не говори ты так, мы ничего криминального не сделали, – встав с постели, возникал Абдул. – А Халим всегда таким тупым был, это не удивительно.

Халим протянул руку к лицу Абдула и показал ему средний палец. Я схватил парней за плечи и, развернув их к себе, крикнул:

– Чтобы я больше этого не видел! Понятно!?

– Что тут происходит? – резко спросила меня мама, как всегда неожиданно оказавшись за моей спиной.

Я осторожно отпустил своих братьев, которые тут же побежали прятаться за спиной мамы, и собрав эмоции в кулак, развернулся к Майре и с улыбкой сказал ей:

– Доброе утро, мама.

– Значит мало того ты проспал весь вечер, утро и день, так ещё проснувшись отчитываешь своих братьев?

– Они немного неправильно повели себя, мама, я не мог не...

– Ещё раз, Амид, ты посмеешь отчитывать братьев за то, что они мне помогают, то из дома не выйдешь как минимум месяц.

Абдул и Халим стояли за спиной мамы и, сделав довольные лица, нагло смотрели на меня. Как же я хотел в этот момент размазать их об стенку, но мне ничего не оставалось, как сжать свои кулаки и тихо произнести:

– Конечно, мама, я больше не буду.

– Вот и хорошо, а теперь за стол все.

Мама снова поцеловала меня в щёку и пошла в зал, а мы, толкая друг друга, вошли на кухню. Недовольно развалившись на диван, я злобно смотрел на свою перепуганную сестру, которая старательно накрывала стол, поставив возле меня тарелку с блинами и стакан с крепким чаем.

– Мне кофе, – выкрикнул довольно Абдул.

Мама так же села рядом со мной и попросила кофе. Взяв в руки блинчик с начинкой, мама его с удовольствием откусила и прожевав сказала:

– Ммм, Халим, дай Аллах тебе долгой и сладкой жизни.

– Спасибо, мама, – покраснев и развязывая фартук, ответил брат. – Вам правда понравилось?

– Очень, сынок, ты у меня золотой.

Я и Абдул, скорчив свои рожи, переглянулись. Посмотрев на блины, а потом на Халима, я выкрикнул:

– Это что, ты приготовил?!

– Ну, да...

– Вот придурок, – засмеялся Абдул.

– Аллах! Абдул, это ещё что такое? – грозно возмутилась мама.

– Просите, – извинился брат, смеясь, посмотрев на меня.

Я с ненавистью взглянул на Халима и молча начал кушать. Блины действительно были очень вкусные. Наконец-то все уселись за стол и с большим аппетитом ели блины и обсуждали предстоящий день. Вдруг из-за соседней стены раздались крики, прервав наши разговоры. Расслышав в мужском голосе бранную речь, я вытянул шею и начал прислушиваться.

ся.

– Сынок, – обратилась ко мне мама, погладив меня по руке. – Подслушивать соседей нехорошо.

– Вы слышали, мама? Он кого-то оскорбляет.

– Да, это уже давно. Там живут муж и жена, Фархад и Дея, он давно бьёт свою жену.

– За что? – с любопытством спросил Абдул, откусив блинчик.

– Они давно женаты, а она так и не родила. Бесплодная.

– Что? – снова возмутился я. – Разве за это нужно бить? Вот это тут идиоты у вас живут.

– Почему же? – удивилась мама. – Каждый муж сам в ответе за свою семью и лезть не в свои дела, Амид, тебе не нужно. Я слышала, что ты вчера помог мальчику.

Я недовольно взглянул на Абдула, но друг тут же пожал плечами и сказал:

– Я ничего не говорил.

– Не смотри так на брата, – продолжила мама. – Об этом уже весь двор знает. Я ведь предупреждала, будьте тут осторожны, второй раз потерять вас я не смогу. Всё, теперь кушайте и Амид...

– Да, мама?

– Как доешь, наполни ведро водой.

– А, почему в ванной не моете?

– Вёдра мы наполняем из крана на улице, там источник.

– Хорошо, мама.

Быстренько перекусив, я встал с места и, схватив ржавое ведёрко возле раковины, побежал с ним во двор. Конечно же, как всегда накинув на голову синий шарф и закрыв своё лицо, я подошёл к очереди, где стояли дети и парни, наполняя свои вёдра. Терпеливо дожидаясь своей очереди и постукивая пальцами по ведру, я заметил, как к нам присоединилась та самая девушка, которую я уже тут видел. Периодически выглядывая из-за своего шарфа, я пытался разглядеть её, мне было интересно, почему сюда ходили мужчины, и только она была женщиной. Длинное, нежно-бежевое

платье до самого пола не могло скрыть ужасающую худощавость девушки. Она напоминала живой скелет. Длинные руки, тонкие пальцы, особенно привлекло внимание её тонкая и длинная шея, подобно шеям африканских женщин. Её волосы и лицо скрывала бледно розовая косынка. Я всё старался разглядеть её глаза, как вдруг меня снова по плечу кто-то ударил.

– О, Боже! – передернувшись, возмутился я, чуть не захав ведром по голове незнакомца. – Сколько меня бить собираешься?

– Да перестань, мне нравится видеть, как ты меня пугаешься, – громко смеясь, отвечал Хасан. – Да ты прямо из Гринписа, маме помогаешь, мальчиков на рынке спасаешь, что дальше по расписанию?

– Тебе заняться нечем? Во-первых, Гринпис помогает животным, дебил, а во-вторых, почему ты вечно ржёшь?

– А что, как и все тут ходить хмурым?

– Ладно, раз уж ты всё знаешь, может подскажешь, что это за девушка?

Хасан вытянулся из очереди и, как всегда дебилливо улыб-

нувшись, сказал:

– Это Дея, бесплодная жена. Её настолько муж не уважает, что ей приходится каждый раз самой ходить за водой или на рынок. Местный позор.

– За что её так не уважает муж? Она же больна, ей помощь нужна.

– И что? Она должна была думать, прежде чем выходить замуж. Муж не виноват, что она бракованная.

Услышав это, я сделал грозное выражение лица и, толкнув Хасана в грудь, вышел из очереди.

– Эй, ты чего? Но, я же верно говорю.

Подойдя к девушке, я резко схватился за её ведёрко и потянул его к себе.

– Что вы делаете? – испуганно спросила Дея, быстро вращая головой по сторонам.

– Убери руки, – недовольно сказал я и выдернул от её цепких пальцев ведро.

Все мужчины в очереди, естественно, с интересом обернулись и следили за мной так же, как и женщины, которые тут же высунули свои любопытные головы из окон. Я обошёл всех и, убрав чьё-то ведро ногой, поставил ведёрко Деи.

– Эй, ты чего? – возмутился какой-то парень. – Я воду набирал, соблюдай очередь.

– Она женщина, на самолёт не опоздаешь, если уступишь ей.

– Да мне плевать на неё, я стоял первый!

В толпе тут же раздался гул, неуверенно, но шумно мужчины начали бубнить, пытаясь массово запугать меня. Но я делал вид, что не слышу их. Тогда парень попытался меня потянуть за плечо. Резко развернувшись и схватив его за горло, я выкрикнул:

– Хотя на сантиметр ещё посмеешь сделать ко мне шаг, я всего тебя затолкаю в это ведро.

Люди тут же затихли. На улице стало так тихо, что я слышал, как дышал напуганный юноша, сжатый в моём кулаке. Откинув его в сторону, я взял ведро Деи и поставил под кран своё.

– Как наполнится, занесёшь ко мне, – сказал я Хасану и направился с ведром к дому девушки.

Все, разинув рты, развернулись и провожали меня шокированным взглядом. Я же поспешил к крыльцу, на котором стоял и курил Абдул, а чуть дальше тот уродливый сосед и муж Деи, Фархад.

– Стойте! – выкрикнула девушка, подойдя ко мне. – Муж убьёт меня, что Вы наделали? Да и у Вас теперь проблемы будут.

– Нет проблемы, которую я бы не решил. Ты боишься этих людей?

– Я бы Вам тоже советовала бояться людей, – сказала девушка, наконец-то взглянув на меня.

Я разглядел её разбитые губы, синяк на щеке и наполненные болью и страхом серые глаза. Нагнувшись к ней ближе, я сказал:

– А я тебе советую бояться меня, Дея. Я страшнее их всех.

Больше ничего не говоря, я подошёл к дому и, подняв-

шись на крыльцо, поставил ведро возле Фархада.

– Тебе что, сложно это долбанное ведро самому наполнить?

– Оу, что случилось? – тут же спросил Абдул, потушив папиросу о перила.

– Какого чёрта? – удивлённо спросил сосед, посмотрев на ведро, а потом на приближающуюся к дому жену.

Окно нашей кухни выходило на крыльцо, и наши голоса услышал Халим, который с любопытством высунулся в окно и кивнул мне, интересуясь, в чём дело.

– Ты что совсем от рук отбился, червь? – начал хамить мне Фархад.

– Червь скорее всего у тебя, раз детей заделать до сих пор не смог. Ещё раз услышу, мат за моей стеной, я с тобой говорить больше не буду, перейду сразу к делу.

– Амид, угомони свой пыл, – дергая меня за руку, начал шептать Абдул.

Фархад чуть не подавился, от неожиданной такой дерзо-

сти. Во дворе уже собрались соседи и все то и дело с интересом наблюдали за нами.

– Да кто ты такой, паршивый выродок, – наконец-то, придя в себя, произнёс сосед.

Мужчина выбросил папиросу и направился ко мне, явно готовым к бою, как вдруг он резко замер и изменился в лице. Я услышал за спиной разговоры и топот людей. Все расходились, желая кому-то добра и мира. Понимая, что к нам кто-то приближается, я развернулся и увидел высокого мужчину. Смуглый, в длинных одеяниях, напоминающих красивые халаты из сказок о волшебниках, с чалмой на голове, со статной осанкой и гордой походкой, мужчина направлялся по двору прямо в мою сторону. Хоть он и выглядел как джин из лампы, но внешность его была ухоженнее, чем у местных жителей, а взгляд полон уверенности и силы. Стоящий за мной Фархад сделал шаг вперёд и, слегка склонив перед гостем голову, сказал:

– Ас-Саляму Алейкум, уважаемый Мутамид.

Услышав это имя, я будто схуднул. Понимая, что вот и пришёл геморрой, которого я не ждал, я так же слегка склонился и поздоровался с кади:

– Ас-Салям Алейкум, Господин.

– Ва Алейкум Ас-Салам, братья. Что-то стряслось у вас?

– Пока что нет, Уважаемый, – тут же ответил Фархад.

– Вот и хорошо. Пройдём в дом? – обратился ко мне муфтий.

– Да, конечно... – растерянно сказал я и пошёл вперёд.

Зайдя домой, Мутамид, не разуваясь, прошёл в зал, а за ним вошёл Абдул и ещё какой-то молодой парень.

– А ты кто? – поинтересовался Абдул, закрывая дверь.

– Я не представился вам. Я – мулла Алим, ученик господина Мутамида.

– Рада тебя видеть, Мутамид, – с улыбкой сказала мама, выйдя к гостю из кухни.

– Я тебя тоже рад видеть, Майра. Не объяснишь мне, что это у тебя тут происходит?

– Что тут объяснять? Сыновья мои вернулись.

Мы все трое взволнованно взглянули на высокого муфтия, которой чуть ли не задевал потолок своей чалмой. Мужчина посмотрел куда-то вверх, а потом, погладив свою бороду, сказал:

– Майра, твои сыновья погибли на войне и...

– Ну, заем Вы так, дядя... – резко перебил я муфтия.

Мужчина нахмурил свои красивой формы брови и, черными глазами строго взглянув на меня, сказал:

– Оставь меня, Майра, с сыновьями.

– Конечно, Мутамид, пойду приготовлю пока что-нибудь.

Сказав это, мама развернулась к нам и, поцеловав в щёку Халима, а потом Абдула, с улыбкой подошла ко мне и, под видом, что целует, тихо прошептала:

– Не бойся никогда и никого, кроме Аллаха. Не бойся.

Не понимая к чему это она и для чего при дяде нас целует, да ещё и такое говорит, я проводил маму взглядом, а сам посмотрел на друзей, которые с удивлёнными глазами уста-

вились на меня, не зная, как им быть и что говорить. Муфтий вошёл в зал и встал напротив окна, что-то пристально там рассматривая, мы так же вошли за ним и сели на диван, дожидаясь что же он нам скажет. Не поворачиваясь к нам и около минуты пялясь в окно, кади наконец-то решил вспомнить, что мы в комнате и заговорил:

– Вы понимаете, какой грех совершаете?

Абдул и Халим посмотрели на меня, дав понять, что раз я получился старшим братом, то и первым отвечать тоже мне. Недовольно посмотрев на друзей, я повернулся к муфтию и спросил:

– Не особо понимаю Вас.

– В дураков играть будем?

– Мы сыновья Май...

– Сейчас же прекрати! – закричал мужчина. – Не боишься меня и несчастную женщину, то побойся Аллаха! Что вам нужно? Кто вас подослал к нам?

– Мы обычные ребята, дядя и ...

– Я не дядя тебе! Я прекрасно знаю, что вы были в форме и с оружием. Кто вас подослал?

Быстро сообразив, что кади всё же имел перед нами небольшой страх, я встал с места и, подойдя к нему, спросил:

– А разве есть причины засылать нас к Вам? А, дядя?

– Нет, какие причины? – уже более спокойно ответил муфтий.

– Тогда что за сомнительный вопрос? Мы служили и естественно мы вернулись в форме.

– Её сыновья погибли, вы не её дети и именно поэтому я хочу знать, что вам нужно?

– Дядя, нам нужно жильё, а потом мы дальше уйдём служить.

Мутамид прищурил глаза и с недоверием посмотрел на меня. В комнате зависла пауза. Нахмутив свои грозной формы брови, мужчина погладил себя по длинной бороде и с интересом спросил меня:

– Навсегда?

– Простите?

– Служить уйдёте навсегда?

– Навсегда, нам некогда торчать в этой дыре.

– Вы дезертиры? – ехидно поинтересовался кади.

– Мне кажется, мы уже отошли от темы, – прервал его Абдул.

Но муфтий даже не развернулся к нему и внимательно смотрел в мои глаза. Халим встал с места и с улыбкой сказал:

– Действительно, что мы всё ерунду обсуждаем? К нам дядя пришёл, давайте за стол что ли?

– Кушайте без меня, мальчики, и запомните: живёте тут тише воды и ниже травы. Переждали и исчезли так же плавно, как и появились, иначе я буду вынужден избавиться от вас.

Сказав это, Мутамид внимательно посмотрел на фартук Халима и, поправив свой синий халат, поспешил удалиться из дома. Мы только и успели, что проводить его взглядом.

– Что за фрукт? – злобно спросил Абдул.

– Фрукт не фрукт, но он прекрасно всё понял и спокойно нас сможет растоптать, если пожелает. Так что слушаемся дядю и сидим тихо, а то не хочется потом отвечать по законам шариата.

Друзья кивнули мне и пошли вместе со мной на кухню.

– А Мутамид ушёл что ли? Даже не остался покушать? – расстроено спросила Майра.

– Дядя очень торопился, мама. Но думаю, в другой раз он обязательно останется позавтракать с нами, – улыбаясь, сказал я и сел за стол.

– А где юный мулла Алим?

– Он ушёл вместе с Мутамидом.

Мы все сели за стол и решили больше не обсуждать эту тему, а набить рот и желудки вкусной едой.

Глава 5. Явление веры

Прошёл ещё один тяжёлый день. Я, еле раскрыв глаза, тут же начал думать, как бы нам скорее найти работу. Лениво встав с постели, я заметил, что Халим тоже спал, а вот Абдул отсутствовал. Тихонечко, на носочках, я поднялся с места и направился к коридору. Заметив спину Абдула, который согнулся и куда-то смотрел, я вытянул шею вперёд и увидел, что брат подглядывал в дверную щель ванной. Наконец-то поняв, что он следил за купанием сестры, меня словно кипятком ошпарило. Я рванул с места и, крепко схватив Абдула за горло, потащил его в зал. Припечатав брата к стене и ударив головой о сервант, я выкрикнул:

– Ты что делаешь?! А?!

Ещё раз со всей силы ударив Абдула головой об стену, я кинул его на пол. В этот момент в комнату забежал Халим. Крепко схватив за плечи, он постарался оттянуть меня от друга.

– Вы чего? – крикнул Халим. – Успокойтесь сейчас же!

Абдул сел на полу ровно и начал протирать свой нос, из которого ручьём полилась кровь.

– Ты тварь, мы о чём договаривались? – оттолкнув от себя

Халима, спросил я Абдула. – Ты что глазел на голую Ланию?

– О, нет, – недовольно простонал Халим. – Какого чёрта, брат? Мы же договаривались без выходов.

– Я всё равно ничего не видел, зачем такой шум поднимать?

Снова не выдержав, я вцепился в горло Абдула. Халим как всегда встал между нами, пытаюсь разнять.

– Слово даю, Абдул, ещё раз за подобное застукаю, клянусь – я пущу пулю в твою голову.

– Ты обалдел?! – выкрикнул Абдул.

– Нет, я предупредил.

Откинув от себя друга, я ушёл в спальню переодеваться. Халим повернулся к Абдулу и, покачав головой, сказал:

– Ты знаешь, я всегда на твоей стороне, но сейчас он был реально прав. Пошли, остановим кровь твою.

Из ванной вышла сестра. Быстренько заскочив в зал, она переоделась. Мы же втроем сидели за столом на кухне. Ха-

лим подвинул ко мне пиалу с вареньем и сказал:

– Слушай, я планирую на рынок устроиться, буду фруктами торговать.

– А я с твоим другом разговаривал, – обратился ко мне Абдул.

Я недовольно посмотрел на него и отвернулся, делая вид, что смотрю в окно. Воткнув салфетку себе в ноздрю, Абдул продолжил.

– Хасан сказал, что мы недалеко отсюда на стройке работали, можем с тобой туда пойти, устроиться.

На кухню вошла сестра. Завязывая резинку на косичке, она радостно сказала:

– Всем доброе утро, я в школу, вечером увидимся.

– Почему это вечером? – возмутился Абдул.

– Потому что я с девочками немного погуляю, а у тебя что, кровь пошла?

– Только не долго, – сказал ей Абдул и испуганно взглянул

на меня.

Даже не допив свой чай, я встал с места и направился на рынок, решив что-нибудь купить в дом и заодно отвлечься от сегодняшнего конфликта. Увидев идущую мне на встречу Дею, как всегда с полным ведром воды, я остановился и поприветствовал её, забрал ведро.

– Амид, пожалуйста, ты навлечёшь беду на мою голову.

– Я защищу тебя, не бойся.

– С чего это вдруг такая забота обо мне? – поинтересовалась девушка, приятно улыбнувшись.

Недовольно посмотрев на неё, я поставил ведро на крыльцо и сказал ей:

– С чего ты взяла, что я забочусь о тебе? Просто я скоро уеду и хочу, чтобы местные мужчины так же помогли моей матери и сестре, а на тебя, костлявая Дея, мне глубоко наплевать.

Девушке стало явно обидно, и не найдя никаких слов в ответ, она быстро схватила ведёрко и забежала с ним домой. Я поправил свой шарф и пошёл на рынок. Рассматривая фрук-

ты и бобы, проходя мимо печёного, я снова увидел того самого мальчика Мервана. Парень как обычно высматривал себе сладости и дожидался момента, чтобы ограбить. Осторожно подойдя к нему, я схватил его за плечо и крикнул:

– Попался?!

– Фу ты, напугал. Ас-Салямю Алейкум, брат, – поздоровался пацан и крепко обнял меня.

– Брат? – удивился я. – Я тебе не брат, не забывайся. Ты же обещал не позорить отца, почему опять воруешь?

– А что делать? Сестра только необходимую еду покупает, а сладостями не побалуует меня.

Я улыбнулся мальчишке, и, держа его за руку, направился на рынок, накупив еды, фруктов, овощей, сладостей и даже каких-то игрушек. Возвращаясь со счастливым Мерваном к ним домой, я погладил его по голове и спросил:

– Как твоя рука?

– Уже лучше, к нам приходил этот доктор, помнишь?

– Вислав? – удивился я. – Зачем?

– Осмотрел меня, принёс какие-то лекарства необходимые и сказал сестре, что всегда поможет ей.

Этот поступок иноверца действительно меня удивил, но не подав виду, я спросил:

– А к твоей сестре часто мужчины приходят?

– Нет, ты первый и второй этот док. Пошли, поздоровайся с сестрой! – закричал мальчик и пробежав по бордюру во-рвался в свой дом.

– Синем-Синем, сестра! Амид пришёл!

Девушка тут же вышла мне на встречу, и, увидев меня с огромными пакетами в руках, она растерялась.

– Куда ставить? – поинтересовался я.

– Это что нам? – спросила красавица.

– Со своим я бы к вам не припёрся.

– Да, конечно, сюда, проходи на кухню.

Поставив пакеты на стол, я смотрел, как радостный Мерван вынимал оттуда печенья и просто сиял от счастья.

– Амид, зачем Вы делаете это? – с волнением спросила меня девушка, стараясь спрятать за спину свои густые и волнистые волосы. – Я не в состоянии буду Вам отплатить за это всё.

– Мне ничего от тебя не нужно, Синем. Если позволишь, только один вопрос, только ответ мне честно.

– Хорошо, что интересуется?

– Ты девственница?

Услышав это, Синем стала цвета помидора. На момент мне показалось, что она вот-вот упадёт. Схватившись за спинку стула, она начала быстро дышать и не поворачиваясь ко мне, сказала:

– Это сверх бестактности, пожалуйста покиньте мой дом и больше не помогайте нам.

– «Да» или «Нет?»

– Господи, Амид, у Вас совесть есть? Мой брат стоит, а

Вы...

– Твоё на лево... «Да» или «Нет?!» – повысив тон повтори́л я.

– Да! Да! Убирайся!

– Вот и всё, стоило так тянуть?

Я с улыбкой помахал Мервану и моргнув растерянной девушке, которая вот-вот готова была заплакать, я поспешил на рынок. Поправляя свой синий шарф, я шёл радостный и разглядывал прилавки с овощами, как неожиданно меня потянул за руку Абдул и сказал:

– Вот ты где, я тебя по всему рынку искал.

– Что ты тут делаешь?

– Да брось, я ничего такого не сделал, ну подглянул, ну и что?

– Мы договаривались, что она сестра и отношение к ней, как к сестре, а ты что с утра там делал? Думаешь, я не видел где твоя рука была в этот момент?

Услышав это Абдул потерял дар речи. Толкнув недовольно друга в плечо, я пошёл вперёд, не желая с ним говорить.

– Стой, Амид, ладно, я виноват, прости меня.

– Передо мной зачем ты извиняешься?

– Ты ведь тоже мужчина, ты тоже после службы и должен понимать меня.

– Даже не думай меня растрогать, я это не собираюсь понимать. Мы все дали слово, а ты слово нарушил, как нам верить тебе? А вдруг ты и муфтию сдашь нас?

– Нет-нет, стоп, я что крыса теперь?

– Ну, а кто? Если нарушил слово? Мужчина не сдержавший слово – чёрт. Уговор был, что мы втроём братья и ведём себя как братья, уважая эту семью и защищая её. Если лодка, в которую мы все сели дала трещину, то мы утонем, Абдул. Ты потопишь нас.

Друг виновато повесил голову и сверлил взглядом землю. Я не стал ему мешать и пошёл вперёд. Схватив из ящика яблоко, я откусил его и повернулся к Абдулу. Продавец яблок недовольно взглянул на меня, ожидая, что я заплачу за отку-

санный товар. Друг подошёл ко мне и сказал:

– Поверь, я и так за всё наказан. Хотя бы ты не добивай.

– Ты сам себя добиваешь. Мог бы измениться, а не продолжать былое.

– Знаешь за моё прошлое?

– Я никогда не работаю с людьми, пока не узнаю про них всё, а о том, как ты служил и какой ты подонок, я хорошо знаю. Только я этого не осуждаю, мы все там такие бывали, но тут? Давай ты найдешь в себе силы стать нормальным человеком, хорошо? – сказав это, я всё же почувствовал, что Абдул совсем побледнел и мои слова унизили его.

На минуту мне показалось, что ему действительно стало плохо. Поставив откусанное яблоко на место, я схватил друга и начал трясти его. Абдул закатил глаза и потерял сознание. Я тут же закричал, пытаюсь просить кого-нибудь помочь. Кто-то из продавцов начал лить на Абдула воду, а кто-то раздавать пощёчины, но я тут же вспомнил про доктора Вислава. Взяв друга на руки, я побежал с ним к первой же машине и попросил довести нас до госпиталя. За доллары водитель с удовольствием нас подкинул прямым к порогу больницы. Занеся Абдула в первую же палату, где я уже бы-

вал с Мерваном, я уложил друга на койку и начал выкрикивать имя врача. Какие-то мужчины бегали из стороны в сторону, пытаясь осмотреть моего брата. Наконец-то у входа в палату показался Вислав.

– Добрый день, Амид, что-то случилось?

– Здравствуй, это мой брат, он резко потерял сознание на рынке.

– Спасибо всем. Оставьте меня наедине с пациентами, – сказал Вислав врачам.

Удивительно, но все доктора послушно подчинились ему и тут же покинули палату. Абдул пришёл в сознание, а Вислав задавал ему вопросы и внимательно осматривал. Наконец-то поговорив, док повернулся ко мне и сказал:

– С ним всё хорошо, обычное переутомление. Это твой родной брат, Амид?

– Да.

– Я дам тебе кое какие лекарства и напишу, как их принимать. Пусть он соблюдает режим, а ты, брат, – обратился док к Абдулу, – подожди Амида снаружи.

– Хорошо, – удивлённо сказал Абдул и вышел из палаты.

– Что-то не так? – спросил я, дождавшись, пока брат вышел.

– Выслушав его симптомы, я не могу помочь, я не по этой специальности, но могу с уверенностью сказать, что ему требуется срочное лечение.

– Вы вообще врач? Травмы не лечите, брата не лечите, но что-то в больнице делаете.

– В этом городе много трупов, которые погибли от ожогов, от насилия и других необъяснимых ситуаций, но тут никто этого не расследует, тут это норма. Я судмедэксперт, добровольно выбрал это место для собственного расследования и помощи местным жителям.

– Ну надо же, христианский спаситель исламского мира, – с иронией сказал я, улыбнувшийся доку. – Лучше бы вы не кидали бомбы на наши земли, эта помощь куда нужнее мусульманам от вас, чем твои дурацкие расследования.

– Слушай, Амид, – вздохнул док, встав из-за стола. – Я понимаю, ты служил и в тебе кипит ненависть к таким лю-

дям, как я. Но ты мужчина не глупый, и должен понимать, что я не могу отвечать за всех христиан, как и ты не показатель всех мусульман. Я помогаю как могу, так же, как и ты стараешься этот делать. Твоему брату нужно лечение, не откладывайте это.

Доктор протянул мне пакет с лекарствами и запиской. Я недовольно выхватил пакет и поспешил к Абдулу. Выйдя в коридор, я отдал ему лекарства и сказал:

– Тебе надо лечиться. Доктор сказал, что у тебя нехорошие показатели.

– Я слышал ваш разговор, ты поверил христианину?

– Кем бы он не был, он врач и...

– Амид, – возмутился Абдул. – Он не врач, и где гарантия, что он не отравит меня решил? Он подослан сюда, ты сам это слышал.

Друг пошёл вперёд и поспешил покинуть госпиталь. Я молча сунул пакет в карман и пошёл за ним. Мы ни о чём не говорили, пока наше молчание не прервал призыв к молитве. Подобно бурундукам, мы замерли и подняли головы вверх, стараясь вслушаться в слова призыва.

– Это что, азан? – удивленно спросил меня Абдул.

– Выходит, да.

– Вот где и обитает наш дядя, пошли, я хочу войти в мечеть.

– Зачем тебе это?

Но Абдул не слышал меня и помчался на звук. Мы шли на приятный голос, который призывал всех мусульман к молитве. Наконец-то дойдя до невысокого каменного здания песочного цвета и полностью расписанного красивыми узорами, Абдул скинул свои сланцы и босиком побежал внутрь. Я решил подождать его во дворе. Поставив правую руку на каменное здание, я обвел взглядом все вокруг, осматривая рассыпанные стены древней мечети. Взглянув на высокий минарет, где стоял мужчина, который завершил исполнять свой призыв, я опустил глаза и обратил внимание на капли воды, разбрызганные по сухой земле. Наступая на эти капли, я обошёл минарет и замер. В пару шагах от меня стоял тот самый босой мужчина, которого я уже видел в больнице, теперь я мог разглядеть его бледные и страшные ноги и непонятный мешок, который он носил, закрывая своё лицо тенью от капюшона.

– Ты кто? – выкрикнул я.

Но человек напротив не спешил шевелиться и стоял как вкопанный. Я осторожно сделал шаг вперёд, как вдруг мужчина поднял руку и указал наверх. Я посмотрел по направлению его пальца и заметил наверху мечети небольшое окошко. Посмотрев обратно на мужчину, я удивился – его будто и не было. Мотая головой из стороны в сторону, я побежал вперёд и стукнулся лоб об лоб с Абдулом.

– Эй, ты чего? – потирая себя по голове, спросил брат.

– Ты никого тут не видел?

– Нет, точнее видел всяких людей, а кто нужен?

– Мужчина такой, непонятно одет, а может и парень, возраст неясен.

Заметив на голове Абдула белую тубетейку, я улыбнулся и спросил:

– Это ты где взял?

– Я поговорил с юным муллой Алимом, теперь я буду по-

стоянно ходить в мечеть, молиться, он мне во всём поможет.

– Ого, да ты полностью решил поменять имидж?

– Я исправлюсь, даю слово.

Сказа это, Абдул крепко обнял меня, хлопая по спине. Я постарался оторвать от себя друга, так как не любил эти нежности, но одобрил его решение, и мы поспешили на рынок, чтобы скорее закупить еды и вернуться домой.

Глава 6. Явление несправедливости

– Ну, как после молитвы ощущаешь себя? – с улыбкой спросил я друга.

– Намного лучше, легче и хорошо мне.

– Я рад. Если ты действительно сможешь стать праведным человеком, обещаю забыть все обиды, что между нами были.

– Договорились. Давай купим баранину, мама сегодня мясо готовить будет.

– Слушай, как думаешь, Халим захочет себе жену-дев-

ственницу?

– Что? – удивился Абдул. – Что за тупой вопрос? Конечно, он же семейный парень. Да и какой мужчина не захочет?

– Мне не принципиально, я не отказался бы от опытной, с небольшим прогоном, – заметив, как брату стало неприятно, я засмеялся.

– Чёрт, Амид, заткнись. А почему ты вообще спросил об этом?

– Я ему нашёл красавицу жену.

– Серьёзно? – с интересом поинтересовался Абдул, остановившись у прилавка с мясом. – Кто она? Подожди, а откуда ты уже знаешь, что она девственница?

– Я раздвигал, проверял.

– Фу, иди ты. Почём мясо? – резко спросил Абдул у продавца.

Я смеялся и смотрел на своего друга, который уже и слушать меня не хотел. Заметив за прилавком милую морду собаки, которая осторожно пыталась дотянуться до мяса, я

улыбнулся ей и аккуратно решил оторвать кусок, чтобы животное не запачкало товар. Осторожно, еле разодрав пальцами кусок мяса, я кинул собаке. Абдул уже выбрал хорошую часть барана и протягивал продавцу деньги за товар. Дождавшись, пока собака поела, я топнул ногой, чтобы она немедленно убралась отсюда, но животное радовалось мне и виляло хвостом, прося добавки.

– Ладно, пошли, накормлю тебя, – сказал я псине и пошёл вперёд, махнув ей рукой.

Пёсик было направился за мной, как вдруг абсолютно неожиданно из-за прилавка вылетел мужчина, держа в руке деревянную палку. Схватив собаку за шкуру, он выбежал с ней в центр рынка и, прижав псину головой к земле, со всей силы начал бить её по туловищу. Животное скулило и пыталось встать, размахивая в стороны лапами, но мужчина так твёрдо вдавил собаку в землю, что ей ничего не оставалось, как издавать жуткий визг на весь рынок.

– Нет! – закричал я. – Что Вы делаете?! Оставьте животное!

Но буйный мясник не слушал меня и продолжал беспорядочно добивать пса, приговаривая, что нечего его мясо пачкать. Заметив, что у животного пошла кровь, я не выдержал

и рванул к мяснику.

– О, нет, – застонал Абдул. – Амид, ради Бога, не вмешивайся. Амид, стой!

Схватив мясника за руку, я оттолкнул его назад, стараясь прижать дворнягу к себе.

– Ты совсем рассудка лишился? – кричал я.

– Это ты как смеешь вонючую тварь трогать? Она моё мясо украла!

– Ничего она не трогала!

– Я видел! Это люди едят, а ты хочешь позволить грязной собаке к мясу прикасаться?

– Эй, давайте успокоимся и все разойдёмся по своим делам, хорошо? – выставив руки в стороны говорил Абдул, пытаясь разогнать любопытную толпу, которая как обычно моментально собралась глазеть на нас.

– Давайте вы свалите отсюда, – выкрикнул мясник. – Устроили мне тут шоу защиты животных. Вообще собак этих всех перебить надо.

Я сжимал пёсика и старался успокоить его. Животное забилось к моей груди и скулило от полученных травм. Мясник довольно поставил палку возле своего прилавка и крикнул нам:

– Давайте живее, убирайтесь с моего района и шавку свою забирайте, или же дайте я добыю.

– Кто сказал, что это твой район? – произнёс я, развернувшись к мяснику.

– Что ты там вякнул? – не расслышал мужик.

– Амид, бросай псину и проваливаем, – сквозь зубы шептал мне Абдул.

Поставив испуганную собаку у ног друга, я поднялся с земли и подойдя к мяснику, переспросил:

– Я спрашиваю, кто тебе сказал, что это твой район?

– А кто ты такой, чтобы высказывать мне тут?

– Ещё раз ты хоть пальцем тронешь тут любое животное, хоть собаку, хоть ребёнка, я даю слово, что поступлю с то-

бой точно так же, и ты вылетишь из этого района так, как когда-то сюда влетел из нутра своей матери. Ты меня понял?

Мясник будто дар речи потерял. Такого хамства он явно не ожидал. Люди вокруг замерли и внимательно пытались разглядеть меня. Увидев, что мужчина медленно тянулся к своей палке, я быстро схватил её и швырнул за его голову. Мясник нагнулся, чтобы ему не попало в лоб. За его спиной я увидел муфтия и юного муллу. Палка пролетела мимо Мутамида и с грохотом ударилась о землю. В отличии от дёрнувшегося муллы, муфтий даже не шевельнулся и, как летающий джин, плавно подошёл к нам. Взглянув на собаку, а потом на меня, Мутамид спросил:

– Что тут происходит? Почему все встали?

– О, Господин, – тут же в поклоне начал жаловаться мясник. – Этот юноша угрожал мне низкими словами за то, что я ударил эту собаку.

– Это так? – поинтересовался у меня кади, как всегда с прищуром смотря на меня.

– Да, так.

– И за что ты ударил животное? – снова обратился дядя

к мяснику.

– Собака украла моё мясо, Господин. Всё же это собака и Вы сами знаете, как...

– Знаю, – резко перебил его муфтий. – Нна рынке полно детей, которые увидели твою жестокость. Требую, чтобы это больше не повторялось, ибо наносить увечья как человеку, так и животному – запрещено.

Услышав эти слова от дяди, я скривил своё лицо, прекрасно понимая его лживый ход, играющий на публику. Бить и людей, и животных тут норма, а сейчас вдруг запрещено оказалось. Развернувшись к Абдулу, который уже нерадостно смотрел на меня, я увидел за его спиной того человека в мешковатой одежде с капюшоном на голове. Мужчина обошёл моего брата и свернул за прилавок.

– Идём, Амид. Если вы всё купили, то не мешайте остальным, – сказал мне Мутамид, похлопав меня по плечу.

Мы подошли к Абдулу. Мулла Алим так же стоял возле нас и с волнением ждал, что же сейчас скажет муфтий. Дождавшись, пока жизнь на рынке снова закипела, а люди стали проходить мимо, дядя посмотрел на меня и сказал:

– Я, кажется, предупреждал тебя, не встречать в подобные ситуации?

– Я не могу делать вид, что ничего не замечаю.

– Придётся! – выкрикнул дядя. – Ты испытываешь моё терпение?

– Я Вас трогал? Я вроде бы порядочно живу.

– Убирайтесь, ваше время вышло.

– Мы ещё не готовы, – встав ближе к муфтию, ответил я.

– Мне всё равно, Амид. Я вам дал время, и оно вышло, убирайтесь из города.

– Разве Вы нам давали время? – поинтересовался Абдул.

– Я дважды повторять не буду. Завтра с утра чтобы вас уже не было.

Сказав это, муфтий развернулся и ушёл. Я посмотрел ему в след и выкрикнул:

– Я сам решу, когда мы уйдём.

Дядя резко замер. Абдул и Алим испуганно переглянулись. Стоя ко мне спиной, Мутаид резко развернулся и, подойдя вплотную, сказал:

– Повтори.

– Мы уйдём, когда я решу, что нам пора.

– Тогда считай, что вам уже пора.

Муфтий грозно осмотрел меня и быстро скрылся среди толпы прохожих. Мулла Алим вздохнул и посмотрев на нас сказал:

– Вы это зря, вы же понимаете, что тут всё в его власти.

– Что всё? Толпа недалёких садистов? – возмутился я.

– Разве вы не знаете, что разъярённая толпа и быка задавит? Воюйте с кем угодно, но только не с кадием, только не с ним, ребята.

Я поднял с земли собаку и пошёл с ней домой. Абдул дал пару пакетов Алиму и попросил его помочь донести продукты до дома. Шли мы медленно. Я всю дорогу останавливал-

ся, чтобы помочь животному лежать удобно и не давить на его больные места. Наконец, дойдя до двора, я уложил недалеко от крана с водой пёсика и начал его гладить. Местные дети тут же подбежали и начали донимать меня вопросами, а что такое с собакой и почему я её глажу.

– Её машина случайно сбила, – сказал я детям, которые тут же расстроились.

– Бедная, что теперь будет? Она умрёт?

– Нет, если каждый из вас сможет сделать доброе дело и спасти её. Короче, вы стройте ей домик, а вы притащите миски для еды и воды. Каждый день следите, чтобы она ела, пила и шла на поправку. Если она сдохнет, то вы попадёте в ад и сгорите там в страшных муках, это ясно?

Дети, хлопая глазами, внимательно тарасились на меня. Переглянувшись между собой, ребята побежали кто куда, решив накормить собаку и построить ей домик. Поняв, что животное в безопасности, я оставил её на земле и пошёл домой. Абдул и Алим вытаскивали купленные продукты и о чём-то говорили. Я вошёл в ванную и пытался омыть себя после прикосновения собаки. Вдруг в дверь постучались. Слегка приоткрыв её, я увидел маму.

– Алим сказал, ты столкнулся с дядей, и тот велел вам убираться? – грустно спросила женщина, облокотившись к стене.

– Мне плевать, что дядя мне велел.

– Сынок, я вижу твою силу и доброе сердце, но прошу тебя – я не хочу потерять вас снова. Не гневи Мутамида.

– Я не дам ему обидеть Вас, мама, не переживайте.

Майра молча покачала головой и направилась на кухню, а я вытер руки и вошёл в спальню. Отодвинув шторку от маленького окошка и поставив туда пакет с лекарствами, который я вынул из кармана своих спортивных, я старался сам себе объяснять, что действительно пора прекращать кидать вызов местному обществу. Похлопав ладонью по деревянному подоконнику, я резко укололся. Дёрнув рукой и заметив занозу, я тут же начал её вынимать зубами, кусая свою кожу на руке. Подоконник весь был поцарапан, но это не помешало мне, среди разных надрезов, разглядеть надпись из арабской вязи. Нагнувшись и внимательно посмотрев на её, я прочёл: «он демон».

– Ты что там делаешь? – резко спросил меня, вошедший в комнату, Абдул.

– Ты ничего тут не замечал? – спросил я друга.

– Что именно?

– Я иногда вижу странного человека, он будто преследует меня.

– Тебе просто надо выспаться. Ты слишком много уделяешь внимания всему.

– Да, может ты и прав. Я, пожалуй, прилягу.

– Хорошо, Амид, до завтра.

– До завтра, – ответил я Абдулу и, дождавшись пока он вышел, ещё раз взглянул на эту надпись. Пожав плечами, я вздохнул и навалился на кровать.

Следующие дни казались спокойным. Я и Абдул устроились на стройку, как и говорил нам Хасан, Халим по выходным торговал на рынке фруктами. Абдула каждый день посещал мечеть, а за стенкой иногда доносились побои и мат от нашего соседа Фархада. Каждый раз возвращаясь с работы, я закупал пакеты с едой и отдавал их Мервану, предупреждая его, что это им передал Халим. Пацан с радостью рассказы-

вал сестре о тайном Халиме, который теперь их обеспечива-
ет.

Глава 7. Явление чувств

Прошло почти два месяца, как мы прижились в новой семье. Проходя с ведром воды и смотря на собаку, которая гордо сидела и охраняла будку, я улыбнулся ей и увидел Дею. Девушка спустилась с крыльца, сжимая в руке железное ведро.

– Стой, я давно тебя не видел, всё хорошо у тебя?

– Тебе то что? Тебе же плевать на меня.

– Тебя так сильно задела мои слова?

– Меня не удивляет грубость мужчин.

Заметив ожоги на руках девушки, я схватил её за руку и, развернув к себе, спросил:

– Он о тебя папиросы тушит?

– Не важно.

– Я вопрос тебе, мать твою, задал, разговаривай со мной нормально.

– Что? – растерялась девушка. – Это просто хамство... – заметив, что я был полон злобы, Дея решила не продолжать спорить со мной и, опустив свой взгляд вниз, сказала: – Он каждый раз нечто подобное со мной делает, я привыкла.

– За что? Есть причина этому?

– Он неудачник, и просто тварь, – сказав это, девушка подошла к крану и поставила ведро. – Ты мне как-то сказал, чтобы я никого не боялась, кроме тебя. Но ты мне не сказал кому я могу верить тут?

– Мне. Я не обману.

– Верить тому, кто называет себя Амидом? Покойным сыном Майры? Очень логично.

Ничего не ответив капризной Дее, я развернулся и пошёл домой. Поставив ведро на кухню, я сел на диван и посмотрев на Абдула и Халима, которые что-то, смеясь, обсуждали, спросил:

– Когда расскажем правду?

– Прости? – переспросил Халим. – Ты о чём?

– Маме правду когда скажем? Я хочу уже взять свои деньги и свалить отсюда. Вы забыли для чего мы тут и зачем?

– Да, я как раз хотел с вами поговорить об этом, – вздохнул Халим. – Дело в том, что я ради денег готов был на всё. Что ещё нам нужно, если не деньги? Ребят, без обид, но я остаюсь.

– Что?! – выкрикнули я и Абдул.

– Я прошу кого-нибудь из вас взять мою долю у Хабиба и высылать мне сюда, когда потребуется. Я не хочу терять маму, я никогда не имел матери и упускать такой Божий дар я не хочу.

– Ты хочешь сказать, что ты готов променять свободную жизнь в Европе на эту дыру? На этих больных на голову людей?

– Я готов даже денег лишиться, лишь бы остаться с матерью.

Мы с Абдулом переглянулись. Такая новость нас удивила.

– Если ты останешься, то сюда никто тебе не сможет выслать деньги, нас тогда всех вычислят из-за тебя. – возмутился Абдул. – Мы должны отсюда связаться с Хабибом, узнать где именно он закопал два баллона наших бабок, и валить в ту точку.

– Я понимаю, – опустил голову, сказал Халим. – Но мама мне дороже, простите.

– Отлично, первый слился, – недовольно сказал я, облокотившись на спинку дивана. – Я заберу твои деньги себе, слово даю – не трону, пока сам не заберёшь их. Ты это уже точно решил?

– Да, я согласен.

– Тише. Слышите? Это не мама? – резко перебив нас, спросил Абдул.

Ребята затихли, и мы действительно услышали голос Майры, который доносился с улицы. Быстро подскочив с места, мы все высунулись в окно, где увидели маму с каким-то жирным мужиком. Мужчина громко возмущался и что-то высказывал ей. Во дворе как обычно собрались мужчины с детьми,

а женщины пугливо выглядывали из окон. На кухню тут же забежала Лания и, выглянув в окно, сказала:

– Ох, это Гуафар...

– И кто это? Что ему нужно? – поинтересовался Абдул.

– Весь этот дом принадлежит ему, и каждая семья обязана каждый месяц платить ему за проживание. Обычно это делали братья, потом отец, но после его смерти долги некому стало оплачивать, мамино пособие – копейки.

– Сколько вы ему должны? – спросил я.

– Немало, – повесив голову, ответила сестра.

– Абдул, в шкафу, где мои штаны, в правом кармане лежат деньги.

– Они в долларах у тебя?

– Да, думаю он не против будет.

– Хорошо, сейчас принесу.

Пока Абдул побежал в спальню за деньгами, мы с Хали-

мом наблюдали, как мужчина требовал от мамы долг.

– Нет, Майра! Хватит уже! Я не собираюсь постоянно жалеть тебя из-за потери сыновей и мужа! Ты, как и все, обязана мне платить.

– Умоляю, ещё месяц, и я верну всё.

– Вернёшь? Ты уже сколько месяцев мне это говоришь? Бери дочь и выметайтесь!

– Нет! – закричала женщина.

– Да! И быстро!

– Ни за что! Я никуда не уйду, понял!

Услышав такую недопустимую дерзость от женщины, хозяин пришёл в бешенство и, грубо схватив Майру за кисть руки, потянул её вперёд. Пытаясь остановить больного Гуафара, женщина стала сопротивляться, из-за чего разозлила хозяина ещё больше. Дёрнув Майру со всей силы и видя, что она упала, Гуафар поспешил волочить женщину по земле, стараясь выкинуть её за пределы двора. Увидев это, я ринулся к двери, следом за мной и Халим. Выбежав во двор, я с разгона заехал Гуафару кулаком в челюсть. От неожиданно-

сти мужчина потерял равновесие и рухнул вниз. Халим быстро поднял маму с земли и начал оттряхивать её.

– Мама, Вы в порядке? Не больно?

– Нет-нет, сынок, всё хорошо у меня, – растерянно отвечала Майра, внимательно смотря как я, схватив за ворот хозяина, поднял его и начал кричать.

– Ещё раз, ты – чёрт старый, хоть на миллиметр посмеешь подойти к моей матери, я тебя по земле раскатаю. Ты меня понял?

Мужчина всё вращал глазами и пытался поймать равновесие, что-то фыркая под нос.

– Ты меня понял?! – уткнувшись лбом к нему, спрашивал я.

Подбежавший с деньгами в руках Абдул, тут же разжал мои кулаки. Пузатый хозяин снова рухнул на землю, стараясь прийти в себя.

– Иди в дом, – сказал Абдул, отгаскивая меня от Гуафара. – Амид, иди домой.

Мама подошла ко мне и, обняв за плечи, поспешила уйти со мной. Абдул нагнулся к Гуафару и спросил у него:

– Эй, соображаешь там? Встать сможешь?

– Да... Кажется могу... – еле произнёс хозяин.

Халим приподнял мужчину и помог ему встать. Абдул протянул к нему несколько долларов и сказал:

– У нас только в такой валюте, но думаю тебе этого хватит, чтобы погасить её долги, всё верно?

Массируя рукой свою челюсть и недовольно смотря в мою сторону, как я вместе с мамой заходил домой, Гуафар взглянул на доллары и сказал:

– Да, этого хватит.

– Я надеюсь, этого больше не повторится, да? – поинтересовался Абдул.

– Я тоже очень надеюсь, – ответил мужчина и сплюнул кровью. В негодовании посмотрев на фардук Халима, он спросил: – Вы кто такие?

– Мы сыновья Майры.

– Вы же вроде подошли.

– Что, прости? Тебе одного удара мало было что ли?

Заметив, что Абдул был готов нанести ему повторный удар, Гуафар еще раз взглянул на деньги и сказал:

– Долг закрыт, а значит и говорить с вами мне больше не о чем.

– Вот и отлично, хорошего вам вечера.

– И вам того же...

Сказав это, мужчина развернулся и направился к себе домой, всё ещё пошатываясь из стороны в сторону. Гуафар жил в том же доме, только с другого конца. Проведя его взглядом, Абдул и Халим ушли. Все соседи стояли так, словно собрались шоу какое-то смотреть.

– Чего они все так пялятся? – шёпотом спрашивал Абдул Халима.

– Я не знаю. Но как я начинаю догадываться – тут никого

не смущает, когда бьют женщин. А вот когда заступаешься за неё, тут, кажется, у них начинается что-то непонятное.

– Надо бы нам ознакомиться с законами этого городка, а то такими темпами нас тут и камнями закидать могут.

– Смотрю, ваш брат всё больше и больше нарывается, – засмеявшись, сказал Фархад, как обычно стоя на крыльце у своей двери и покуривая сигарету.

– Простите, но если вы не разглядели, то этот мужчина поднял руку на женщину, – возмутился Халим, поднявшись по ступенькам на крыльцо.

– Если женщина заслужила, то воспитать её не грех, – продолжал улыбаться Фархад.

Ничего ему не ответив, ребята зашли домой и прошли на кухню.

– Не стоило так, сынок. Он всё же хозяин и если разозлится, то выбросит нас отсюда, и никто нам уже не поможет, – с волнением говорила мне мама, не находя себе места на кухне.

– Что тут вообще происходит? Почему один сосед изби-

вает женщину и всем плевать, почему этот мужик тебя тащит по земле, и куча мужчин стоят и просто смотрят? Что тут не так, мама? – с непониманием спрашивал я.

– Сыновья мои, я не хочу потерять вас снова, поэтому будьте мудрее не испытывайте гнев толпы. Не вмешивайтесь в чужое и берегите себя, для меня берегите.

Сказав это, Майра взяла край своей чёрной косынки и, закрыв ею своё лицо, ушла в зал. Абдул посмотрел на меня и сказал:

– Ты всё верно сделал, не вздумай себя винить. Пока тебя не будут бояться, уважать не станут.

Пока друг пытался успокоить мой пыл, Халим тихо вышел из кухни и, зайдя в зал, сел возле мамы на диван. Крепко обняв её за плечи и поцеловав в лоб, Халим спросил:

– Не больно было?

– Любая боль в этой жизни терпима, – ответила Майра, прижавшись к груди сына.

– Пока возле женщины есть настоящий мужчина, она не должна знать, что такое боль. Мы больше никому не позво-

лим обидеть Вас.

– Обещаешь? – спросила мама, уткнувшись носом к Халиму.

– Честное слово даю. Вы у нас единственная мама и потерять Вас значит потерять всё. Знаете, я ведь воевал ради свободы, а когда начал соображать, то решил воевать и ради денег. Вот только сейчас я понимаю, что беден при деньгах тот, кто не имеет мамы. Нет отца – нет силы, нет матери – нет жизни. Жаль, что мы это поздно понимаем.

Майра улыбнулась сыну и крепко обняла его. Я же сидел с Абдулом на кухне и не находил себе места от злости. Резко в окне показалась голова Хасана. Чуть ли не до пояса заглянув на кухню, он спросил нас:

– Как тётя Майра? Всё в порядке?

– Как это понимать, Хасан? – возмутился я. – Хорошо, что Абдул оттянул того мужика, а то бы я убил бы его.

– Да, Гуафар – мужик жестокий, – говорил друг, сев на подоконник и закурив. – Но ты, Амид, уже звезда района. Все только и делают, что твой агрессивный характер обсуждают.

– Это я агрессивный? Это тут сплошные изверги живут.

Из соседней квартиры раздался крик и шум. Снова Фархад бил Дею. Обложив её последними словами, мужчина распахнул дверь и, посмотрев недовольно на Хасана, выкрикнул:

– Это подоконник, а не скамейка, больше негде сидеть тебе? Достали, уроды соседские.

Хасан тут же спрыгнул вниз, а я поспешил выйти на крыльцо. Фархад ещё что-то бубнил себе недовольно под нос и куда-то направился, покидая наш двор. Я встал возле Хасана и, посмотрев на приоткрытую дверь соседа, разглядел лежащую на полу Дею. Девушка была абсолютно голой, и вся сжималась, как зародыш, от боли.

– О нет... – испуганно говорил Хасан, увидев голую девушку. – Надо убираться отсюда.

– Смеёшься? Нужно вызвать полицию, – толкнул я друга и постарался зайти, чтобы помочь Дее.

Хасан тут же схватил меня за руку и, потянув к себе, сказал:

– Ты с ума сошёл? Какая полиция? Посадят нас за то, что мы вторглись в дом соседа, ещё и жену его голую застукали. Делаем ноги, пока не поздно.

С удивлением посмотрев на перепуганного друга, я всё больше поражаюсь страху местных жителей перед их обычаями. Мне ничего не оставалось, как согласится с Хасаном и пожав ему руку зайти к себе домой. Друг так же поспешил скрыться с нашего крыльца. Я вошёл на кухню и прижался ухом к стене, стараясь расслышать неприятные стоны Деи от сильной боли.

– Что там случилось? – спросил меня Халим, войдя на кухню и собирая посуду со стола.

– Отгадай, тут что ни день, то приключение. Фархад снова жену свою избил.

– Брат, это не должно тебя волновать.

– Хоть ты не носи эту чушь, а! – закричал я. – А что меня должно волновать? Детей бьют, животных бьют, женщин бьют, вон ... – вытянул я руку, указав на Майру, которая тоже вошла на кухню и тихо села за стол. – Они даже мать нашу бьют, не видя в этом ничего такого.

Халим внимательно смотрел на меня и, с какой-то грустью в глазах, положил тарелки в тазик.

– Сынок, – устало сказала мама. – Ты смотришь на все проблемы с лёгкостью, но Фархад – муж Деи, и никто не имеет права вмешиваться в чужую семью.

– Но, мама, он же...

– Нет! – перебила меня женщина. – Помни, Амид: на небе Аллах, а на земле мужчина. Так было, есть и будет для любой уважающей себя восточной женщины.

– Я, как мужчина, никогда не буду уважать женщину, которая позволяет себя бить и унижать. Я полюблю только ту, которая будет любить себя. Дея мне казалась тряпкой, но теперь я понимаю, что ей ни даёт уважать себя не муж, а общество. Вы тут все унижены и боитесь сказать об этом прямо.

– Однажды тут попытались об этом сказать, Амид. Но потом горько об этом пожалели, – сказав это, мама встала из-за стола и направилась в зал.

Халим ничего не сказал мне и молча пошёл за мамой. Я недовольно повернулся к окну и смотрел на тёмный двор,

где погас фонарь и улицу накрыла ночь. Недовольно стукнув кулаком по подоконнику, я выбежал на крыльцо и, подойдя к двери Фархада, осторожно открыл её. Удивительно, но при мерзком внешнем виде Фархада их квартирка была очень светлой и чистой. Чистый коврик, круглый столик с голубой скатертью и красивой вазой. Тихонько закрыв за собою дверь, я прошёл в небольшой холл, где на сером диване, укрывший белым пледом, лежала голая Дея и плакала. Тихонько подойдя к ней и осторожно присев рядом, я убрал её русые волосы с глубоких ран на лице. Увидев меня, девушка не стала дёргаться или пытаться спрятать своё тело, она только закрыла лицо руками и разрыдалась в голос.

– Перестань, всё. Не плачь, я тут, а значит тебя никто больше не обидит.

– Прости меня, Амид, мне так стыдно, что ты видишь меня в таком виде.

– Да перестань, нашла о чём думать. Я был бы рад тебя чаще видеть раздетой.

Девушка снова расплакалась, не поняв моей шутки. Я приподнял Дею и крепко прижал к себе, стараясь гладить её по голой спине, ощущая её позвоночник и рёбра. Я убрал руку с её спины и сказал:

– Ты что, вообще ни ешь? Худая как смерть.

– Я мало ем, аппетита нет, – наконец-то немного приходя в себя, проговорила Дея, сев ровно и убрав прядь волос за ухо.

– Чем он тебя бьёт?

– Руками, ногами, иногда что под руку попадёт.

Я посмотрел на девушку и улыбнулся ей, не обращая внимания на её отёкшие от побоев огромные губы, порезы и царапины на лице, блестящие от слёз серые глаза и потрёпанные волосы. Она мне напомнила худого и очень красивого эльфа. Заметив, что я сидел и тупо рассматривал девушку, Дея наконец-то вспомнила, что не одета, и тут же подскочила с места.

– Куда собралась? – поинтересовался я.

– Уходи, ни дай Аллах муж придёт и...

– И что? Убьёт меня? – снова улыбнулся я испуганной девушке и расселся на диване удобно, закинув ногу на ногу и скрестив за головой руки.

– Что? – удивилась девушка. – Откуда ты такой? Ты действительно такой бесстрашный или ты дурак?

– Почему сразу дурак?

– Потому что это ненормально каждый раз подвергать себя риску.

– Риск? Ты считаешь, что ваши дурацкие обычаи – это риск?

– А-а-а, – простонала девушка. – Я поняла: ты такой бесстрашный, потому что у тебя дядя кади. Ну, конечно, крутые связи тут ещё никто не отменял. Настоящий сын Майры тоже был колким на язык из-за этого.

– Ты его знала? – поинтересовался я, смотря как Дея села возле меня, прикрывая себя пледом.

– Лично нет, но слышала, что он пытался тут бороться за справедливость.

– Хм, – почесав свою щетину, задумался я. – И поэтому он ушёл воевать?

– Нет, именно поэтому он пропал, а позже и его братья. Только спустя время все узнали, что они добровольно уехали воевать.

– Как у вас тут всё запущенно.

– Тебе лучше уйти, поспеши.

– А что, муж скоро придёт?

– Нет, – удивилась Дея. – Просто ты не должен тут быть.

– Я давно не сидел и не говорил по душам с голой девушкой. Не обламывай мне этого.

Дея иронично закатила глаза и, не удержавшись, улыбнулась. Стараясь скрыть свой смех, она снова попросила меня покинуть дом.

– Да ладно, я же вижу, что тебе нравится, – старался я убедить девушку.

– О, Боже, откуда ты такой? Давай уходи, пока никто не увидел.

– Хорошо, я уйду, но знай, что во второй раз я набью тво-

ему мужу морду, если ещё раз услышу подобное, договорились?

Девушка ничего мне не ответила, а лишь застенчиво кивнула. Я поспешил покинуть их квартиру и побежал к двери. Тихонько приоткрыв её и окинув взглядом пустой двор, я осторожно вышел на крыльцо.

– Амид, – крикнула мне в след Дея.

– Да?

– Спасибо тебе, я действительно рада, что ты оказался на месте покойного сына Майры.

Я с улыбкой кивнул девушке и поспешил домой. Открыв свою дверь и осторожно сняв сапоги, я на носочках вошёл на кухню, как вдруг увидел сидящего на диване Абдула.

– Ну, здравствуй, герой-любовник, – недовольно сказал друг, облокотившись на стол.

– Я думал, что все уже спят. И почему это любовник? – поинтересовался я и сел напротив брата.

– Я слышал, что ты от соседа вышел, ты что с женой Фар-

хада трёшь? Хоть понимаешь, что будет, если дядя узнает...

– Если? – перебил я брата. – Тогда мне придётся пристрелить тебя.

– Я с первого дня нашего знакомства заметил твоё бешеное желание убить меня. Та-а-а-к, между вами что-то есть? – виляя бровями, поинтересовался Абдул.

– Ты её видел? На трупах мяса больше, чем на Дее.

– Так ты ведь добрый, откормишь её как раз, – не прекращая растягивать улыбку, говорил мне друг. – Но лучше выкинь эту идею, иначе всю семью нашу подставишь.

Обратив внимание на стол, я резко понял, что на нём отсутствовала скатерть.

– А где скатерть? – спросил я, водя рукой по изрезанной поверхности деревянного стола.

– Мама в ванную кинула, постирать.

– Ты видел подоконник?

– Какой?

– В нашей комнате, он так же расцарапан, как и этот стол.

Абдул пригляделся к резьбе на дереве и сказал:

– Это скорее всего ножиком надрезали, я тоже раньше любил своим ножом царапать всё, что замечал.

– Ладно, – встав с места сказал я. – Нам пора спать, пошли.

Абдул кивнул мне, и мы направились в свою комнату. Тихонько развалившись в своих постельках, я и ребята крепко уснули.

Глава 8. Явление шариата

Каждое утро начиналось с того, что я ждал пока брат совершит молитву и мы спешили на стройку и пахали там до самого вечера, перетаскивая груды камней и помогая местному строительству завода. Зачем в этой дыре завод, я не спрашивал, но зато пока начальник, сидя в комнате недостроенного кабинета, раздавал всем по очереди деньги, я увидел на столе стационарный телефон. Стукнув рукой Абдула по груди, который стоял за мной и дожидался своей очереди, я шепнул ему:

– Эй, смотри, можем позвонить Хабибу и узнать за деньги.

– Думаешь, начальник позволит?

– Куда денется?

Наконец работники забрали свои зарплаты и подошла моя с Абдулом очередь. Пересчитав пару купюр, Бэхрэм поставил их на стол и сказал:

– Сегодня только это.

– Нам семью тянуть надо, как на эти гроши жить? – спросил я, недовольно взяв деньги со стола.

– Как все, Амид. Дали работу, значит молча выполняй её. Я тебе не рыночный торговец, церемониться не буду, не нравится – выход знаешь.

Недовольно взглянув на своего начальника, я передал деньги Абдулу и спросил Бэхрэма:

– Я могу позвонить?

– Чего?

– Можно мне позвонить? Это срочно, мне надо с братом связаться.

Мужчина внимательно посмотрел на меня, потом на Абдула и, встав из-за стола, сказал:

– Только быстро, пока я покурить выйду.

– Да, конечно, спасибо.

Расстегнув змейку кармана на своих грязных спортивных штанах, я быстро вынул маленькую, мятую бумажку с номером Хабиба и моментально набрал ему. Абдул огляделся по сторонам и с интересом ждал, вслушиваясь в гудки, доносящиеся из телефона. Наконец-то раздался женский голос:

– Да? Слушаю.

– Алло, кто это? – радостно спросил я, крепко ухватившись за трубку. – Мне нужен Хабиб, он рядом?

– Да, я вас слушаю, – резко заговорил Хабиб.

– О, Аллах, – обрадовался я. – Давно тебя не слышал, как там мои денежки?

– Это кто?

– Кто-кто? Амид это!

– Какой ещё Амид? – удивился мужчина.

– Блин, – возмутился я, ударив себя рукой по лбу. – Это я – Карим.

– Какого чёрта, я уже перепугался тут. Ты где?

– Мне сейчас некогда тебе всё рассказывать, где деньги?

– Я их зарыл в надёжном месте, как и договаривались, где их искать я скажу только лично, когда увижусь с тобой. Я тебе скажу адрес, где сможем пересечься. Как будешь готов – позвонишь.

Взяв ручку со стола начальника, я быстро записал продиктованный Хабибом адрес. Положив трубку на место, я взглянул на Абдула и сказал:

– Всё, теперь я знаю, где мы можем с ним пересечься, а также забрать обещанную нам сумму.

– Что будем с Халимом делать? – спросил меня друг, сняв с себя и скинув на пол свои рабочие перчатки.

– Не знаю, надо уговорить его уехать с нами. Открывать ему тут счёт не вариант, мы тогда подставим и его, и себя. А высылать периодически столько денег – значит привлечь внимание местных таможенников, что тоже нам не нужно.

– А если забрать маму и Ланию с нами? Что им делать в этом ауле?

Остановившись, я внимательно посмотрел на Абдула, словно одоббив его интересную идею. Похлопав друга по плечу, мы поспешили уйти с работы. Наконец, выйдя с завода и покинув стройку, мы направились к местному заливу. Высокие каменные валуны загромождали собой всю дорогу вдоль зелёной воды. Забравшись на камни и разувшись, мы сунули свои ноги в воду, а сами смотрели в даль, наслаждаясь приятным ветром и запахом цветущих водорослей в прохладном заливе.

– Мне скоро на молитву, надо успеть забежать домой. Знаешь, – говорил Абдул, не отрывая глаз от неба. – Мне кажется, Аллах нас сюда не зря направил, Он дал нам шанс.

– Какой ещё шанс? – поинтересовался я, вынув свои ноги

из воды, чтобы они высохли.

– Шанс исправится. Вот скажи, ты много согрешил за свою жизнь?

– Чёрт его знает, я не знаю, что такое грех. Я знаю, что справедливость либо есть, либо её нет. Справедливые и честные должны жить, а вот лицемерные и твари – сдохнуть.

– Амид, я восхищаюсь, как у тебя всё легко и просто. Тогда я спрошу тебя так: ты должен сдохнуть или нет?

Я замер, посмотрев на друга. Медленно надев на ногу сапог, я завязал шнурок и сказал:

– Если я заслуживаю смерти, то я сдохну, не сомневайся в этом. В этом мире ничего не остаётся безнаказанным.

– А если я осознаю, что заслуживаю смерти, но не хочу этого? Как думаешь, Бог простит меня?

– Да что с тобой? – возмутился я, надев второй сапог и встав с места. – Хватит нести ерунду. Чего это ты вдруг осознал, что заслуживаешь смерти? А когда гражданских убивал, не думал об этом?

– Ты никогда не отстреливал их? – с грустью в глазах спросил меня друг.

– Никогда, Абдул. Я всегда воевал честно. Может поэтому меня и уважают. Я знаю, что ты не профессиональный солдат, а обычный доброволец. Но думаю, что тебе не стоит беспокоиться, мы все совершаем ошибки. Ты жалеешь, ты молишься, что ещё нужно? – улыбнулся я опечаленному другу.

– Я не хочу умирать, Амид, я хочу раскаяться.

– О Боже, да перестань, а! Ты же воевал, ты знал, что в любой момент можешь копыта отбросить, почему только сейчас тебя это пугать начало?

– Потому что я обрёл семью, Амид, и понимаю, что вот ради чего я хочу жить.

– Да вы сговорились с Халимом? Нытики, – недовольно ответил я другу и спрыгнул с холодного камня, на другой, чуть ниже. – Спускайся, нам пора.

– Я знаю, ты тоже нас любишь, просто признать этого не хочешь, – говорил Абдул, вынув ноги из воды и надев санцы.

Я не обращал внимание на сопливые признания друга и, осторожно спустившись на землю, приподнял свисающий шарф на моей шее, чтобы как всегда замотать его подобно косынке, закрыв от солнца и любопытных людей своё лицо. Наслаждаясь приятным звуком прибоя, я обошёл камень и взглянул на залив. Облокотившись на мокрый валун, я любовался красотой природы, как вдруг услышал шаги за спиной. Резко развернувшись, я столкнулся с глазу на глаз с тем самым человеком в мешке. От неожиданности я поскользнулся и рухнул на камни. Его лицо напомнило то самое, отёкшее и страшное, что я уже видел в разбитом зеркале у Майры. Незнакомец схватил меня и начал бить. Пытаясь блокировать его удары и зажать ему руки, я чувствовал, как сползал по камням в воду.

– Абдул! – закричал я, стараясь скинуть с себя психопата, которой как сумасшедший издавал непонятный рёв и пытался меня утопить. – Абду-у-у-у-л!!!

– Амид?! – услышав мой крик, наконец-то отреагировал друг. – Где ты?!

Абдул бегом начал спрыгивать с камней и искать меня, хоть я и находился почти рядом с ним. Но почему-то друга понесло в другую сторону. Заехав по морде незнакомца, он отскочил назад и отпустил меня. Я моментально встал с ме-

ста и побежал за ним. Босой мужчина взбирался по валунам, как профессионал, что дало понять мне – он вполне молодой парень. Я, полностью намокший, преследуя его, то и дело боялся не поскользнуться на камнях и не разбиться насмерть.

– Амид! – заметив меня, выкрикнул мне Абдул. – Стой, куда ты полез? Амид!

Я взбирался всё выше и выше, стараясь догнать больного подонка. Наконец-то взобравшись на самый верх мокрых камней, я остановился, наблюдая за этим психом.

– Кто ты такой?! – закричал я, медленно приближаясь к нему. – Какого чёрта тебе от меня нужно?!

– Амид! – снова раздался крик Абдула. – Я поднимаюсь, что там происходит?

Но мужчина подошёл к самому краю камня и молча стоял, ничего не объясняя мне. Сделав ещё шаг назад, незнакомец сорвался вниз. Я испуганно рванул за ним и, посмотрев на место его падения, ничего не увидел кроме зелёных волн, бьющихся о камни.

– О Аллах, что случилось, Амид? – еле взбираясь на валун, спрашивал удивлённый Абдул. – Зачем ты убежал?

– Но, как...? – находясь в полном непонимании, пробубнил я себе под нос. – Я видел его..., видел...

– Что? Что ты там говоришь? Кого видел?

Но я так ничего и не объяснил другу, а молча ушёл с этого места, стараясь всю дорогу сообразить, что в итоге со мной происходит. День как всегда прошёл быстро, сидя на кухне и смотря, как сестра стелила скатерть на стол, я тупо смотрел в одну точку.

– С тобой всё хорошо? – спросила меня Лания.

– Не знаю, сестра, иногда мне кажется, что я умом тронулся.

– Ты пережил войну, Амид, нервные расстройства в таком случае очевидны.

– А почему у вас весь стол расцарапан? – поправив скатерть, спросил я сестру.

– Поэтому скатерть и стелим, это всё Амид. Отец ему подарил в своё время набор из коллекционных ножей. Четыре ножица разной длины. Самый маленький, с пальца его раз-

мером, Амид любил носить с собой и царапал этим ножом везде, где видел деревянную поверхность, – улыбаясь и вспоминая о брате, рассказывала Лания.

– Подоконник тоже его работа? – поинтересовался я.

– Да, везде – шкафы, дверь. Это глупая привычка, которая злила родителей.

– Почему он так делал?

– Не знаю, это началось за несколько недель до его пропажи. Брат стал очень нервным.

Я с интересом слушал сестру и начинал понимать, что в этой семье что-то нечисто. Вспомнив больного психа, я тут же спросил Ланию:

– А он не жаловался, случайно, что видит кого-то? Или что кто-то его преследует? Нет?

– Нет, Амид не из пугливых. Если бы его кто-то преследовал, брат бы давно разобрался.

В кухонное окно заглянул мальчик. Узнав в парне Мервана, я улыбнулся ему и крикнул:

– Эй, ты что тут делаешь?

– Ас-Салям Алейкум, Амид! – радостно поздоровался парнишка. – Я знал где ты живёшь, брат мой, вот и пришёл навестить тебя вместе с сестрой.

– С сестрой? – удивился я. – Хорошо, заходите.

Я велел Лании быстро накрыть на стол и угостить гостей, а сам вышел на крыльцо и увидел Синем. Девушка была настолько красивой, высокой, приятно одетой в нежно розовые тона, что когда она шла по нашему двору, все соседки завистливо провожали её неприятным взглядом. Мерван тут же забежал к нам на кухню, где поспешил познакомиться с мамой и сестрой. Я же, раздвинув руки в стороны, улыбнулся гостье и спросил:

– Ас-Салям Алейкум, Синем. Не ожидал тебя увидеть тут. Какими судьбами?

– Ва алейкум Ас-салям, Амид. Я больше не вижу смысла делать вид, что не понимаю, кто мне носит подарки и еду домой, – приятно улыбалась мне девушка.

– А, вот оно как. Что ж, добро пожаловать к нам домой,

думаю самое время тебя познакомить с твоим тайным поклонником.

– Амид, перестань, я не глупая. С тех пор, как ты меня так грубо и напрямую спросил про мою девственность, я от стыда не могла засыпать нормально. Но ты очень галантно умеешь заглаживать свою вину.

– Что? – не понимая, что несла мне Синем, удивился я и увидел Абдула и Халима, которые с вёдрами воды шли домой. – А вот, кстати и мои братья – Абдул и Халим. Познакомься с ними.

Ребята поднялись на крыльцо и, увидев красавицу Синем, тут же поставили вёдра на пол. Прижав ладони на своей груди, ребята поздоровались с ней.

– Рад знакомству. Я брад Амида, Абдул.

– А я – Халим. Рад знакомству.

– Мне тоже очень приятно познакомиться с братьями такого человека, как Амид, – ответила Синем и снова повернулась ко мне, растягивая улыбку и сияя глазами.

Впервые я немного растерялся и не знал, что говорить.

Кивнув головой, чтобы братья быстрее зашли в дом, я отошёл с Синем к перилам и спросил её:

– Тебе понравился он?

– Кто?

– Халим, мой младший брат.

– Амид, перестань, ты меня не одурачишь.

– Синем, мне кажется, ты не так все поняла, – говорил я и увидел, как на крыльцо поднялась Дея с полным ведром воды в руках.

– Давай я помогу, – тут же сказал я.

– Не стоит, спасибо, я уже дошла до дома.

Дея вошла с ведром домой, а Синем, проводив её взглядом, снова улыбнулась мне и спросила:

– Так что я не так понимаю?

– Все эти подарки действительно отправлял тебе Халим. Разве Мерван не говорил?

– Халим меня знать не знает, Амид. Чего ты стесняешься, если я сама пришла к тебе? Я хотела этим поступком показать, что прощаю тебя. Можешь больше не прятаться от меня.

– Но, подожди, я не прятался...

Резко из окошка дома Фархада показалась Дея. С грохотом поставив ведро с водой на подоконник, она тщательно стала мыть раму, делая вид, что не замечает нас и не слушает. Посмотрев на Дею, Синем погладила меня по плечу и спросила:

– Амид, всё хорошо? Я не понимаю тебя...

– Да, просто я хочу, чтобы ты пообщалась с Халимом. Ты ему нравишься, это правда.

– Ему? Не тебе?

– Мне?! – удивился я.

Дея снова с грохотом подвинула ведро и стала тереть раму ещё тщательнее.

– Амид! – уже не выдержав, выкрикнула Синем. – Ты объяснишь мне, что вообще происходит?

– Слушай, давай ты зайдёшь домой и там поговорим, меня тут отвлекают.

– Кто тебя отвлекает? Я стою перед тобой, скажи мне всё прямо, как тогда, дома.

Дея резко отошла от окна, швырнув тряпку на подоконник. Я не выдержал и, схватив Синем за локоть, завел её к нам домой.

– А вот и моя сестра, – закричал Мерван, подпрыгнув на диване.

Мама, Лания, а также братья, сидя за столом, обернулись и внимательно смотрели на гостью. Халим тут же встал и пригласил Синем присесть за стол. Я встал возле мамы и, посмотрев на Халима, сказал:

– Мой брат, я только что рассказал Синем, что ты всё это время отправлял ей подарки и продукты, стараясь расположить её к себе.

Халим не поняв меня, скорчил физиономию и попытался

переосмыслить сказанное мной.

– Надо же, – восторженно сказала мама. – Так мой сынок присмотрел себе такую красивую невесту и молчал?

Халим с непониманием посмотрел на маму, потом на меня, пытаюсь уловить хоть какой-то смысл всего происходящего. Синем покраснела и опустила голову.

– Так ты к нам пришла Халима сватать? – засмеявшись, спросил Абдул.

– Нет, – растерянно ответила девушка. – Я пришла, чтобы Амида отблагодарить за помощь. Но раз это правда был Халим, то...

– Ничего, – так же растерявшись, сказал Халим. – Это всё от души, тебе не стоит благодарить меня. Амид, можно тебя на минуту?

Выйдя из кухни, мы с братом вошли в зал. Стукнув меня кулаком по груди, Халим еле слышно спросил меня:

– Какого тут происходит? Кто она? Какие ещё подарки?

– Спокойно, я просто не ожидал, что она своим ходом сю-

да придёт. Мерван – это мальчик, которому я помог, точнее доктор Вислав помог.

– Кто? Какой ещё доктор?

– Не важно, а Синем – сестра Мервана. Они курды, но очень добрые люди. Она, как и ты, – сирота. И плюс – твоё любимое... – улыбнулся я другу.

– Что моё любимое? – с интересом спросил Халим.

– Она – девственница. Как раз мечта такого ботаника, как ты.

– Ты... Ты совсем больной, да? Ты чокнулся?

Неожиданно в дверь постучали. Мама вышла в коридор и, улыбнувшись нам, направилась к входной двери.

– Перестань, она тебе не понравилась? – спросил я Халима.

– Амид, ты мог меня хоть предупредить? Я теперь не знаю, что ей говорить и как вести себя.

– Стой тут, я сейчас позову её сюда, – сказал я другу и

побежал на кухню.

– Нет! Амид, подожди!

Тем временем мама раскрыла дверь и увидела Дею. Девушка стояла с тарелкой печёных в руках и, улыбнувшись Майре, сказала:

– Мира Вам и Вашему дому.

– Дея, дорогая, проходи. Сегодня у меня цветник в доме какой-то. Спасибо Аллаху за такой дар.

– Ну, что Вы. Я просто испекла много печёных и решила угостить Вас и Ваших детей. Мы всё же соседи, а Ваш Амид всегда так добр ко мне.

Я прижал Синем к себе за плечи и, выйдя с ней из кухни, провёл её в зал, к Халиму. Друг растерянно стоял и улыбался девушке. Заметив у входа Дею, я тут же подошёл к ней.

– Взгляни, Амид, – говорила мама, протянув ко мне тарелку с выпечкой. – Какая Дея умница, напекла и угостить нас решила.

– Может посидишь с нами? – спросил я девушку.

– Нет, я занята, да и вижу вы заняты. Такая красивая гостья у вас.

Услышав это, мама молча посмотрела на меня и, улыбнувшись, решила не мешать нам, уйдя на кухню.

– Это к моему брату. Её Синем зовут.

– О, вот как, очень приятная девушка.

– Да, она красивая, да и формы хороши, – нагло вато улыбулся я девушке. – Ты проходи, не стой тут.

– Нет-нет, я пойду, правда. Просто хотелось угостить вас.

– Хорошо, тогда в другой раз?

– Да, в другой раз, – ответила Дея, поправив свою косынку и выйдя на крыльцо.

Я провёл девушку взглядом и, закрыв за ней дверь, развернулся в сторону зала. Увидев, что Халим и Синем уже сидели на диване и что-то обсуждали, я радостно вошёл на кухню и спросил всех:

– Ну, как вам невестка для моего брата?

– Она очень красивая, – тут же сказала Лания, уплетая за обе щеки сладости, которые принесла Дея.

– Мне тоже нравится, даже слишком шикарно для Халима, – выразил своё мнение Абдул.

– Я рада, что ты подобрал моему сыну достойную девушку, – с улыбкой сказала мама.

– Если все довольны, то я тем более рад. Пойду принесу воды, – ответил я родным и, схватив ведёрко возле раковины, помчался во двор.

– Что-то последнее время Амид стал радостным, – улыбнувшись Лании и Абдулу, сказала Майра. – Никак кто-то на него повлиять смог, а?

– Не знаю, мама, – удивился Абдул, быстро откусив печеное, чтобы не отвечать на мамин допрос.

Спустившись вниз по крыльцу, я направился к крану с источником, где как обычно выстроилась очередь из людей. Сидящий на скамейке Хасан, который раскидывал с друзьями карты, тут же прибежал ко мне и как всегда с радостным

выражением лица спросил:

– К вам та самая курдянка пришла, чей брат постоянно на рынке ворует?

– Откуда ты вечно всё знаешь?

– Да брось, тут муха незамеченной не пролетит, а ты меня про целых людей спрашиваешь.

– Что-нибудь знаешь про эту курдянку?

– Обычная, ничем неизвестная, кроме как того, что её братец вечно ворует что-то на рынке.

Я обрадовался, что насчёт Синем никаких грязных слухов не было, и заметил, как многие мужчины в очереди, а также женщины, проходящие мимо нас, направились во двор. Понимая, что во дворе что-то происходит, мы с Хасаном переглянулись и поспешили за всеми. С соседнего крыльца нашего дома смуглый мужчина с красно-белым головным убором на голове, в коричневых штанах и серой футболке тащил за руку женщину и грубо швырял её на землю прямо в самом центре нашего двора, чтобы все собравшиеся люди видели. Я даже не успел разглядеть несчастную женщину, которая кричала и поправляла свою чёрную юбку, стараясь закрыть

свои ноги, как передо мной собралась толпа людей, подобно скорости плывущих рыб на нерест. Ничего не понимая, я натянул свой шарф на голову ближе к лицу, чтобы не быть заметным в толпе.

– Что это такое? Что за дикий интерес у всех? – спросил я Хасана, вытягивая шею и пытаюсь за головами людей разглядеть, что там происходит.

– Скорее всего она согрешила, её накажут.

– Что? – с удивлением спросил я.

– Тут такое бывает, женщин публично позорят, чтобы другим повадно было и не повторяли чужих ошибок.

Люди создали небольшой круг вокруг мужчины, который поволок свою женщину по пыльной земле, громко выкрикивая, как она опозорила его и его род. Краем глаза я заметил, как через дорогу в наш двор пришли двое крупных мужчин, а вместе с ними юный мулла Алим, одетый в белый длинный халат и с белой чалмой на голове. Я обходил любопытных соседей и пытался разглядеть женщину. По ней было видно, что она понимала всю ситуацию и молча плакала, смотря на землю, стараясь спустить косынку с головы ниже, чтобы люди не видели её лицо. Женщины в толпе качали головами

и призирали падшую девушку. А мужчины, будто голодные псы, бросались на женщину с осуждениями и махали кулаками. В течении нескольких минут наш двор превратился в поле митинга и самосуда, даже меня это повергло в шок. Из нашего дома вышла мама, Лания, братья и Синема с Мерваном. На улице оказались все, кто жил в нашем районе. Кто-то наблюдал из окон, а кто-то приходил с соседних улиц. Даже продавцы с рынка заглянули, с такой же пеной у рта выкрикивая слова осуждения в адрес незнакомой им женщины.

– Тишина! – резко закричал Алим, выйдя в центр и подойдя к осуждаемой. – Прекратите галдеть!

– Кого ты защищаешь, мулла? – заорал кто-то из толпы. – Проститутку? Женщину, которая позорит наш народ?

– Сначала докажите мне то, в чём обвиняете несчастную? – продолжал молодой мулла, стараясь как-то удерживать агрессивную толпу.

– Я говорю это! Я – доказательство! – разрывая на себе тельняшку и доказывая виновность падшей, орал мужчина, стоя в центре. – Я её муж и я лично видел это! Все подтвердят.

Все мужчины, стоящие вокруг, кивали головами и под-

тверждали его слова, будто каждый был свидетелем её греха. Двое крупных мужчин, пришедшие вместе с муллой, начали ходить вокруг женщины и ждали указаний от муллы.

– Я не виновата! – наконец заорала жертва. – Умоляю! Я ничего не делала!

Но её крик о мольбе был ничто по сравнению с толпой жаждущих разорвать её людей.

– Тишина! Пожалуйста! – всё как-то пытался успокоить народ мулла. – Мы дадим время на сборы доказательств, и если она виновата, то мы отведём её на площадь и...

– Наказать! – не дав договорить мулле, выкрикнули люди. – Высечь её!

Женщины в толпе не меньше мужчин возмущались и требовали немедленного суда над падшей. Я наблюдал за всем этим с каким-то удивлением, шоком. Даже на войне, на которой я был, не было таких правил. А здесь просто толпа собак нашла овцу, которую хотела загрызть, даже не разбираясь, есть ли тут её вина или нет. Женщина кричала и просила пощады, но её никто не слушал. Молодой мулла видел, что его ни во что не ставят и даже не слышат. Тогда он кивнул двум своим людям и те отстегнули кнуты, закреплённые на

ремнях от штанов. Размотав плети, они ходили вокруг падшей и смотрели, как она, вращалась на месте и вытягивая руки вперед, умоляла не бить её. Я, конечно, слышал о подобных наказаниях, так как сам араб и прожил всю жизнь на Востоке. Но никогда не видел этого, разве что пару раз, и то на видео. У нас каждый мужчина сам решал проблемы с женой. А если случались измены, то люди разводились. По крайней мере я знал именно такие версии семейной жизни. Но видимо тут о таком мало что слышали.

– Не жалейте шлюху! – кричали люди.

– Пусть знает, как чужих мужчин соблазнять! – орали женщины.

Мулла Алим растерянно слушал выкрики народа, и больше не находил выхода, кроме как махнуть рукой двум палачам. Мужчина в форме остановился и прямо на глазах разъярённой толпы ударил женщину кнутом. Через минуту ударил другой. Женщина, как кузнечик, отскакивала с одного края на другой, перетаскивая себя на корточках по земле, всё ещё вытягивая руки и умоляя не бить её. Но это мало кого волновало. Более того, толпу злило то, что её били так «щадяще». Люди требовали конкретной порки. И всё же, что за страшное существо человек...? Как же мы любим судить и совсем не имеем желания оправдать. Как мы боимся идти

против большинства из-за страха попасть на место осуждаемого. Удар за ударом и жуткий вопль женщины вывели меня из себя. Закинув край шарфа через плечо, я закрыл нос и губы, чтобы люди не узнали меня. Не выдержав жестоких побоев по хрупкому телу женщины, я поставил ведро с водой на землю и выкрикнул:

– Мужа тоже казнить!

Удивительно, но толпа резко затихла, а я не растерялся и, прижав ладони ко рту, повторил:

– Накажите и мужа! Виноваты оба!

Палачи замерли, а мулла с интересом стал разглядывать, кто это выкрикнул.

– Если есть свидетель, то выйди, – сказал Алим.

– Амид! Что ты делаешь!?! – испуганно спросил меня Хасан, потянув к себе за руку. – Нельзя так, ты подставляешь себя и свою семью.

Но, посмотрев на растерянного друга, я пошёл вперёд. Я готов был заступиться за женщину, как вдруг кто-то из толпы потянул меня за шарф и моё лицо раскрылось. Люди тут

же стали узнавать меня, как и удивлённый мулла Алим. Развернувшись, чтобы запомнить, кто это сделал, я увидел того самого мужчину в мешке, который тихо спрятался за спинами мужчин и следил за мной. Посмотрев на муллу, я сказал ему:

– Я свидетель.

– Ты видел, что эта женщина смотрела на другого мужчину? – спросил меня мулла.

– И что? Женщинам смотреть уже нельзя?

Толпа резко застонала. Недовольные возгласы людей прервал мулла. Размахивая руками, он спросил меня:

– Тихо-тихо! Нет, она не просто посмотрела, она с желанием посмотрела на другого мужчину. Она хотела его, ты видел это?

От услышанного мне стало смешно. Я понял, что женщину решили избить из-за какого-то неосторожного взгляда. И то неизвестно, был он или нет. Посмотрев на муллу, как на придурка, я улыбнулся ему и сказал:

– Нет, я не видел этого, да и что он за муж такой, что

один свою жену воспитать не может, а целое подкрепление зовёт? – сказал я и услышал хихиканье людей. – Но зато я видел, как её муж смотрел на соседских женщин.

– Что!?! – резко закричал мужчина.

– Да, – продолжил я. – А также ни раз он подглядывал в окно за моей сестрой.

Толпа снова застонала, но уже приходя в некий ужас. Женщины хватались за головы, а мужчины растерянно обсуждали что-то.

– За сестрой? – удивился мулла.

– Да, вон она, – указал я пальцем в сторону Лании. – Можете спросить её лично.

Толпа разошлась, и я увидел перепуганных друзей и сестру с мамой, которые, словно воды в рот набрав, не знали, что и говорить.

– Сестра, это правда? – выкрикнул ей Алим.

Лания встала как вкопанная, не зная, что ей делать. Халим осторожно ущипнул её за лопатку, и она тут же кивнула

мулле.

– Эта ложь! Да кто ты такой?! Что вообще происходит?! – начал истерить мужчина, абсолютно не понимая, что происходило, и растерянно взглянул на муллу.

– Почему же вы скрыли это от суда? Почему только сейчас ты мне это говоришь? – поинтересовался у меня мулла.

– А разве ты и есть суд? – злобно спросил я Алима.

Люди замолчали. Даже дети затихли и с интересом уставились на муллу.

– Наша задача соблюдать порядок, и мы...

– Вот и соблюдай порядок, а не спектакль устраивай. Пусть их Аллах судит, а если они виноваты, то пусть наказание им выдвинет сам кади, но не ты. Поэтому я прощаю этого мужчину, и если он прощает за неосторожный взгляд свою жену, то предлагаю всем разойтись с миром.

– Амид... – ошарашенно прошептал мулла, не зная, как себя вести в подобной ситуации. – Это... Это невозможно...

– Да! – резко выкрикнул мужчина, схватив за руку свою

жену и подняв её с земли. – Я прощаю её. Насчёт сестры вы что-то не так поняли, я никогда не заглядывался на неё, как и на других женщин.

– Но... – произнёс мулла.

– Простите, уважаемый, но этих ударов моей жене достаточно.

Растерянный сосед в полном замешательстве поспешил к себе домой, таща за собой по лестнице дрожащую от ударов жену. Она так же растерянно не сводила с меня глаз. Схватившись за перила, потрёпанная женщина сквозь слёзы улыбнулась мне, словно что-то желая сказать, но муж её грубо отдёргнул и завёл домой. Толпа продолжала молча стоять и глазеть на меня. Двое палачей растерянно посмотрели на муллу, дожидаясь указа, но юноша лишь кивнул им, дав понять, что они уходят. Я так же направился сквозь толпу шокированных соседей и, схватив своё ведро с водой, пошёл домой. Среди толпы людей на меня пялился хозяин Гуафар, покачивая головой. С ненавистью смотрел на меня и сосед Фархад, неторопливо вращая в зубах спичку. За мной тихонько шёл друг Хасан. Поднявшись на крыльцо, я наконец развернулся к Хасану и недовольно спросил:

– Ну, что? Что ты так смотришь?

– Я... я, честно сказать, немного в шоке. За столько лет я впервые вижу подобное.

– Всё когда-то бывает впервые.

– Слушай, я как бы не собираюсь вмешиваться, но... тебе лучше после этого случая из дома не выходить. Ты явно не нравишься многим, а значит от тебя захотят избавиться подобным образом.

– Буду знать, спасибо за совет.

Хасан похлопал меня по плечу и ушёл. Я смотрел, как друг обходил растерянных соседей, которые никак не могли прийти в себя от увиденного. Зайдя на кухню, я поставил ведро у раковины, а сам вошёл в зал и схватился за голову. Я прекрасно осознавал, что полез не в своё дело, и скорее всего настроил уже пол города против себя и своей семьи. Дверь с грохотом распахнулась и в зал ворвалась мама.

– Ради Аллаха, Амид, ты хоть понимаешь в какую беду втянул нас? – с дрожащим голосом выкрикивала Майра. – Сын мой, ты вмешался в привычный обряд, ты прервал суд, ты настроил против себя многих мужчин нашего района, что может стоить нам жизни. Ведь может прийти день, когда за-

судят нас, ты понимаешь это?!

– А как ты мог меня вмешать в это? – вдруг закричала Лания, выйдя из-за маминой спины. – Как ты мог использовать меня как наживку?! Что обо мне теперь будут думать? Кто меня в жёны возьмёт теперь, об этом ты подумал?

– Я возьму, – резко произнес Абдул.

– Во-первых, сестра, – возмутился я. – Заткнись и сядь на место, тебе никто не разрешал со мной в таком тоне говорить. Во-вторых, мама, меня не устраивают эти порядки, ясно? Я такой же жилец в этом доме и дворе, как и все они. Значит, я имею такое же право высказывать своё мнение, как и они.

– Но, сын...

– Нет, мама! Тут живёте Вы и сестра, а значит не за горами день, когда и вас так же захотят растоптать, и никто не поможет вам. Но если тут поставить новые правила, то может быть женщин в этом городе хоть немного, но начнут уважать.

– Сын! – крикнула мать. – Эти правила веками нам кажутся нормой и стараться их изменить... Это не верно, сынок. Мы знаем свои права и обычаи, а значит любой, кто попро-

бует их изменить, окажется забитым на площади, это – закон.

Мама больше ничего мне не сказала и с грустным выражением лица молча ушла на кухню. Лания, даже не смотря на меня, ушла вслед за мамой. Абдул, широко раскрыв рот, зевнул и упал на диван, а Халим подошёл ко мне и сказал:

– Мы договаривались слиться с толпой, переждать, а ты привлёк к нам слишком много внимания. Брат, ты конкретно сейчас подставил нас.

– Считаешь, я не прав?

– Может быть ты и прав, но... Пойми, это их обычаи, и мы не имеем права приезжать в чужую страну и изменять порядки. Закон есть закон. Ты подставляешь нас, Амид, пойми уже.

Дверь в дом с грохотом раскрылась и в зал влетел муфтий Мутамид. За ним, как гномик, прискакал юный мулла и с улыбкой поздоровался:

– Простите, что без стука, Ас-Салям Алейкум, братья.

– Ва Алейкум Ас-Салям, вообще-то можно было и позвонить, – возмутился я.

– А у вас есть телефон? – поинтересовался мулла.

– Всем выйти! – грозным голосом закричал муфтий – Оставьте меня с Амидом.

Абдул и Халим посмотрели на меня в ожидании моего ответа, но я кивнул им, чтобы они вышли.

– Идём, Алим, поешь моих фирменных блинчиков, – говорил Халим, заходя с муллой и братом на кухню.

– Мы о чём с тобой говорили? – подойдя ко мне впритык, спросил муфтий. – Вы должны быть ниже травы и тише воды. Более того, – всё ближе подходя ко мне, грозно возмущался Мутамид, – вы должны были давно исчезнуть из города, а что сделал ты? Мало того, что проживаешь тут нелегально, так ещё и посмел прервать шариатский суд?

– Чего? – недовольно спросил я. – Какой суд? Там просто толпа людей пинала женщину, причём тут вообще шариат? Где допрос свидетелей, где жалобы от соседей, где вообще доказательства? – загибая пальцы, с интересом допрашивал я муфтия. – И почему всё это решал еле стоящий на ногах мулла, а не Вы?

– Ты самый умный? Ты вообще кто такой? Ты считаешь, что можно так просто прийти и начать качать свои права здесь, и тебе за это ничего не будет?

– Вы меня пытаетесь запугать, дядя? Я так же нахожусь под властью Всевышнего, как и Вы, а значит – я имею столько же прав, сколько и Вы. То, что Вы нарядились, как джин из лампы, еще не значит, что я буду чего-то бояться и жить так же, как всё ваше тупое стадо.

– Власть Бога на земле и есть мы – люди, познающие Ко-ран и направляющие таких как ты, дураков, на нужный путь. Иди со всеми по верному пути, и ты пойдёшь по правильной тропе с Богом.

Внимательно посмотрев на дядю, который старался умными фразами промыть мне мозг, я слегка улыбнулся ему и сказал:

– Иногда стоит пойти против всех, чтобы пойти за Богом.

– Надо же, добрый убийца поверил, что действительно встанет на путь Всевышнего? Открою тебе маленькую тайну: пока ты живёшь на земле, каждый твой шаг и действия будет отслеживать не Бог. Поощрять или наказывать тебя будет не Бог. И сколько тебе ещё тут останется жить тоже решит не

Бог, – ткнув пальцем мне в грудь, продолжал Мутамид. – Бог – это то, что у тебя внутри. Бог решит, как тебе быть Там, но вот как тебе жить тут – решаешь ты сам. И если хочешь выжить, будь добр быть вместе со стадом.

– А если я отобьюсь от стада? Что Вы сделаете? – с улыбкой интересовался я у умного дяди.

Муфтий неожиданно ухмыльнулся мне. Погладив свою тёмную бороду, он похлопал меня по плечу и сказал:

– Живи реальностью, когда беда нагрянет, тебя не Бог спасать будет. Ты будешь один, и тогда не на кого будет надеяться, кроме как на помощь от ненужного тебе стада. Только смотри, чтобы это стадо и не стало твоей погибелью.

– Вы меня смертью запугать решили?

– Видимо, ты не умнее этого стада, Амид. Что же, не послушал меня по-хорошему, значит будем объяснять тебе по-плохому. Даю тебе слово, настанет день, когда под ударами этих плетей окажешься ты, и будешь умолять меня пощадить твою жалую шкуру. Но, к сожалению, я не джин из лампы, как ты выразился, а такой же человек, как и ты. А значит – я тебя не пожалею.

Я не переставал улыбаться и смотрел на дядю, который старательно пытался меня запугать. Муфтий поправил свой халат и, больше ничего не сказав мне, стремительно покинул наш дом, ни с кем не попрощавшись. Я глубоко вздохнул и посмотрел на потолок. Понимая, что я подверг эту несчастную семью и своих друзей большим неприятностям, я сел на диван и медленно стянул с себя шарф. В зал вошёл юный мулла Алим. С грустью посмотрев на меня, он сел рядом и сказал:

– Тебе не стоило этого всего делать. Зачем ты огрызаешься так?

– Огрызаюсь? – недовольно спросил я. – Я лишь хочу защитить свою мать и сестру, но в итоге... только хуже сделал.

– Тебе просто надо меньше обращать внимания на то, что делают другие. Перестань вмешиваться.

– Знаешь, я всю жизнь один. Рос один, воевал один, у меня никогда не было близких мне людей, даже друзей. Я никому не верю и не доверяю, но попав сюда, я решил попробовать узнать, что такое иметь друзей, братьев, маму, общаться с соседями.

– Я понимаю тебя, Амид, – сев ко мне ближе, говорил

Алим. – Если Аллах тебе подарил всё это, то зачем ты это рушишь своими же руками?

– Я видел слишком много несправедливости, мулла, и мне хотелось исправить это.

– Тогда начни с того, что найдёшь в себе силы извиниться перед теми, кого обидел.

– А дядя ушёл что ли? – удивлённо спросил Халим, зайдя в зал.

– Давно, – недовольно ответил я и, встав с места, пошёл на кухню.

Сев за стол и посмотрев на сестру, которая тут же от меня отвернулась, я схватил стакан со стола и выпил воды.

– Ну? Что он сказал? – поинтересовался Абдул.

– Ничего, просто напомнил, чтобы мы быстрее свалили отсюда.

Мама недовольно закатила глаза и вышла из кухни. Сестра, встав с места, тоже хотела уйти за мамой. Но я, резко схватив её за руку и потянув к себе, спросил:

– Я нагрубил тебе. Ты прости, хорошо?

– Ничего, я не в обиде, – ответила Лания, выдернув от меня свою руку и уйдя в зал.

– Она простила? – спросил я Абдула.

– Нет конечно, она же девушка. А они никогда просто так не прощают мужчин. Раз двадцать как минимум извинись, упади в ноги и думаю, она подумает о прощении.

– Ты серьёзно? Если у них у всех такой динамит в голове, то я не скоро женюсь.

– В извинениях любимого мужчины женщина никогда не увидит унижение.

– Ох, ну надо же, какие мы умные стали, – улыбнулся я другу.

– А ты думал? – заулыбался Абдул. – Так что там дядя? Нам что-нибудь грозит?

– Грозит, и нам надо убираться отсюда как можно скорее.

– Что? – выкрикнул друг. – Подожди, как это? Но куда? А как же мама и Лания? Я с ними разговаривал, они никуда не уедут отсюда, не хотят. Они как-то жили без нас, значит и сейчас проживут. Выбора нет: если ты хочешь, чтобы дядя оставил их в покое, то мы должны убраться.

– Но..., но мама сказала, что не сможет потерять нас.

– Да что с тобой? – возмутился я. – На счету наши жизни, а также жизнь Майры и Лании, а ты спектакль мне закатаваешь?

– Я просто привык и не смогу...

– Что? – скорчив лицо, недовольно спросил я, замечая, что друг явно растерялся и что-то недоговаривал мне.

– Я просто переживаю за них и боюсь.

– Абдул, если ты надумал жениться на Лании, так решай этот вопрос скорее. Но втирать, как ты переживаешь за чужую семью, мне не надо.

– Причём тут это? Нет, я не к этому клонил.

– А к чему? Ты сколько таких матерей и дочек перебил?

Сколько убил? А сейчас в тебе вдруг совесть проснулась?

Друг резко замолчал. Обиженно взглянув на меня, Абдул встал с места и сказал:

– Ну ты и говно, Амид.

– Отлично... – вздохнул я и начал рукой протирать свои глаза.

Как меня начали напрягать все эти ситуации. Друг вышел из кухни, а я направился в спальню и лёг спать, чтобы поскорее забыть этот день.

Глава 9. Явление врага

Прошла целая неделя с того дня, как после моего выступления во время казни люди наконец успокоились. Даже на моей работе все только и обсуждали, как я не побоялся высказать своё мнение. Как обычно, устало вернувшись с Абдулом домой, мы вошли в комнату и переодевались, вешая на стул испачканные после стройки рабочие вещи.

– Долго будешь дуться на меня? – спросил я брата, надев синюю майку.

– Я не дуюсь, я от тебя большего и не ждал.

– Ладно тебе, извини, если задел.

– Всё нормально, ты же знаешь, я теперь верующий и всех прощаю, – не очень-то и радостно ответил мне Абдул, взяв грязные вещи со стула и выйдя из комнаты.

Завязывая в узел шнурки на своих штанах, я увидел, как в двери показалась сестра, держа в руке какую-то бардовую коробку.

– Заходи, я одет.

– Извини, я просто хотела кое-что показать тебя.

– Показывай, – радостно улыбнулся я сестре.

Лания осторожно открыла коробку и сказала:

– Вот те самые ножи, которые отец дарил Амиду. Я хочу подарить их тебе в знак благодарности за то, что ты для нас всех тут делаешь.

Я взглянул на три красивых изделия ручной работы. Всё

было выполнено из серебра с красивой резьбой. Ножики были раскладные. Взяв один из них в руки, я раскрыл его, вынув лезвие, и внимательно рассматривал.

– Очень красиво. Я обещаю хранить их бережно. Спасибо, Лания.

– Не за что, я рада, что тебе понравилось.

Поставив нож на место, я заметил в коробке ещё одну выемку. Проведя по ней пальцем, я спросил сестру:

– А где четвёртый ножик? Самый маленький. Ты, кажется, о нём рассказывала?

– Да, тот самый, которым брат любил везде разрезать всё. Извини, но его нет, брат его забрал с собой.

– Оу, ясно.

– Всё, забирай подарок, – радостно сказала сестра, закрыв коробку. – И пошли кушать, я ничего в школе не поела сегодня.

Мы всей семьёй сели на кухне за стол. Как всегда, кушая сладости, а также фирменные блины Халима, мама допила

своей кофе и что-то внимательно разглядывала в стакане. Я улыбнулся ей и, взглянув на Халима, спросил:

– Что насчёт Синем?

– А что насчёт неё? Мне она понравилась, думаю, что стоит сосватать её.

– Так быстро? – удивился я. – Ты её только один раз видел.

– А зачем мне жениться на той, кого я тысячи раз видел?

– О, Аллах, Абдул! – резко выкрикнула мама и протянула салфетку. – Опять у тебя кровь, нам надо сходить к врачу, это уже ненормально.

– Всё нормально, – тихим голосом сказал Абдул, встав с места и прижав салфетку под нос. – Здешний климат не для меня просто.

Друг ушёл в зал, а мы все молча переглянулись, как вдруг в окне показалась женщина. Поставив красивую вазу с фруктами на подоконник, она всем нам улыбнулась и сказала:

– Мира вам и вашему дому. Приятного всем аппетита.

– Спасибо тебе, соседка, – радостно сказала мама, подойдя к окну.

– Я хотела поблагодарить тебя, Амид. Я та самая женщина, которую хотел наказать мой муж, а ты заступился. Да пошлёт тебе Аллах долгих лет жизни и Вам, Майра, за то, что воспитали таких мужчин.

– Ну, что ты, – засмуцавшись, говорила мама, явно испытывая гордость за нас. – Не стоило так.

– Спасибо Вам, – привстав с места, поблагодарил я женщину.

Резко в окно сунулся Вислав. Увидев доктора, я и Халим растерялись. Мама тут же поправила свою косынку и спросила его:

– Простите, а Вы кто?

– Добрый день, Госпожа. Мне нужен Амид.

– Что ты тут делаешь? – удивленно спросил я.

– Нам надо срочно поговорить, у меня плохие новости.

– Ещё бы христиане с хорошими новостями приходили, – недовольно ответил я и вышел из-за стола.

Пройдя в коридор и обув сапоги, я нагнулся завязывать шнурки. Приоткрыв дверь, ко мне подошёл док.

– Что там стряслось? – встав с места и завязывая на голову шарф, спросил я врача.

– А что это с твоим братом? – поинтересовался Вислав, смотря в сторону зала.

Я развернулся и увидел лежащего на полу Абдула. Бегом рванув к нему, я тут же закричал Халиму. Друг моментально выбежал из кухни. Приподняв Абдула с пола, мы уложили его на диван.

– Ему стало хуже, – говорил Вислав, сев рядом и осматривая глаза и лицо друга. – Он принимал лекарства, что я выписал?

– Ну, как сказать, нет... – растерянно ответил я.

– И почему? Потому что я христианин? Ты когда перестанешь этот межрелигиозный бред проявлять ко мне?

– А Вы вообще кто? И что происходит? – удивлённо спрашивал Халим.

– Я – доктор Вислав. Рад знакомству. Ваш брат болен и ему нужна госпитализация.

– Вы ради этого пришли к нам домой? – поинтересовался Халим и тут же обнял доктора. – Спасибо Вам, да не оставит Аллах нашу семью без добрых людей.

Удивлённый док сначала растерялся, но потом и сам прижался к Халиму и погладил его по спине.

– Всё, прекрати, – сказал я другу, отдёргнув его от врача. – Что сейчас с ним и что нам делать?

– Сейчас мы донесем его до моей машины и отправимся в больницу, там ему хоть как-то помогут. Заодно и увидишь, какой пациент поступил к нам, – вздохнув, сказал доктор, проведя по волосам Абдула.

Протянув свою руку к нам, мы увидели клочок волос. Словно он не погладил друга, а обрил. Не понимая этого, я и Халим испугались.

– Не бойтесь, – продолжал Вислав. – Его мы побреем на

лысо и все будет хорошо. Постараемся сделать все, что пока в наших силах.

Я осторожно поднял Абдула и закинул его на плечо. Из кухни вышли радостные мама и сестра, но увидев нас, они тут же изменились в лице.

– Не беспокойтесь, – говорил им Халим, помогая держать Абдула на моём плече ровно. – Мы сейчас отвезём брата в больницу и придём.

– Что с моим сыном? – чуть ли не плача, выкрикнула Майра.

Увидев ужас и панику в глазах матери и сестры, я потянул за руку Халима и тихонько сказал ему:

– Оставайся с ними, я быстренько отвезу брата и вернусь.

– Ты уверен, может я...

– Уверен, – перебил я друга. – Будь с ними.

Халим согласился и кивнул мне, а я и Вислав поспешили к машине. Я осторожно уселся с братом на заднее сиденье чёрной иномарки, и доктор дал по газам. Мы пулей доеха-

ли до госпиталя. Пробежав по длинному и скользкому коридору, мы занесли брата в палату, где Вислав тут же указал нескольким докторам, чтобы те немедленно занялись больным. Смотри, как Абдула дергали, к чему-то подключали и делали какие-то прививки, док вывел меня из палаты и сказал:

– Не волнуйся, ему помогут, доверься мне. А теперь идём, ты должен кое-что увидеть.

Док направился к лестнице. Поднявшись на второй этаж, Вислав открыл серую дверь, и я увидел койку, на которой лежал изуродованный побоями ребёнок, а рядом с ним в обнимку рыдала девушка. Подойдя ближе, я разглядел в плачущей девушке Синем, схватив её за плечи, я закричал:

– Синем! Что ты тут делаешь?

– Амид, – еле произнесла девушка, встав с места и крепко обняв меня. – Они сказали, что убьют его, убьют...

– Кто они? Ты запомнила их? – спросил я, отойдя от Синем и смотря на изрезанное и опухшее тело Мервана.

– Не знаю, они ворвались в дом, меня держали, а его терзали на моих глазах. Их лица были закрыты платками.

Слушая сквозь плачь жалобу Синем, Вислав пристально взглянул на мой шарф, которым я прикрываю свою голову. Заметив это и улыбнувшись доку, я спросил:

– Твой подозрительный взгляд что-то значит или ты сейчас просто так посмотрел?

– Да, у меня есть пару вопросов к тебе. Синем сказала, что эти люди упомянули твоё имя.

– Что? – с удивлением спросил я, посмотрев на перепуганную девушку.

– Она сказала, – продолжил врач, – что когда мальчика закончили избивать и оставили умирать на полу, один из людей сказал, чтобы Синем тебе передала привет. У тебя есть какие-то подозрения, кто это мог сделать? Если я не ошибаюсь, эту девушку вы хотите сватать?

Я растерялся, внимательно смотря на доктора и пытаюсь собрать мысли воедино. Почесав себя по шее, я посмотрел на Синем и спросил:

– Может у тебя есть поклонник, а я, не зная этого, ходил к вам домой и вызвал у него гнев?

– Нет, никого у меня нет, это исключено, – вытирая слёзы с глаз, отвечала Синем.

Доктор вышел из палаты и махнул мне рукой, чтобы я шёл за ним. Взглянув на несчастного Мервана, я погладил по плечу убитую горем Синем и сказал:

– Даю слово, я с ними сделаю то же самое.

– Я верю тебе, Амид, – ответила девушка и поцеловала меня в руку.

Погладив Синем по щеке и быстро покинув комнату, я вышел в коридор и закрыл за собою дверь.

– Амид, есть ли у тебя враги? Я насколько знаю, ты военный и ты в розыске.

– Что? С чего ты взял, что я в розыске? Я обычный солдат и...

– Обычный солдат не скрывается в таком, Богом забытом, ауле с двумя сослуживцами в семье сумасшедшей женщины, которая приняла вас за своих детей. Я тебя уже предупредил, что имею разрешение и веду тут расследование.

– Я что-то не понял: так ты не док, а грёбаный следователь? Ты на меня охоту открыл что ли? – недовольно спросил я, ударив Вислава в плечо. – Ты всё это время прикидывался? Ах ты...

– Нет-нет, я расследую исключительно убийства местных граждан. Ты и твои проблемы с законом меня не интересуют. Но не стоит забывать, что ты личность опасная, Амид, и у тебя вполне могут быть такие же опасные враги. Подумай хорошенько, кто хочет тебе отомстить?

– Если не считать, что тут весь город меня ненавидит..., наверное каждый, кого ты спросишь, мечтает меня убить.

– Не поверишь, но я многих уже опрашивал, – улыбнулся Вислав. – И был приятно удивлён: местные женщины просто мечтают о тебе, а вот мужчины тебя не любят, но боятся. Ты сумел вызвать страх, что, надо признать, очень смело для такого юного парня, как ты.

– Я нравлюсь женщинам? – с удивлением переспросил я дока.

– Сейчас не об этом, лучше подумай, кто из местных может тебя не бояться?

Я начал поглаживать свою щетину, стараясь вспомнить бесстрашных соседей.

– Есть один придурок, резко сказал я, вспомнив странного незнакомца в мешке. – Он часто преследует меня, один раз даже пытался прибить возле залива и..., – но неожиданно я вспомнил слова дяди, которой старательно меня пытался периодически запугивать. – Мутамид, – произнёс я.

– Кто? – переспросил Вислав. – Кто это?

Я ничего не ответил доку и побежал на улицу. Вислав тут же последовал за мной, но я его не видел, потому что целенаправленно помчался в сторону мечети. Увидев муллу Алима, который шёл мимо минарета, я поспешил к нему. Резко схватив его за белый ворот и припечатав к холодной стене мечети, я грозно спросил его:

– Где Мутамид?

– О, Аллах, Амид, ты чего? – пытаюсь разжать мои кулаки, перепугано спрашивал мулла.

– Я чего? Это вы тут чего? Говори, где дядя!

Подбежавший ко мне Вислав, который остановился и пытался отдышаться, потянул меня за плечо и сказал:

– Амид, пожалуйста, только без применения насилия.

– Да что происходит?! – не выдержав, выкрикнул мулла.

Я отпустил ворот Алима и отойдя от него, недовольно сказал:

– У меня срочное дело и я должен с ним увидеться. Проведи меня к нему.

– Хорошо, – оттряхивая свой белый халат и поправляя чалму на голове, ответил мулла и посмотрел наверх.

Я и док тоже взглянули туда, куда смотрел Алим. Увидев маленькое, деревянное окошко, которое полностью украшали красиво вырезанные узоры, я вспомнил того незнакомца в мешке, который стоял на этом же самом месте и указывал пальцем на это же окно.

– Стой, – резко сказал я. – Что там? Что это за окно?

– Там комната писаний, где часто и находится наш уважаемый кади Мутамид. Думаю, ваши крики он уже услышал, –

недовольно ответил Алим и пошёл вперёд.

Мулла вошёл в мечеть и по лестнице, которая рассыпалась от каждого шага, поднялся на второй этаж. Вислав с интересом разглядывал стены древней мечети, а также её старинные каменные ступени. Приоткрыв деревянную дверцу, мулла склонил голову и сказал:

– Господин Мутаид, к Вам племянник и какой-то человек.

В небольшой комнате, где кругом были полки, забитые какими-то рулонами бумаг и книгами, в самом центре за бордовым письменным столом сидел муфтий, что-то записывая в тетради. Отложив ручку в сторону, Мутаид встал с места и сказал:

– Хорошо, Алим, оставь меня с Амидом, а христианин пусть подождет за дверью.

Вислав посмотрел на меня и отошёл куда-то в сторону. Мулла снова поклонился Мутаиду и быстро вышел из комнаты, закрыв за собою дверь. Я подошёл к муфтию и, улыбаясь ему, спросил:

– Ничего мне сказать не хотите, дядя?

– Я кажется уже говорил с тобой и объяснял, что твоё время вышло.

– Неужели Вы опустились до того, что истерзали ребёнка?

– Амид, – погладив себя по бороде, говорил дядя. – Я никуда не опускался и ничего не делал, но если в мой дом придут плохие люди, будут угрожать моим гражданам, а также стараться качать свои права, то я вынужден буду избавиться от таких паразитов.

– Так избавляйтесь, дядя, вот я, – говорил я, раздвинув руки в стороны. – Весь безоружный и перед Вами.

Муфтий улыбнулся. Глубоко вздохнув и сев за стол, Мутамид сказал:

– К сожалению, в мечети кровь проливать нельзя, а то бы я с удовольствием тебя убил бы. А теперь уходи, Амид, у меня полно работы.

Я стоял молча и смотрел на то самое маленькое окошко. Муфтий посмотрел на меня, потом на окно, в итоге встав с места, дядя подошёл ко мне вплотную и сказал:

– А я ведь тебя предупреждал, Амид, что кидать вызов обществу – дело опасное. Сегодня ты для людей герой, а завтра они будут стоять и радоваться, наблюдая за твоей казнью.

– Не старайтесь, дядя, мне все эти Ваши казни и угрозы не страшны. Говорите, что хотите.

– Тебе не страшно, а вот Мервану страшно.

Услышав имя мальчика, я изменился в лице, а кади наоборот, нагло улыбнулся и продолжил:

– Потом страшно станет его сестре, а после неё испугается и Халим...

– Только посмей! – выкрикнул я, вцепившись в горло муфтия.

Мутамид тут же разогнулся, схватив меня за руки и повалил на письменный стол. Несмотря на его возраст, он оказался довольно сильным мужчиной.

– Убери свои руки, Амид! – выкрикнул муфтий, встав ровно и быстро поправляя свой халат. – Даже не смей в стенах мечети устраивать мне что-то.

Я отошёл от стола, старательно разминая свою шею, словно готовясь к бою. Посмотрев на грозный вид дяди, я сказал ему:

– Если Вы хоть кого-то тронете....

– Я не трону, а люди тронут. Я дал тебе шанс, но ты, Амид, плевал на мои условия, плевал на мои порядки и на наши обычаи. Тогда чему ты удивляешься? Или убирайся, или не жалуйся.

– Я предупредил Вас, думайте сами, – недовольно сказал я и вышел из комнаты.

Алим и Вислав посмотрели, как я быстро прошёл мимо них и спустился в низ. Мужчины направились за мной и, выйдя во двор мечети, Вислав крикнул мне:

– Эй, что случилось? Тебе удалось что-нибудь узнать?

– Нет, – злобно ответил я и поспешил в сторону госпиталя.

Добежав до больницы и пробежав по коридору в палату к Абдулу, я с грохотом раскрыл дверь и подошёл к койке. Взяв друга за руку, я спросил его:

– Ну, как ты?

– Уже лучше, – тихо и с хрипотцой отвечал брат. – Как я тут оказался? Что вообще случилось?

– Всё нормально, – погладив по голове друга и заметив, как волосы всё ещё осыпались, отвечал я Абдулу. – Вислав был прав. Надо было слушать его, а мы из-за глупых стереотипов оттолкнули руку помощи. Я был в мечети у дяди.

– И что? – с интересом спросил Абдул, стараясь сесть ровно.

– Мервана избили прямо на глазах у Синем, и просили передать мне привет. Ясно, что это собаки дяди начали свою работу. На меня открыли охоту, Абдул.

– О, Аллах, вот и настал этот день, Амид, мы все будем наказаны, Всевышний не пожалеет нас.

– Что ты несёшь? – недовольно сказал я другу, отпустив его руку и подходя к окну.

– Тебе не стоило нарушать обряд наказания. Ну били они эту женщину – и чёрт с ней. А вдруг она заслужила? Умоляю

тебя, поговори с дядей и дай ему слово, что больше не поедешь никуда. Я и Халим хотим остаться тут и жить с Майрой и Ланией. Пойми же ты наконец!

В этот момент в палату забежали Вислав и Алим. Увидев юного муллу, мой брат тут же обрадовался. Алим так же схватил Абдула за руку и, крепко сжав её, спросил его:

– Как ты себя чувствуешь? Если хочешь, я могу сегодня остаться с тобой и мы совершим молитву здесь. Аллах слышит молящих и обязательно поможет.

Брат был явно рад приходу муллы и, сжимая его руку, с грустью сказал:

– Алим, я хочу исповедаться тебе и рассказать о всех своих грехах.

Я резко развернулся к Абдулу. Схватив с койки подушку, я заехал ему по голове.

– Эй, ты что делаешь? – выкрикнул Абдул.

– Я тебе сейчас исповедуюсь, блин. Он, что, папа римский тебе? Угомонись сейчас же.

– Перестань, Амид, пусть он расскажет обо всём, ему станет легче, – выдернув из моих рук подушку и поставив за спину Абдула, говорил мулла.

– Наша семья в опасности, а вы тут ерундой заняты!

– А из-за кого она в опасности, а?! – не выдержав, тоже начал кричать Абдул. – Если бы ты меньше защищал долбаных собак и женщин, у нас сейчас не было бы всех этих проблем.

– О, вот оно как? – скрестив на груди руки, спросил я. – Значит я во всём теперь виноват? Что ж, если виноват только я, значит только я и буду с этим разбираться. Ты главное лежи, исповедуйся тут, – недовольно сказал я и вышел из палаты. Резко открыв дверь и снова заглянув к ним, я добавил:

– И не забудь мулле рассказать, как передёргивал своего дружка в штанах, глаза за голой сестрой. Хорошего дня вам.

Абдул тут же швырнул подушкой, надеясь попасть в меня, но попал в дверь, которую я успел закрыть. Вислав сжав губы, взглянул на ошарашенного муллу Алима и, улыбнувшись ему, сказал:

– Ну, что же, думаю вам теперь есть что обсудить. А я

пойду, займусь своими делами.

Выбежав за мной в коридор, док поспешил догнать меня. Я поднялся в палату Мервана. Синем сидела рядом на стуле, глядя брата по опухшей руке. Увидев меня, она приподняла голову и спросила:

– Ну, что? Удалось что-то разузнать?

– Ключи от дома у тебя с собой? – спросил я.

– Да, а что такое?

– Сегодня ночуй тут, а я останусь у тебя. Но никому об этом не говори. Давай ключи.

Девушка тут же подошла к своей сумке, которая стояла на подоконнике и, вынув оттуда связку ключей, протянула мне.

– Ничего не бойся, я защищу вас.

– Амид, – снова расплакалась девушка. – Как мне страшно, если бы ты знал. Я думала, что умру.

– Всё, тише, – старался я утешить Синем, прижав её крепко к груди.

Девушка так же обняла меня за спину и уткнувшись носом, старалась выплакаться. С коридора донеслись голоса мамы и сестры. Дверь в палату открыл Вислав, и я увидел Майру и Ланию, которые тут же испуганно подбежали к бедному Мервану. Но больше удивило то, что за ними вошла и Дея. От неожиданности я тут же отодвинул от себя Синем. Зачем я так поступил – я не знаю, но осторожно погладив Синем по голове, я сказал:

– Всё, прекращай плакать, вот и родные пришли поддержать вас.

Убрав связку ключей в карман, я подошёл к Дее и спросил:

– А ты тут как оказалась?

– Я слышала крики Майры, когда заносила ведро домой. Решила зайти к вам узнать, в чём дело, а потом мы приехали проведать Абдула, ну и про Мервана узнали.

– Ясно, – ответил я, не зная о чём с ней говорить дальше.

– Халим тоже пришёл, – продолжила Дея.

– Правда? Это хорошо, как раз увидится со своей любимой.

– По-моему, ты с ней чаще видишься, чем он, – улыбнулась мне Дея.

– Да что ты? Ты тоже со мной стала видаться чаще, чем с мужем, но тебя же это не смущает.

Дея тут же сменила милый вид на грозное выражение лица. Разозлившись, она мне ничего не сказала и ушла к Мервану, делая вид, что слушает разговоры доктора и Майры. Я улыбнулся ей и вышел из палаты.

– О, Амид, – резко спросил меня Халим, встретив в коридоре. – Абдул мне всё рассказал.

– Про свои извращения? – иронично поинтересовался я.

– Да нет, причём тут это? Про дядю. Это правда, что мурфтий начал действовать против нас?

– Не против вас, а против меня.

– Какая разница? Мы все – одна семья.

Услышав это, я улыбнулся своему младшему брату. Халим действительно оказался очень добрым человеком, что начинало меня и радовать, и в тоже время заставляло сильно за него беспокоиться.

– Я разберусь с дядей, не переживай. Синем так же защитим.

– Да я буду следить за ней и за Мерваном. Найди способ перемирия с дядей, нам не нужны все эти проблемы, Амид. Прекрати воевать с ним и подумай уже о нас.

– Хорошо, – ответил я, похлопав друга по плечу.

Халим улыбнулся мне и вошёл в палату, а я спустился во двор. Гуляя по парку госпиталя, я старался найти хоть какой-то выход из всей этой дурацкой ситуации. Было ясно, что по указке Муфтия люди могут действительно добраться до каждого, кто мне стал дорог. Я сел под деревом на траве и начал прокручивать все возможные варианты в голове, чтобы наконец-то решить, как мне защитить свою семью и друзей от нападок этого тирана. Мне не хотелось проигрывать и просить у дяди перемирия, но я не мог продолжать жертвовать жизнями моих родных. Неожиданно я увидел проскочившую мимо меня тень. Подскочив с места, я огляделся. Напротив меня, прямо на проезжей части, стоял тот самый

больной человек в мешковатой одежде. Снова босой, снова с тенью, подающей от капюшона на его лицо, и снова молчал, стоя как вкопанный. Посмотрев по сторонам дороги и убедившись, что никаких машин нет, я стал осторожно подходить к нему и спрашивать:

– Может ты заговоришь уже со мной или ты немой? Ты из этой больницы, да?

Но мужчина стоял как статуя, неподвижно. Я остановился посреди дороги. Не зная, что ещё мне сделать, я решил подойти к нему и постараться откинуть его капюшон. Ещё раз осмотревшись, нет ли на проезжей части машин, я начал всё ближе и ближе подходить к незнакомцу.

– Я был там, в той комнате, куда ты указал мне. Зачем ты показал мне её? – с интересом спрашивал я. – Хорошо, не отвечай. Но тогда объясни, зачем ты хотел убить меня? – всё надеясь на ответ, допрашивал я незнакомца. – Слушай, ты меня достал уже, – не выдержав сказал я и ускоренным темпом направился к психу.

Вытянув руку, я готов был скинуть с его лица капюшон, как вдруг абсолютно неожиданно на дороге резко затормозила машина, чуть не сбив меня. От резкого звука торможения и громкого сигнала автомобиля я испугался и упал

на землю. Отползая от дороги к краю участка, машина проехала мимо меня и из окна выглянул разъярённый водитель. Обложив меня последними словами, мужчина быстро уехал. Я лёг на траву и схватился за голову, приходя от испуга в себя. Но не тут-то было – надо мной показалась рожа этого психа. Мужчина, не раздумывая, заехал мне по лицу и, издавая непонятный рёв, начал что-то пытаться кричать на меня. Я схватился за его ворот и повалил мужчину на землю, старясь избить. Но земля за дорогой была склоном, и мы кубарем покатались вниз. Несмотря на болезненное падение куда-то в неизвестность, ударяясь о камни и пеньки, я старался в руке сжимать мешок незнакомца как можно крепче, чтобы не упустить его.

Наконец, пролетев расстояние от вершины склона до его основания, я ударился о дерево и лёг ровно на спину. Смотря на небо, ветки и зелёные лепестки, которые дрожали от ветра, я лежал и пытался отдышаться. Подняв свои руки вверх и смотря на свои ладони, я понял, что упустил психа. Устало встав с места, я осторожно стряхивал с себя все прилипшие палки, листики и прочий мусор. Посмотрев на склон, я решил обойти его, чтобы не взбираться так высоко. Обернувшись, я потерял дар речи. За мной расстилался целый район красивых домов и высоких деревьев. Будто я из одной страны прилетел в другую. Осторожно обойдя куст, я, разинув рот, рассматривал дорогостоящие постройки. Оказывается,

в такой дыре были не только тупые бедняки, но и состоятельные люди, которые могли позволить себе жить в таком месте. Неожиданно я вспомнил слова Синем в день нашей встречи. Она сказала, что прибиралась у одной богатой женщины, живущей в «зеленом районе».

– Так вот как ты выглядишь... – удивлённо осматривая кирпичный двухэтажный дом, говорил я. – Район состоятельных людей.

Но мой взгляд неожиданно привлёк тот самый псих. Он никуда не убежал, а внимательно следил за мной. Увидев, что я его заметил, он подошёл к какому-то дому из желтого кирпича и, вытянув руку, указал на дверь. Я хотел подойти туда, но на балкон этого дома (что на втором этаже) вышла женщина в красивом бежевом хиджабе. Громко смеясь и что-то говоря кому-то, она вылила стакан воды на землю и зашла обратно. Я посмотрел на парня в мешке. Но его и след простыл. Поняв, что он снова исчез, я быстро выбрался из кустов и подошёл к двери этого дома. Позвонив в красивый золотой звонок, я стоял и сам себе задавал вопрос: «Зачем я сюда пришёл и что скажу, когда мне откроют?». Дверь открыла та самая приятная женщина и, с удивлением рассмотрев мой испачканный вид, она улыбнулась и спросила:

– Ас-Саляму Алейкум, Вы к кому?

– Ва алейкум Ас-салям, я хотел воды попросить. Меня машина сбила, и я упал прямо к вашему дому.

– О, Аллах, – растерянно сказала женщина и раскрыла полностью дверь. – Проходите, я сейчас вызову Вам врача, тут как раз госпиталь рядом.

Я сделал шаг вперед, разглядывая красивый дом. Высокие потолки, светлый паркет на полу, мраморные колонны, которые служили аркой и проходом в роскошный зал. Увидев всё это, я решил не заходить дальше и не пачкать её роскошный дом. Заметив, что хозяйка взяла мобильный в руки и куда-то звонила, я тут же выкрикнул:

– Не надо! Госпожа, просто дайте стакан воды, и я уйду.

– Но, как же, это опасно и врач должен...

– Поверьте, – прервал я женщину. – Я только хочу воды и всё.

– Хорошо, сейчас принесу.

Женщина поставила мобильный на стеклянный, журнальный, столик, который стоял в коридоре, и ушла в другую

комнату. Я поднял голову наверх и рассматривал её потолки, глянцевые и красивые.

– Держите, – сказала хозяйка, протянув мне стакан с водой.

– Знаете, у меня знакомая работает тут у одной женщины. Их отцы дружили когда-то, но потом разбились.

– Случайно не у госпожи Мирьем? – поинтересовалась женщина. – Это моя подруга, она живет недалеко. Вашу знакомую случайно не Синем зовут?

– Да, – радостно сказал я. – Синем, вот именно.

– О, как здорово, я знаю её. Она очень хорошая девушка. Мерьем всегда хвалит её.

– Вы знали, что на Синем было покушение и её брата жестоко избili, – говорил я, поднеся стакан к губам и внимательно наблюдая за реакцией женщины.

– О, Аллах, нет..., я не знала об этом. Где они сейчас?

– В госпитале, врачи уже помогают им.

– Дай Аллах, все у них будет хорошо.

– Ин Ша Аллах, – ответил я и протянул пустой стакан хозяйке. – Ну, я, пожалуй, пойду. Спасибо Вам за воду.

– На здоровье, будьте осторожнее.

Я вежливо кивнул женщина и вышел во двор. Всё же не понимая, зачем незнакомец в мешке меня привёл сюда, я поправил свой шарф и пошёл вперёд, стараясь найти выход.

– Передайте привет Синем, – крикнула мне в след женщина. – Как мой муж вернётся, я обязательно расскажу ему о случившемся.

Я остановился. Резко развернувшись к госпоже, я улыбнулся ей и спросил:

– А кто муж будет, не подскажите?

– О, мой муж является главой мусульман города. Он – кади Мутамид.

Услышав это, у меня будто вся земля из-под ног ушла. Я встал как вкопанный и растерянно, сверху до низу, осмотрел двухэтажный роскошный дом. Осторожно подойдя к женщи-

не ближе, я переспросил её:

– Мутамид, Ваш муж?

– Да, а что?

– И Вы знаете Майру? Её сыновей?

– Да, а Вы откуда знаете? Это жена брата моего мужа. Бедняжка после потери своих детей совсем ума лишилась. Я слышала, она даже каких-то террористов у себя прячет, чтобы в её дом боялись зайти и забрать её в лечебницу.

– Но почему? – не находя слов, вымолвил я.

– Что почему?

– Почему она живёт в такой нищете?

– Мы хотели ей помочь, но она не позволяла, а наши подарки выбрасывала. В итоге нам пришлось смириться с потерей её рассудка.

– Передайте мужу, что Амид заходил.

– Амид? – удивилась женщина.

– Да, сын Майры.

Больше ничего не говоря, я развернулся и поспешил уйти с этого места прочь. Обойдя склон и перейдя трассу, я направился домой, всё ещё находясь в непонимании и лёгком шоке. Как родной дядя мог так жить, зная, что жена его брата и его дочь еле концы с концами сводят? А если бы я тогда не вернул их задолженность по жилью? Они так и жили бы на улице? Все эти мысли просто сводили меня с ума. Проходя по рынку и не обращая внимание на прохожих, я остановился и покачал головой, понимая насколько же мерзкими бывают люди.

Глава 10. Поражение

Летая где-то в своих мыслях, я неожиданно, среди разгуливающих по рынку людей, увидел Дею, которая, закрывая косынкой нос и губы, стремительно направлялась домой. Догнав её, я потянул её за руку и, развернув к себе, сказал:

– Где мама и братья?

– Они все в госпитале остались.

– А ты куда?

– Я домой, куда же ещё.

– Пошли, – сказал я Дее и, держа её за руку, завернул за дом.

– Куда мы? Куда ты ведёшь меня?

– Не бойся, не съем.

– От тебя всего ожидать можно, – недовольно ответила мне девушка.

– Даже если бы я хотел тебя съесть, то у тебя есть нечего – ни груди, ни попы, – засмеялся я.

Дея резко выдернула свою руку. Злобно взглянув на меня, она выкрикнула:

– Да что тебе нужно? Считаешь, мне муж мало подобных комплиментов делает? В помощники его записался?

– Эй, ты чего раскричалась? Пошутить нельзя?

– Иди с Синем шути, может она как раз сейчас в настро-

ении твои дебильные шутки слушать. А мне не до этого.

Девушка нервно высказалась и поспешила уйти. Снова схватив её за руку и грубо потянув к себе, я сказал:

– Синем – невеста моего брата, и обижать её я тебе не позволю, поняла? Это первое. А теперь сбавь свой тон и пошли со мной.

– Если назовёшь мне причину, по которой я должна тебя слушать, то может быть я и пойду.

– Я хочу поговорить с тобой наедине, такая причина сойдёт?

– Нет.

– Вот и отлично, пошли.

Крепко сжав её руку, я тащил Дею до самого дома Синем. Вынув связку ключей из кармана, я быстро открыл дверь, и мы вошли в дом.

– Чей это дом? – сняв балетки и осматривая комнату, спрашивала Дея.

– Синем и Мервана, – ответил я, стянув с себя шарф и подойдя к холодильнику. – Что пить будешь?

– В смысле? Зачем мы сюда пришли?

– Затем, что их сегодня не будет, а я могу спокойно побыть с тобой. Мне надо тебе кое-что рассказать.

– Что случилось? – поинтересовалась Дея, сев на диван и сложив под себя ноги.

– С тех пор, как я приехал сюда, я постоянно вижу какого-то человека. Он странно выглядит, походу какой-то псих больной. Думаю, что он из госпиталя, – рассказывал я, налив яблочный сок в стаканчики. – Но дело в том, что он не говорит со мной, а когда что-то хочет сказать мне, то издаёт странные звуки.

– Господи, – удивлённо слушала меня Дея. – И что? А как он выглядит?

– Не знаю, – продолжал я, сев рядом и протянув девушке стакан. – Я до сих пор не смог разглядеть его лицо. Но видел ноги – они всегда босы и неприятного цвета у него, как и руки. Он один раз указал мне на окно. Я узнал, что это – кабинет муфтия. Сегодня он снова появился и указал мне на

дверь дома. Когда я поинтересовался, чей это дом, то оказалось, что он принадлежит муфтию.

– Он что-то хочет тебе сказать про муфтия?

– Не знаю, Дея. Вроде бы и не маленький, в такой бред сам не верю, но факт остаётся фактом. Я его вижу, и он мне хочет что-то сказать. А ещё, – продолжил я, выпив сок и поставив стакан на журнальный столик, – я видел на подоконнике Амида надпись: «Он демон». Может Амид тоже видел этого мужика?

– Думаешь, это какой-то злой дух? О, Аллах, Амид, как я спать сегодня буду? Напугал меня.

Я улыбнулся Дее. Увидев, что девушка действительно прониклась моим рассказом и перепугалась, я обнял её за плечи и прижал к себе. Осторожно допив сок, Дея так же убрала стакан на столик и, уютно устроившись возле меня, молча сидела. Хоть я и любил колко над ней подшутить, но как-то тронуть её или полезть к ней я не рисковал. Откуда во мне появилась это неожиданная трусость, я не знал. Но, собрав волю в кулак, я прижал девушку к себе сильнее и сказал:

– Думаю, тебе не стоит бояться спать. Пока я рядом – тебя никто не обидит.

– Синем ты сказал тоже самое.

Услышав про Синем, я вскипел, грубо оттолкнув от себя Дею, я возмутился:

– Ты опять?!

– Что?

– Я тебя предупреждал ничего не говорить о ней?

– Да больно надо. Если ты всё, то я пойду. Рада была выслушать тебя.

– Боже, что вы за создания такие? И минуту невозможно с вами нормально пообщаться. Сидела нормально, откуда эта истерика?

– Какая истерика? Ты сам говоришь мне то, что говоришь всем подряд.

– А что я тебе должен говорить? Что-то лично придуманное только для тебя?

– Оф, всё, Амид, у меня правда дела ещё.

– Дея! – выкрикнул я. – Я тебе рассказал тайну, о которой никто не знает. Я хотел уединиться с тобой и сказать это только тебе, разве это ни о чём не говорит?

Девушка замерла, внимательно слушая меня. Заметив, что я замолчал и не знал, что говорить дальше, Дея поинтересовалась:

– А о чём это говорит, Амид?

– О том, что я только тебе это сказал.

– А почему только мне?

– Потому, что тебе я доверяю.

– И всё?

– А что ещё?

– Хорошо, я тогда очень рада и ценю твоё доверие, но если это всё, то я действительно пойду.

– Ты так к своему тупорылому мужу спешишь?

– Не надо его оскорблять.

– Он сам себя оскорбляет тем, что тебя в ничтожество превращает. Если так спешишь к нему, то отлично, дверь там.

– Но ты тоже груб со мной.

– Только потому что ты сама это позволяешь.

Я недовольно встал с места. Обойдя Дею, я подошёл к двери и, разувшись, пошёл обратно к дивану. Удобно развалившись, я закинул руки за голову и сделал вид, что отдыхаю. Дея всё ещё стояла, внимательно смотря на меня. Развернувшись к ней, я спросил:

– Что? Я устал и хочу поспать. Можешь идти к своему барану.

Девушка тихонько подошла ко мне и села рядом. Положив голову мне на грудь, Дея сказала:

– Я не хочу к нему и не хочу, чтобы ты меня отпускал туда.

Услышав это, я сел ровно и улыбнулся девушке. Стянув с неё косынку и скинув на пол, я распустил её волосы и закинул локоны вперёд. Проведя пальцами по лицу Деи и любу-

ьясь её красотой, я гладил её длинную шею и, медленно опустив руку к рубашке, осторожно начал растягивать пуговицы. Но не существует женщин, которые в самые лучшие моменты не могут всё испортить. Дея тут же дёрнулась и, подскочив с места, сказала:

– Амид, нет.

– Что нет? – недовольно спросил.

– Я так не могу.

– Что-то тогда ты могла голой возле меня сидеть и болтать, а сейчас не можешь? Хочешь, мультики включу? Дея, брось, ты взрослая девушка, ты в праве сама решать, что и как тебе делать. Чего ты боишься? Что муж узнает? Или что тебе удары плетью за это светят?

Дея внимательно меня слушала, закусив нижнюю губу и что-то обдумывая у себя в уме.

– Я понимаю, хоть я и не первый, но подобное всё же у тебя впервые. Не думай, что я там...

– Я ничего не боюсь, Амид, – наконец заговорила девушка. – Я намного смелее тебя, и я готова умереть. Если об этом

узнают и меня прикажут распять, то я готова к этому.

– Ого, ты серьёзно? – улыбнулся я. – Тогда в чём проблема?

– Я боюсь, что моя любовь не взаимна.

Услышав это, я растерялся. Слово любовь в мой адрес вообще было чем-то новым для меня. Кроме любви к своему автомату, религии и родине, я больше никакой любви и не знал. Я настолько потерял дар речи, что сидел и, как глупец, смотрел на Дею, не зная, что ей ответить.

– Если ты чувствуешь, что у тебя просто похоть, то я тебя очень прошу, не пользуйся этим. Я тебя уважаю, как достойного мужчину, как человека, в котором я увидела весь мужской идеал. И я не смогу пережить если узнаю, что в итоге ты окажешься тварью, как большинство мужчин этого города.

Заметив, что у девушки от обиды начала проступать слёзы, я тут же встал с места и крепко обнял Дею. Прижав её к груди, я целовал голову девушке, ощущая приятный аромат её волос.

– Знаешь, – заговорил я, отодвинув заплаканную Дею и протирая пальцами её намокшие ресницы. – Я ведь долго во-

евал и мне не до женщин было. Приехав сюда, я был уверен, что найду с кем оторваться за всё это время, что я находился вдали от женского тела. И я нашёл: тут было пару девчат, с которыми можно было бы договориться.

– Серьёзно? – удивилась Дея. – А с виду все женщины такими порядочными кажутся.

– Это лишь с виду. Поверь, похотливый взгляд я замечаю сразу, как и любой мужчина, – улыбаясь, рассказывал я девушке, осторожно спускаясь с ней на пол.

Удобно сев на мягком ковре, Дея стала быстро поправлять свои волосы и, перекинув их на один бок, спросила:

– И что? Кто оказались эти дамочки?

– Дело не в них, а в том, что я не воспользовался этой возможностью. Я приберёг весь свой голод для другой.

– Что? – засмеялась Дея. – Я думала, ты всё как-то красивее опишешь.

– Я честный, говорю всё как есть.

Схватив девушку за шею и потянув к себе, я поцеловал

её в нежные губы. Несмотря на небольшую припухлость от былых побоев, все её отеки и порезы словно исчезли для меня. Я видел лишь худенькую и нуждающуюся в моей защите красавицу. Страстно целуясь с девушкой, я закусил её нижнюю губу и улыбнулся ей. Отпустив Дею, я сказал:

– И даю тебе слово, после того, что ты мне сегодня сказала, я за твою жизнь отвечаю своей жизнью. Я тебя не брошу и не кому не дам обидеть.

Сказав это, я снял с себя майку и, бросив её на пол, потянул за рубашку Дею к себе. Нежно целуясь с девушкой, я быстро растягивал её одежду, а сам сгорал внутри от желания скорее прикоснуться к её телу. Годы службы действительно дали своё, сделав меня абсолютно одичалым в вопросах любви и нежности. Оторвавшись от поцелуя, у меня не хватило терпения расстёгивать эти долбанные пуговицы и, схватив низ её рубашки, я просто разорвал ее. Быстро сняв одежду и выбросив в сторону, я с таким же успехом стянул с Деи и её юбку. Девушка лежала в одном белье и всё равно держалась скованно. Чувствовалось, что она боялась меня.

– Расслабься, – шептал я ей, нежно целуя её шею. – Я же дал тебе слово.

– Я верю тебе, Амид.

Улыбнувшись девушке, я крепко прижал её к себе и больше не разговаривал с ней. Оставшееся время мы провели в бурной страсти, которой, как оказалось, не хватало не только мне, но и Дее. Спустя время и лежа в обнимку на полу, я водил пальцами по изгибам шеи и плеч девушки, просто не находя сил для разговоров от полученного удовольствия. Дея поцеловала меня в грудь и спросила:

– Ты не голоден?

– Ещё как, – с улыбкой отвечал я. – Быка бы съел.

– Я что-нибудь придумаю сейчас.

Встав с места, Дея быстро собрала все свои раскиданные вещи и оделась. Застёгивая свою рубашку, она посмотрела на меня и сказала:

– Снизу пуговиц нет, всё разорвал мне, что я дома скажу?

– Пусть это будет твоя самая большая проблема в жизни.

– Аминь, – улыбнулась мне девушка и побежала к холодильнику.

Я лениво встал с места и, надев майку, подошёл к окну. Рассматривая двор, я развернулся и посмотрел на Дею, которая уже вынула какие-то салаты и нарезанную колбасу. Уплетая всё за обе щеки, девушка улыбнулась мне и сказала:

– Давай, не стой там, кушай.

– Дея, тебе надо будет вернуться к мужу.

– Как? – разжевав еду, спросила девушка.

– Вот так. Дядя сейчас охоту на меня начал и пытается угрожать моим близким. Я не могу утверждать, но есть подозрение, что побои Мервана – это дело рук нашего дяди.

– О, Аллах... Как? Он же кади, а кади не может причинить вред человеку...

– Дея, хватит быть наивной. Кади-не кади, какая разница? В первую очередь он человек, а значит мыслит так же, как и любой из нас. А я военный, и что?

– И то. Ты ведь способен убить, верно? Ты ведь привыкший к этому и тебе не страшно снести кому-то башку, ведь так?

– Да, в этом есть доля правды. Но это не значит, что я совсем отбившийся от рук и не отдаю отчёт своим поступкам. Короче, мне нужно, чтобы ты вернулась к мужу и вела себя как обычно. Никто про нас знать не должен, ты меня поняла?

– Зная всю эту ситуацию, ты рискнул привести меня сюда и переспать со мной?

Я внимательно взглянул на обиженную Дею и ничего не ответил ей. Взяв со стала ломтик мяса, я съел его.

– Хорошо, я всё сделаю, как скажешь. Но что потом? – продолжила девушка.

– Потерпи, пока я разберусь с дядей. Если я точно найду доказательства, что это он сделал, то я убью его.

– Что? – испуганно спросила Дея. – Нет, ты не должен делать такие вещи.

– А бить ребёнка да полусмерти можно?

– Амид, не становись таким, как он. Не становись таким, как мой муж. Ты...

– Нет, Дея, – улыбнулся я, прервав девушку. – Я не стану,

как они, я уже такой. И каждый, кто тронет хоть пальцем тех, кого я люблю, будет убит. Меня учили этому с детства, и я считаю, что это самое верное воспитание в наши дни.

– Это не воспитание, Амид, это его отсутствие... Это жестокость и явная нехватка материнской ласки и добра.

В дверь резко постучали. Дея моментально спряталась за меня.

– Амид? Ты там? – спросил кто-то за дверью.

Я быстро подошёл к окну и, осторожно выглянув во двор, увидел Хасана.

– Хасан? – удивлённо спросил я.

– Амид? Ты чего не открываешь?

– А как ты узнал, что я тут?

– Мне твой брат сказал, Халим. Я узнал, что Абдул в больнице, поехал навестить вас, а Халим рассказал, что ты тут ночуешь сегодня, вот я и захватил карты.

– Хорошо, сейчас открою.

Подойдя к Дее, которая быстро надела балетки, я схватил её за руку и поспешил с ней в спальню Синем. Открыв там окно, я крепко поцеловал девушку в губы и сказал:

– Постарайся осторожно перелезть и никому ни слова.

– Хорошо, будь осторожнее. Я люблю тебя.

Сказав это, Дея ещё раз меня страстно поцеловала и, больно укусив за губу, быстро перелезла через окно. Зажав пальцем губу, я подошёл к двери и, расплываясь в улыбке, раскрыв её.

– Чего так долго?

– Прости, я без штанов был, одевался.

– Ого, шалишь? – улыбался Хасан, взглянув на косынку, лежащую на полу.

– Нет, купаться собирался, а ты с чего вдруг навестить меня решил?

– Твой брат сказал, что ты один ночуешь и переживает за тебя. Я и решил хоть чем-то помочь. Чтобы не было скучно,

я взял карты.

– Встань лицом к стене.

– Прости?

– Лицом к стене встань.

– Это игра какая-то?

Резко схватив Хасана за шею, я припечатал его к стене. Подняв его руки вверх, я тут же начал ощупывать его рубашку и штаны.

– Да ты что, больной что ли?

– Я должен убедиться, что тебя не убить меня направили.

– Ты рехнулся? – развернувшись и толкнув меня в плечо, спросил Хасан. – Совсем ума лишился. Я же друг.

– Друзья так неожиданно не приходят в чужой дом, чтобы поиграть в карты, тем более зная нашу ситуацию.

– Вообще-то я думал, что мы с тобой в доверительных отношениях. Я же не лезу с вопросами, почему ты тут с Деей

был.

– Что? – удивился я. – Но, как?

– Во-первых, она забыла свою косынку. А во-вторых, я вас ещё через окно увидел. В следующий раз закрывайте шторы.

– Ты же никому не скажешь?

– Амид, я был лучшим другом реального Амида. Будь я таким чертом, думаешь, он бы дружил со мной? Ладно, это пусть время покажет. Лучше расскажи, какие есть зацепки и кто может быть виновен?

Я и Хасан сели за стол. Друг тут же сделал себе бутерброд из колбасы и овощей и внимательно уставился на меня, ожидая, что я ему расскажу.

– Не знаю, – сказал я, также потянув к себе тарелку с салатом. – Я подозреваю дядю. Он единственный, кто невзлюбил меня.

– Нет, он не единственный. Тебя весь город не любит. Но то, что он человек мутный, я соглашусь.

– А ты как думаешь? Мутамид способен на это?

– Он же главный судья-чиновник, а значит – он на всё способен.

– Я тоже так думаю, но как мне доказать, что это он?

– Никак, – улыбнулся мне Хасан и резко засмеялся.

– Ты почему вечно как дебил смеёшься? У тебя проблемы?

– Нет, просто смешно стало. Я закурю?

– Да делай, что хочешь, – недовольно ответил я и закинул в рот маленький помидор.

– А что насчёт Деи? У вас серьезно или ты так? – прикурив папиросу и убрав зажигалку в карман, поинтересовался Хасан.

– Я лишь опрашивал её, чтобы узнать, что она может о дяде сказать мне.

Хасан выпустил сигаретный дым и, внимательно посмотрев на меня, спросил:

– Ты сейчас серьёзно?

– Я не собираюсь с тобой обсуждать то, что тебя не касается. Между мной и Деей ничего нет.

– А если я скажу, что её муж постоянно отшивается в местном притоне?

– Тут есть притон? В этом ауле есть притон? – удивился я, не веря своим ушам.

– Да, там неплохих шкур можно снять. Они приезжие, кто откуда. Фархад давно со своей женой не спит, постоянно время и деньги на шлюх тратит.

– Дея знает об этом?

– Конечно знает, ты забыл? Тут все про всех всё знают.

– Вот он урод, – взяв стакан с соком, сказал я.

– Так что если у тебя получится оформить развод, точнее у неё, то доброе дело сделаешь, забрав её из рук этого мудака.

– Мне сейчас не до этого, я должен семью защитить и

найти компроматы на дядю. Как только я докажу его виновность, он ответит по всей строгости закона.

– Правильно, я тебе помогу если что, а теперь давай сыграем.

Хасан схватил карты и начал раскидывать их. Время пролетело быстро, как собственно и сама ночь. Я заснул в комнате у Синем, а Хасан в зале на диване. С приходом следующего дня я лениво раскрыл глаза. Вспомнив, что я не у себя дома, я моментально подскочил с места и забежал в ванную. Умыв лицо холодной водой, я вытерся и вошёл в зал. Хасан почему-то спал на полу. Взяв со стола стакан и наполнив его холодной водой, я подошёл к другу и вылил воду ему на лицо.

– Подъём! В земле выспишься, а сейчас действуй, время не бесконечное.

– О, Аллах, ты больной что ли? – испуганно закричал Хасан вытирая руками лицо. – Хотя, зачем я спрашиваю. Пора привыкнуть, что ты придурковатый.

– Ты как на полу оказался?

– Не знаю, наверное, упал.

Я поднял с пола косынку Деи и осторожно запихал её к себе в карман. Быстренько перекусив с Хасаном, мы поспешили покинуть дом Синем и вернуться в свой двор. Закрыв дверь на ключ, я развернулся к другу и сказал:

– Ты в больницу поедешь сегодня?

– Да, я навещу Абдула. Халим сказал, что он сегодня тоже там будет.

– Передай там всем, что со мной всё в порядке и я дома с мамой.

– Хорошо, передам.

– А ну, стой, – резко скал я, схватив Хасана за подбородок и посмотрев ему в глаза.

– Да что опять?

– Какого чёрта? Почему твои зрачки размером с монету?

– Чего? Да нет, просто свет так падает.

Я резко заехал рукой по затылку Хасана и выкрикнул:

– Так ты под кайфом, урод? А я-то думаю, что ты вечно ведёшь себя как придурок. Где ты берёшь эту дрянь?

– Да это так, шалость, она безвредна.

– Где ты её берёшь? – злобно выкрикнул я и сжала руку в кулак.

– Гуафар продаёт.

– Гуафар? Это хозяин квартиры?

– Да. С ним можно договориться.

– Обалдеть, – в недоумении сказал я. – Ну и дела у вас тут творятся. Но это даже хорошо, – улыбнулся я. – Теперь у меня много чего есть против дяди. Пошли.

– Амид, ты же не сдашь меня? – перепугано спросил Хасан.

– Секрет за секрет, – сказал я Хасану, протянув ему руку. – Ты молчишь про Дею, я молчу про твоё дерьмо.

– По рукам, – радостно ответил мне друг и мы пожали

руки.

Наконец, дойдя до нашего двора, Хасан попрощался и побежал к себе, а я зашёл домой. Войдя на кухню, мама и Лания, встав с места и подойдя ко мне, тут же обняли.

– Амид, где ты был? Мы так переживали, – говорила Майра, крепко обняв меня за плечи.

– Я у Синем ночевал, но всё обошлось без происшествий. Как Абдул?

– Ему лучше, – радостно говорила сестра. – Хочет домой прийти.

– Амид? – зайдя на кухню спросил Халим. – Как я рад тебя видеть, ну как ты?

– Ты какого чёрта этому придурку сказал, где я?

– Я испугался, узнав, что ты решил один там ночевать. Я хотел, чтобы кто-то был рядом, поэтому и попросил Хасана пойти к тебе.

– Нашёл кого просить, лучше бы я один был.

– Да ладно, он нормальный парень. Немного странный, конечно, но пойдёт.

– Я просил Синем никому не говорить, где я.

– Я – твой брат и её будущий муж, она обязана мне о таком докладывать. Ты поговорил с дядей? Договорился о перемирии?

Я растерянно посмотрел на друга, не зная, что ему ответить. Мама вмешалась в наш разговор и сказала:

– Садись сынок, поешь. А ты, Лания, иди комнату, у братьев прибери. Халим, а ты искупайся после больницы.

– Хорошо, мама, – ответил друг и побежал в ванную.

Сестра пошла убираться, а я сел за стол. Увидев недопитый мамин кофе, я спросил её:

– Можно допить?

– Пей-пей, – ответила мама, подвинув ко мне вазу с красиво нарезанными фруктами. – Я так понимаю, с Мутамидом ты ещё не поговорил. Но займись этим сегодня, иначе в следующий раз он покалечит кого-то из нас. Кстати, вчера

Дея заходила.

– Да? – сделав удивлённое лицо, спросил я. – И что она хотела?

– Я её лет десять такой счастливой не видела. Она так сияла, принесла эти фрукты и два часа меня расхваливала, какая я молодец и какие у меня сыновья хорошие.

– Десять лет? – переспросил я. – Это сколько лет ты её знаешь?

– Как она замуж вышла, так и знаю. Ты думал, она школьница что ли? Ей скоро сорок.

Услышав эту цифру, я чуть не подавился абрикосом. Еле откашлявшись, я пришёл в себя и сделав глубокий вдох, выкрикнул:

– Сколько!? Сорок!? Это что шутка?

– Ради Аллаха, Амид, ты таким поведением меня до инфаркта доведёшь.

– Как сорок?!

– Да что ты заладил? Ну сорок и сорок, и не сорок ей, а тридцать шесть. Не пятьдесят же, – старалась утешить меня мама.

– Какой ужас! Почему мне никто этого не говорил?

– Сынок, ты с ума сошёл? Что не так, я не пойму? А мне что тогда, в мои пятьдесят три? Вешаться?

– Нет. Но и вы, мама, не крутите роман с молодыми парнями, верно?

Услышав это, Майра замерла. Поняв, что я уже ляпнул лишнее, я тут же замолчал и сделал вид, что пью кофе.

– Так вот оно что? Это она из-за тебя такой счастливой была? Сынок, что ты сделал? Что ты ей сказал?

– Ничего, – пряча взгляд от матери, отвечал я.

– Амид, если ты кому и можешь что-то доверить во всем этом мире, то только мне. Я единственная, кто ваши тайны в могилу заберет. Скажи мне правду, сколько я могу просить тебя не обманывать меня?

– Ну, ничего такого, просто поговорили. Оф, мама, поче-

му сорок? Она так молодо выглядит, я и допустить такого не мог.

– Да успокойся ты, ей ещё нет сорока, это раз. А во-вторых, почему тебя это так возмутило? Сынок, говори мне правду.

– Мы вчера у Синем дома сидели, ну, пообщались, – ответил я и улыбнулся маме.

В эту минуту мама со всей силы заехала мне рукой по шее. Встав с места, женщина начала ходить из стороны в сторону и, схватив меня за ухо, сказала:

– Ты хоть понимаешь, что наделал?

– Ай! Больно! Я думал, Вы поддержите меня!

– Поддержу? Амид, она замужняя женщина! Ты хоть знаешь, что вам двоим грозит за это?

– Я всё знаю, но мы придумаем что-нибудь.

– Амид! – ударив рукой по столу, грозно сказала мама. – Сначала что-то придумывают, а потом в постель лезут. Это ещё хорошо, что она бесплодная. О, Аллах, она же и бес-

плодная ещё, зачем тебе такой Божий дар?

– Ладно бесплодная, но сорок лет?

– Откуда же ты такой на мою голову, – устало сказала женщина и села на стул. – Не знаю, сынок, каким местом ты думаешь, но это большая беда. Не считая того, что её муж Фархад в хороших отношениях с Мутамидом. Ты себе смертный приговор подписал. Мы просили тебя с дядей поговорить, а ты усугубил ситуацию хуже некуда.

– У меня тоже есть компроматы на Фархада, ничего страшного. Дея будет молчать, пока я со всем не разберусь.

– Я удивляюсь, откуда в тебе столько уверенности?

– Это профессиональное, иначе давно бы умер. Всегда надо уметь отвечать за свои действия и быть уверенным в своей силе.

– Ты её любишь? – улыбнувшись мне, спросила мама.

– Не знаю, но рядом с ней я другой.

– Как можно не знать, любишь или нет?

– Честно, я не знаю, как выглядят эти чувства. Но мне с ней хорошо и вчера я был на вершине счастья.

– И не стыдно это с матерью обсуждать?

– Простите, – растерялся я.

– Любишь ты её или нет, ты поймёшь, когда придёт время. Любовь проявляется в поступках, а сейчас надо решать, как нам....

Мама не успела договорить, как дверь с грохотом раскрылась и кто-то помчался в зал. Мы с Майрой тут же подскочили и вышли из кухни. Увидев муфтия Мутамида, я сделал радостное выражение лица и, медленно подойдя к нему, спросил:

– Добрый день, дядя. Какими это судьбами? Неужели у Вас что-то случилось?

– Что ты, паршивец, делал в моём доме?

– А Вы думали, что только Вы можете ходить по чужим домам и запугивать моих близких?

– Я так понимаю, по-хорошему ты не понял?

– Изуродовать ребёнка – это было по-хорошему? Боюсь спросить, что тогда по-плохому?

Муфтий резко посмотрел на Майру. Успокоив свой пыл и встав ровно, Мутамид улыбнулся мне и сказал:

– Игра окончена, Амид. Удачи.

– Что это значит?

– Скоро увидишь. Да, и кстати, тебя там твой христианский друг искал, кажется, брату плохо было.

Сказав это, кади обошёл меня и поспешил уйти. Я тут же выбежал во двор. Посмотрев на дядю, который стоял на крыльце и говорил с Фархадом, я побежал к госпиталю. Забежав в больницу и чуть ли не падая в скользком коридоре, я ворвался в палату к Абдулу. Брат сидел на койке вместе с муллой Алимом и что-то радостно обсуждал. Подбежав к другу и схватив его за плечи, я тут же выкрикнул:

– Ты как?!

– Ты чего так кричишь? Всё хорошо, а что?

– Мутамид не приходил? Он сказал, тебе плохо было.

– Да нет, наоборот, я на поправку пошёл. Я рассказал о всех своих грехах Алимуну, и мы молились. Надеюсь, Аллах простит меня.

С полным непониманием смотря на друга, который был лысый и сидел в белой тюбетейке, я встал ровно и постарался отдышаться. В палату вошёл Вислав.

– Амид? Хорошо, что ты пришёл. Я как раз нашёл госпиталь в соседнем городе, можем перевести туда Абдула и...

– Ты говорил с кади? – перебил я дока.

– Что? Нет, я его не видел даже, когда мне с ним говорить? А что?

– Он сказал, что ты искал меня.

Вислав задумался. В комнате нависла тишина, которую резко оборвал Абдул и спросил:

– Где Халим и мама?

– Дома они.

– А где ты виделся с дядей?

– Тоже дома, только что.

– Какого чёрта ты оставил их там? – выкрикнул Абдул.

Я тут же сообразил о хитром ходе муфтия и, побледнев, выбежал из палаты. Снова пробегая дорогу и рынок, расталкивая людей и несясь сломя голову по двору, я ворвался в дом и увидел лежащего на полу Халима, возле которого сидела рядом мама и сжимала какую-то повязку на его ноге.

– Что случилось? – спросил я, смотря на заплаканный вид матери и присев рядом.

– Убирайся, Амид, – сказал Халим, со злостью во взгляде посмотрев на меня. – Из-за твоих принципов мы тут все подохнем. Ты ведь хотел уехать и забрать деньги? Так езжай, время пришло.

– Что случилось? – расстроено спрашивал я, посмотрев на маму.

В комнату вошла сестра. Лания явно была напугана и тоже заплаканная. Присев возле ноги Халима, она начала выти-

рать пол. Заметив кругом пятна крови и замотанную повязку на икре моего брата, я развернулся к маме и выкрикнул:

– Да что случилось?! Вы можете нормально объяснить?!

– Не ори!!! – закричала Майра и, закрыв руками уши, рыдалась.

Я тут же обнял мать и посмотрел на Халима. Друг сел ровно и, с отвращением смотря на меня, сказал:

– Ты втянул нас в это всё. Ты видел, в каком состоянии Мерван и Синем. Ты видишь, что твой брат полуживой лежит в госпитале. И вместо того, чтобы хоть как-то залечь на дно, что делаешь ты? Трахаешь жену соседа? В доме моей невесты, которая оплакивает своего покалеченного брата? Ты так утешал себя? Это ты так пошёл о перемирии договариваться?

Я растерянно взглянул на сестру. Лания, не переставая рыдать, вытирала пол от брызг крови. Мама так же уткнулась носом мне в грудь и плакала, дрожа всем телом.

– Я не развлекался, я думал...

– Хватит! – выкрикнул Халим, сжав губы от боли. – Хва-

тит думать, Амид. Дядя был прав – время вышло. Пока он нас всех не перебил, покинь этот долбаный город, возьми свою долю и живи, как мечтал всю жизнь.

– А вы?

– А что мы? Ты сделал для нашего благополучия все, что мог. Мне деньги не нужны, я хочу жить тут. Абдулу вышли его долю на лечение, Вислав поможет перевезти его и оплатить всё. А ты свободен, делай что хочешь, но только оставь нас в покое.

– Хотя бы скажи, кто это сделал?

– Зачем? Опять хочешь пойти разбираться? Это Фархад сделал, он вошёл и прострелил мне ногу. Я мог его ударить, Амид, но услышав, что ты спал с его женой, я молча принял удар. Хорошо, что только ногу он мне пробил. Будь ты на его месте, ты бы пристрелил меня, верно? Даже не думай идти и что-то говорить ему. Если ты хочешь сделать как можно лучше для нас, то просто уезжай.

Выслушав всё это, я отодвинул маму и, встав с места, вошёл в спальню. Сняв с себя вещи, я открыл шкаф и вытащил свою военную форму. К нам домой забежал Вислав. Увидев, в таком состоянии Халима, он тут же присел рядом и спро-

сил:

– Господи, что у вас случилось? Это выстрел или ножевое? – расспрашивал Халима доктор.

– Всё нормально, док, – ответил Халим. – Мы её обработали и перевязали.

– В любом случае немедленно идём к моей машине, я вас отвезу в госпиталь. Ты разглядел того, кто это сделал?

– Это огнестрельное, пуля прошла навывлет. Страшного ничего нет, я в этом разбираюсь.

– Ткани разорваны, а значит это уже страшно. Стрелявшего разглядел?

– Я помогу его довести до машины, – сказал я, подойдя к доктору.

Развернувшись ко мне и увидев меня в военной форме и с автоматом за спиной, Вислав немного растерялся.

– А ты почему так одет?

– Я покидаю этот город, мне надо ехать. Если не сложно,

подкинешь меня до автовокзала?

– Да, без проблем, – растерянно ответил мне док.

Усадив Халима, маму и сестру на заднее сидение, я и Вислав сели спереди и поехали в госпиталь. Пока Халима помещали в соседней палате, я вошёл к Абдулу. Увидев меня, мулла Алим встал ровно и отошёл к стене, а друг с интересом посмотрел на меня и спросил:

– Ты чего это разоделся? Что случилось?

– Я уезжаю. Кажется, это первая битва, в которой я проигрываю и ухожу, поджав хвост.

– Аллах, что случилось?

– Я подставил всех, Абдул. Как ты и говорил, я сам виноват во всём. Халим попросил меня покинуть дом, а мама не перечила ему. Она согласна, как и сестра.

– Да брось. Да, ты натворил делов, но как ты можешь сдаваться? Иди и пристрели этого кади, проблема что ли?

– Эй-эй, – резко вмешался мулла. – Что значит пристрели? Речь вообще-то о живом человек, да и не забывайте, что

он закон всему тут.

– Вот именно, Алим. Очень жаль, что у вас закон не Аллах, а какой-то кади. Вы ещё принимаете раскаяния? Я тоже хочу свою душу излить.

– Конечно, говори. Всегда говорите вслух то, что вам терзает душу. Искреннее раскаяние в содеянном поможет вам встать на путь истинный и изменить...

– Всё, заткнись, – прервал я нотацию юного муллы. – Абдул, я был рад знакомству с тобой и прости меня, если я не оказался таким хорошим другом, как ты. Я от всего сердца желаю тебе скорейшего выздоровления и скорой свадьбы с Ланией.

– Да перестань, Амид, – улыбнулся мне друг, потянув меня за руку. – Ты грубый, моментами говнюк ещё тот, но это не значит, что мы тебя ненавидим. Халим, как и я, очень любит тебя. Я, конечно, не так сильно, как он, но всё равно. Мы все братья и...

– Я переспал с Дей.

– Что? – не поняв меня, переспросил друг.

– Я переспал с женой Фархада, так понятнее?

– Аллах! – выкрикнул мулла и шлепнулся на стул, сев ровно и схватившись за сердце.

– Не знаю, как об этом узнал её муж, но он вошёл к нам домой и прострелил Халиму ногу.

– Амид, ты почти был у цели, какого чёрта тебя на эту костлявую понесло? Ты же её не любил!

– Я и не сказал, что люблю её.

– Что!?! Ты ради долбанного секса так подставил нас?

– Аллах-Аллах, – снова простонал мулла, подойдя к окну и раскрыв его.

– Я виноват, я знаю. Поэтому я прямо сейчас пойду к дяде и договорюсь с ним. Я извинюсь за всё и дам слово, что уеду взамен на вашу свободу и покой.

– Думаешь, он согласится? – спросил меня опечаленный друг.

– Другого варианта нет, или я пристрелю его прямо там.

– О, Аллах, – завопил Алим.

– Да ты заткнёшься или нет? – возмутился я, посмотрев на перепуганного муллу.

– Да как тут заткнуться?! Ты хоть слышишь себя? Неудивительно, что Аллах обрушил все эти беды на ваши головы. Вы не люди, вы – пропавшие душой изверги! А ты, Амид, должен ответить за это по всей строгости закона.

– Халим прав, – сказал брат. – Тебе лучше уехать, иначе по закону тебя публично уничтожат. А ты не заслужил, чтобы люди видели тебя таким. Ты дал многим надежду на справедливость, и если тебя забьют, то считай, что Мутаид победил. Договорись с ним и постарайся уехать.

Выслушав друга, я подошёл вплотную к койке и крепко обнял его.

– Ты мне реально стал родным. Давай, не болей, и как вернёшься на работу, свяжись с Хабибом и возьми у него мой номер телефона, чтобы я мог хоть как-то связаться с вами.

– Не вопрос, брат.

Похлопав друга по спине, я пожал руку мулле и сказал ему:

– Надеюсь, ты станешь новым муфтием этого города и внесёшь в него хоть немного справедливости. Мира тебе.

– Тебе тоже, Амид. Надеюсь, и ты станешь на путь истинный.

Последний раз взглянув на Абдула, я вышел из палаты и вошёл в соседнюю. Халим лежал и держал маму за руку, а рядом стояла Лания и Вислав. Увидев меня, сестра тут же подбежала ко мне и, схватив за талию, крепко обняла.

– Доктора говорят, что Абдул пойдёт на поправку, – сильно сжимая меня, радостно говорила Лания.

– Ин Ша Аллах, так и будет. Я только что попрощался с ним и хочу попрощаться с вами.

– Что значит попрощаться? – возмутилась мама. – Амид, мы не собираемся проигрывать Мутамиду. Ты останешься и продолжишь отстаивать свою позицию.

– Ценой ваших жизней? – спросил я, подойдя к Халиму. – Брат мой, я приношу свои извинения, мне правда стыдно пе-

ред тобой. Эта пуля на моей совести.

– А будь у тебя совесть, этой пули бы не было, да, Амид?

– Я виноват и не отрицаю этого. Я не тем местом думал. Раньше мне терять было нечего, поэтому я спокойно и смело решал все свои проблемы. Сейчас я понял, что за каждые свои действия мне приходится отвечать людьми, которых я люблю. Я это начал – я и закончу. Ты поправляйся и береги маму с сестрой.

– Обязательно, – ответил Халим, схватив меня за руку и потянув к себе. – Обещай, что никого убивать не будешь, договоришься с дядей и спокойно уедешь.

– Обещаю, мой младший брат.

Я крепко обнял друга и, погладив его по спине, посмотрел на маму. Майра внимательно посмотрела на меня и сказала:

– Иди к муфтию, поговори с ним. А потом зайдёшь домой – я буду там – и попрощаешься со мной.

– Хорошо, как скажите, мама.

Кивнув Виславу, я вышел из палаты и быстрым шагом по-

спешил к дому дяди. Всю дорогу я только и делал, что сожалел обо всём, что натворил. Какого чёрта я защищал этих людей? Кто мне за это спасибо сказал? Зачем я вообще хотел спорить с большинством, один в поле не воин, и это факт. Осторожно перейдя дорогу и спустившись по склону, я подошёл к тому самому кирпичному дому и увидев, что дверь была открыта, я вошёл. Шагая по светлому паркету в сторону комнаты, откуда доносились мужские голоса и смех, я легонько толкнул рукой коричневую дверь и увидел Мутамида с соседом Фархадом. Они стояли возле письменного стола и что-то весело обсуждали. Увидев меня, Фархад изменился в лице, а муфтий медленно опустил стакан с чаем и, поставив его на письменный стол, спросил меня:

– Неужели ты пришёл убить нас?

– Нет, можете не переживать, дядя. Я пришёл, чтобы договориться с Вами.

– Надо же, – улыбнулся муфтий. – Мы не раз договаривались с тобой, Амид, но в итоге ты предпочёл плевать на мои просьбы. Почему я должен верить тебе сейчас?

Фархад осторожно сел на кожаное кресло и, закинув ногу на ногу, внимательно смотрел на меня.

– Потому что я уезжаю навсегда, как Вы и хотели.

Муфтий и сосед переглянулись. Дядя встал ровно и, приняв гордую осанку, спросил меня:

– Чего ты хочешь?

– Я хочу, чтобы Абдул и Халим жили с Майрой и Ланией в полной безопасности. Они не шли против Вас и не вставали против Ваших законов – это всё я делал. Вся Ваша проблема во мне. Я уйду, и покину Ваш город навсегда. Также, – с отвращением взглянув на мерзкого соседа, продолжил я, – я хочу, чтобы случай с Деей остался в тайне.

– Даже не надейся. Эта сука сегодня же предстанет перед судом и получит заслуженную смерть, – мерзким голосом вмешался Фархад.

– Тогда я заявлю в полицию о притоне, который ты посещаешь, а также о Гуафаре, который распространяет наркоту среди местных подростков.

Услышав это, муфтий и Фархад растерянно переглянулись. Дядя погладил свою бороду и, подойдя ко мне ближе, сказал:

– Об измене Деи никто не узнает.

– Но, Господин, – встав с места, выкрикнул Фархад.

– Я сказал! – вытянув перед соседом руку, словно велел ему заткнуться, говорил дядя. – С Дей вопрос закрыт. Майру и твоих братьев также никто больше не тронет, если они не пойдут по твоим стопам.

– Не пойдут, можете быть в этом уверенны. А Дея уедет со мной.

– Нет! – закричал Фархад. – Мутамид! Не позволяй ему так плевать на меня!

– Нет, если она сбежит, я буду вынужден поднять местную полицию на её поиски. Ты её подставишь этим и она не минует казни.

– Дайте мне время на побег.

– Дея остается с мужем, и я обещаю, что она будет в безопасности и вопрос об измене будет закрыт. Если ты против, то сделки не будет. Тебе не о Дее надо думать, а о своих братьях, Амид.

Я покачал головой, прикусив нижнюю губу. Я себя ещё никогда таким беспомощным не чувствовал.

– Значит, я со всем согласен, но при одном условии, – продолжал резать без ножа Мутаид.

– Каком? – поинтересовался я и увидел, как за спиной дяди, от сквозняка, приоткрылась дверь в другую комнату.

– Всё это будет действительно так только пока ты отсутствуешь. Как только ты решишь вернуться сюда, ты будешь публично казнён плетьюми насмерть, вместе с Деей. Договорились?

– Я же сказал, что уезжаю навсегда.

– Договорились? – повторил дядя, протянув ко мне свою руку.

Я тяжело вздохнул, понимая, что теперь у меня обратной дороги нет. Но жизнь друзей была для меня дороже моих принципов. Схватив руку дяди, я крепко сжал ее и сказал:

– Хорошо, договорились.

– Даю тебе время до вечера. С заходом солнца тебя не

должно быть здесь, Амид.

– Да, я как раз уже собираюсь выезжать.

Я смотрел на довольный вид дяди, который словно долгожданный кубок победы получил. Впервые мне пришлось смириться с врагом и позволить ему смотреть на меня свысока. Но в жизни надо уметь проигрывать, хотя бы ради тех, кого любишь. Фархад был явно недоволен решением муфтия, но его мнение мало волновало дядю. Заметив, что за спиной Мутамида, там, где приоткрылась дверь, кто-то встал, я пригляделся и увидел того самого человека в мешке. Незнакомец подслушивал наш разговор и, поняв, что я его увидел, быстро спрятался. Я тут же обошёл дядю и ворвался в эту комнату.

– Эй! – выкрикнул муфтий. – Ты это куда?!

Я огляделся. В квадратной комнате, кроме огромных шкафов от пола до потолка, заставленных книгами, и приоткрытого окна больше ничего не было. Подойдя к окну и выглянув из него, я увидел красивый сад, украшенный разноцветными цветами.

– Ты что себе позволяешь? – возмутился дядя. – Мало того, что без приглашения пришёл, не разулся, так ещё и в

комнаты врывается. Мы договорились, забыл?

– Что это за комната? – отойдя от окна и рассматривая книжные полки, спросил я Мутамида.

– Это библиотека моего кабинета. Я люблю читать книги.

Заметив на полке рамку с фотографией, я взял её в руки и посмотрел на фото. Муфтий, в обнимку с каким-то женщиной, тремя парнями, казался очень радостным и счастливым.

– Это кто? – спросил я.

– Это мой брат, а это его сыновья. Кстати, вот и сам Амид, – указал дядя пальцем на парня, которой стоял рядом с Мутамидом и обнимал его. – Как видишь, Амид, мы все были счастливы и любили друг друга, пока не случилось это горе.

– Почему же Вы не помогаете Майре и Лании? – поинтересовался я, поставив фото на место и заметив на полке что-то блестящее.

– Кто это сказал? Майра? – улыбнулся дядя. – Я пытался ей помочь, но она посчитала, что сама со всем справится и прогнала меня. Ей полагается лечебница, но я жалею её и

позволяю жить с дочкой.

Взяв с полки декоративный ножик, который один в один был копией тех ножей, что подарила мне сестра, я повернулся к муфтию и спросил:

– А это у Вас откуда?

– Амид оставил. Он часто бывал у меня с братьями. Я хотел вернуть ему этот нож, но он уже уехал служить. Ладно, довольно вопросов, тебе пора покинуть мой город.

– Да, Вы правы, – ответил я дяде, сделав вид, что кладу нож на место, но сам тихонько сунул его в свой карман и быстро вышел из библиотеки.

Мутамид и Фархад проследили, чтобы я благополучно покинул их дом. Вдруг я резко замер в коридоре и, развернувшись к Фархаду, спросил:

– А как ты узнал про измену жены?

– За порцией хорошего кайфа тебе и не то расскажут, – улыбнулся мне сосед.

– Хасан..., – прошептал я сам себе. – Вот гнида.

Но, что было, то было. Я ничего больше не ответил и поспешил покинуть этот «Зеленый район».

Глава 11. Сожаление

Шагая по сухой земле и разглядывая двор, где люди оборачивались, рассматривая меня, я подошёл к собаке, которая лежала возле своей будки. Увидев меня, она тут же подскочила и, виляя хвостом, стала облизывать.

– Ох, как ты вырос, какой красивый стал, – радостно говорил я псу, стараясь убрать его морду, чтобы он не коснулся моего лица.

– Почему ты так одет? – спросил меня какой-то мужчина, стоя на крыльце своего дома и куря папиросу.

– Я уезжаю, мне пора.

– Как? Я думал, ты поможешь нам.

Отодвинув собаку и подойдя к мужчине, я облокотился на перила и спросил его:

– Помогу с чем? И ты кто вообще?

– Я твой сосед, Ахмад. Давно тут живу и за многими наблюдаю. Но с твоим приходом тут вправду стало лучше. Женщины выходить из домов не боятся, животные радостные бегают. Плохие люди боятся тебя, Амид, да и такого порядка нам давно не хватало. Мы думали, ты заслан к нам для помощи. Но оказывается и тебя подкупили. Очень жаль, – сказал мужчина и, потушив бычок о перила, зашёл домой.

Мне стало приятно, что не все люди меня ненавидели. Были и те, кто полюбили. Посмотрев на кран с источником, я увидел Хасана. Парень остановился, чтобы прикурить сигарету. С ненавистью взглянув на него, я уверенно пошёл к нему навстречу. Не успев поднять голову и потушить спичку, Хасан от испуга выронил папиросу, а я, схватив его за шею, со всей силы ударил об стену дома.

– Мы же руки с тобой пожали! – крикнул я, наблюдая как друг от сильного удара упал на землю.

– Я ничего не сделал, – отвечал Хасан, держась за стену и пытаюсь встать.

– Не сделал? Ты дал слово, что будешь молчать, что ты не крыса. А ты слил меня на следующий же день! – снова

крикнул я, ударив его со всей силой ногой в живот. – Зачем? Зачем ты так поступил!?

– Он шантажировал меня, у меня не было выбора, – схватившись за живот и пытаясь дышать, говорил Хасан. – Что я мог сделать?

– Лучше бы ты вытерпел боль и шантаж. Ты кусок дерьма, Хасан, запомни это.

Сказав это, я ещё раз заехал еле дышащему другу по животу и направился домой. На крыльце стояла Майра и видела, как я бил вдалеке Хасана. Слегка улыбнувшись, мама вошла в дом. Сев на кухне, она ждала меня. Зайдя домой, я подошел к маме и молча сел за стол.

– Ну, ты поговорил с Мутамидом?

– Да, мы пожали руки друг другу и договорились, что с этого дня вы живёте в мире, а о моём поступке с Деей никто не узнает. Фархад был там и дал своё согласие.

– Он никаких условий не ставил?

– Поставил. Если я вдруг посмею вернуться, то я и Дея будем высечены плетьюми насмерть.

– И что ты решил?

– Мама, – недовольно сказал я. – А что я могу решить? Я, конечно, парень бесстрашный, но идти и отдавать своё тело на растерзание этим собакам я не особо хочу. К тому же убьют и Дею, а этого я позволить не могу. Я ради вас всех готов умереть, вопрос не в этом. Уехав, я и так вам помогу. Лучше я буду жить и созваниваться с вами, узнавая, как вы все поживаете.

– А Хасана ты за что так?

– Заслужил.

– Зайди к Дее, попрощайся с ней. Она, бедняжка, ещё ничего не знает и не догадывается даже. А ты, наверное, ей горы любви и прекрасной семейной жизни обещал, да? Иди, не теряй времени.

Я покачал головой и расстроено встал с места. Выйдя из дома и пройдя по крыльцу, я заметил, что Хасан уже сидел на скамейке и о чём-то болтал с соседскими ребятами. Осторожно открыв дверь дома Фархада, я вошёл и огляделся. Пройдя немного вперёд, я и увидел Дею, которая стояла ко мне спиной и резала фрукты, красиво раскладывая их на

тарелке. Я тихонько подошёл к ней сзади и крепко обнял за талию. Девушка дёрнулась, а я тут же поцеловал её в шею и медленно вдыхал аромат её кожи.

– О, Аллах, Амид, напугал меня. Что ты тут делаешь?

– Я соскучился, – не отрываясь от поцелуев по её плечу, говорил я.

Девушка быстро отодвинула рукой тарелку с фруктами и, развернувшись ко мне, удивилась.

– Ты почему так одет? Что случилось?

– Ничего, дела были.

– Амид, я так рада. Я даже решила, как мы дальше...

Не дав Дее договорить, я крепко поцеловал её в губы и, слегка приподняв, усадил на стол. Без остановки целую её, я быстро убрал юбку с её колен и, раздвинув ей ноги, потянул к себе.

– Амид! – толкая меня в грудь, крикнула Дея. – Ты с ума сошёл? Не дай Аллах, Фархад вернётся.

– Не вернётся, – говорил я, быстро расстёгивая ремень на своих штанах.

– Да что за спешка? – улыбалась девушка, снова и снова целуя меня в губы. – Я узнала, как развестись с мужем, одна знакомая поможет мне.

Услышав это, я перестал целовать девушку. Взглянув на счастливую Дею, которая одной рукой держалась за мою шею, а другой распустила собранные в пучок волосы, я ничего ей не сказал и постарался быстрее заняться с ней любовью. Доведя Дею до полного счастья, я страстно целовал её в губы, а потом в шею.

– Амид, – улыбаясь, говорила мне девушка. – Что сегодня с тобой? Твоё бесстрашие уже не имеет границ.

– И не говори, – ответил я, отойдя от девушки и заправляя свои штаны. – Но я не бесстрашный, я пришёл попрощаться.

– В каком смысле? – удивлённо спросила Дея, всё ещё улыбаясь и спустившись со стола. – С кем прощаться?

– С тобой, – сказал я, застегнув ремень. – Я уезжаю.

– Куда? Подожди, а я?

– Ты остаёшься с мужем.

Дея стояла с разинутым ртом, не находя слов. Взяв со стола резинку, девушка быстро завязала свои волосы и, подойдя ко мне, спросила:

– Я не понимаю, что происходит?

– Мы с муфтием договорились: я уезжаю, а все остальные живут в безопасности. Халиму прострелили ногу, следующей может быть моя сестра или мать. Я не могу рисковать так.

– Так давай сбежим. Я уеду с тобой куда скажешь, – пытаюсь улыбаться, говорила Дея, схватившись за мою рубашку.

– Прости, но ты должна остаться тут. Так будет лучше для тебя.

Разжав цепкие руки Деи, я убрал их от себя и направился к двери.

– Ах ты тварь! Ты же сказал, что больше не оставишь меня! Что жизнь ради меня отдашь! Сволочь! Ты оказался ещё хуже, чем мой муж! За что?! – закричала девушка, стараясь

получить от меня хоть какой-то ответ.

С сожалением посмотрев на несчастную Дею, которая села на пол и зарыдала, я вышел из их дома и направился к себе. На крыльце стояли Вислав и мама. Увидев меня, Вислав кивнул мне и сказал:

– Я на машине, если ты готов, то можем ехать.

– Да, я готов, – с грустью ответил я доку и взглянул на маму.

Как же мне не хотелось покинуть эту семью, а особенно маму. Я поверил, что Бог позволил мне измениться, обрести семью. Но оказалось, что меня просто хорошо проучили. Мне дали всё, о чём я так долго мечтал – и разом все отняли. Подойдя к Майре, я крепко обнял её и сказал:

– Спасибо Вам за всё, Вы действительно подарили мне то, о чём я так мечтал.

– Береги себя, сынок, – ответила мама и крепко поцеловала меня в лоб.

Вислав сел в машину и завёл её, наблюдая, как я отпустил маму и спустился с крыльца. Усевшись возле доктора, я за-

крыл дверь автомобиля и улыбнулся маме. Женщина помахала мне. Её глаза были полны слез, но она мило улыбалась. Я помахал ей в ответ и крикнул:

– Я Вас не забуду, но буду безумно скучать.

– Это взаимно, Карим.

Услышав имя, которое она произнесла, я изменился в лице. Майра продолжала улыбаться мне и добавила:

– Твоя мать тобой может гордиться.

Доктор нажал на газ, и мы тронулись с места. Ничего не понимая, я развернулся к Виславу и спросил:

– Ты слышал это?

– Что именно?

– Она сказала, что моя мать мной бы гордилась и назвала моё настоящее имя.

– А она не знала?

– Нет конечно, она уверена, что я её настоящий сын и...

О, Боже...

– Что? – поинтересовался врач.

– Она не сумасшедшая, она всё это время прикидывалась... Ей просто их не хватало, и она рискнула приютить нас... Офигеть просто.

– Выходит, ты покидаешь нас. А я думал, что ты поможешь мне в поимке преступников.

– Я ухожу, я дал муфтию слово. Но радоваться ему точно не позволю. Тут есть притон, а также наркотой торгуют, и я хочу, чтобы ты всё это перекрыл. Присмотрись к таким уродам, как Фархад и Гуафар, они связаны с этим.

– Ещё есть что-то? На кади ничего не нарыл? – смотря то на дорогу, то на меня, спрашивал док.

– Этот урод чист как лист. А если и что-то и делает, то всё через своих помощников. Он всегда выйдет сухим из воды.

– Не переживай, я буду следить за ним. Если он и вправду глава всему, что тут происходит, то я его засажу. Даю слово.

Я улыбнулся доку и сказал:

– Ты извини, что я сначала тебя в штыки принял.

– Ничего, мы все ошибаемся. Как вышло так, что Мутамид согласился не убивать тебя, а разрешил уехать?

– Он почему-то уверен, что я вернусь. Но мы заключили пари: если я вернусь, то он публично заберёт меня насмерть плетью на глазах у всех вместе с женой соседа.

– А она причём?

– Было дело, – улыбнулся я Виславу.

– Ну, ты даешь, – заулыбался док, покачав головой. – Ни минуты зря в этом городе не провёл, молодец. И что, ты согласился?

– У меня не было выбора, я-то знаю, что уже не вернусь сюда.

Так мы и проехали всю дорогу, беседуя и узнавая друг друга лучше. Док довёз меня до автовокзала и провёл до автобуса, который развозил людей до самой границы. Ещё раз отблагодарив Вислава и крепко пожав ему руку, я попрощался с ним и поспешил сесть в автобус. Зайдя вовнутрь и за-

метив, что все места забиты людьми, я посмотрел на свободное место возле водителя. Усевшись там, я положил свой автомат на пол, сжав его между ног, и облокотился на окно в ожидании, когда мы тронемся с места.

Вот так и подходила к концу моя странная история в этом странном городке, где жили очень странные люди. Автобус наконец тронулся, двери закрылись, и мы поехали по грубой дороге, попадая то в ямы, то на камни. Водитель постоянно что-то напевал себе под нос, а я смотрел в окно и разглядывал то пустынные дороги, то бесконечные деревья, мелькающие вдоль трассы.

– Остановка! Даю десять минут! – закричал водитель.

От крика я проснулся и тут же схватился за оружие. Поняв, что всё на месте, а я всё так же сижу в автобусе, я посмотрел в окно. Люди выбегали – кто в туалет, кто покурить, кто просто размять ноги, шагая по газону. Под высоким деревом, который рос в поле, стоял тот самый незнакомец в мешке. Я протёр свои глаза и ещё раз взглянул на него. Мужчина провёл рукой по своей одежде и сунул её в отверстие, напоминающее карман. Я тут же схватился за свои карманы и почувствовал что-то твёрдое. Приподнявшись с места и просунув руку в карман, я вынул оттуда тот самый ножик, который нашёл у дяди дома. Люди стали забегать в автобус

и кричать, чтобы водитель ехал.

– Если все зашли, то уезжаем!

– Стойте! – выкрикнул я. – Там ещё человек стоит.

Водитель посмотрел на указанное мной место, но возле дерева никого не было. Пожав плечами, мужчина спросил:

– Кто стоит? Где?

– Нигде, – развалившись на сиденье сказал я. – Показалось.

– Тогда всё, поехали.

Мы снова тронулись с места. Всю дорогу я разглядывал красивые узоры на ноже. Постоянно раскрывал его и закрывал обратно, стараясь отвлечь себя от мыслей о маме и братьях. Незаметно для себя я снова заснул. Сколько мы ехали – я не знаю, но проспал я и день, и ночь. Только на утро я ощутил, что меня старательно дёргает за плечи водитель и пытается разбудить.

– Эй, парень, вставай, конечная.

Заметив, что мы действительно стояли на границе, я потянулся. Встав с места, я закинул автомат за спину, крепко затянув ремень. Вынув из кармана мятую пачку долларов, я отсчитал несколько купюр и, отдав водителю, спустился на улицу. Пройдя границу, я встал на дороге, высматривая машины. Ко мне подбежал пограничник и сказал:

– Ты кто?

– Человек, – улыбнулся я мужчине.

– Документы.

Я вынул из кармана на груди свой паспорт и протянул его мужчине. Внимательно рассматривая сотрудника, я так же вынул военное удостоверение и отдал ему.

– Всё в порядке, – сказал мне мужчина, вернув документы. – Можешь идти.

Я спрятал свой паспорт и удостоверение в карман, смотря, как пограничник побежал к своим, что-то выкрикивая. Заметив первую машину, которая прошла контроль и выезжала, я быстро встал и помахал водителю руками. Подбежав к машине, я открыл дверь и, сев спереди, спросил:

– Сюда не подбросишь? – протянул я мужчине бумажку с адресом дома Хабиба.

– Без проблем, – улыбнулся мне водитель и мы уехали.

Дорога была долгой, а мужчина оказался болтливым. Делая вид, что я его внимательно слушаю, я мечтал скорее доехать до нужного места. Наконец показались первые высокие дома, люди, одетые в современную одежду, кафе, парки и длинные автомобильные пробки. Спустя пару часов мы доехали до указанного мной места и, пожав друг другу руки, мы попрощались. Рассматривая высотное здание, я увидел сидящего во дворе на скамейке Хабиба. Друг курил сигарету и с кем-то болтал по мобильному. Улыбнувшись, я подошёл к нему и сел рядом.

– Боже мой! – закричал друг. – Давай, Махмуд, я тебе потом перезвоню. Господи, Карим, это ты?! – убирая телефон в карман, спрашивал Хабиб, крепко обнимая меня. – Какими судьбами? Вот это да, зарос... А борода где?

– Сбрил. Сам-то как?

– Ты без вещей? А где Инад и Лутфи?

– Они остались с мамой.

– С кем? – удивился друг. – Слушай, давай, пошли, поешь – ты же голодный.

Хабиб выбросил папиросу в урну и поспешил со мной в квартиру. Зайдя в лифт и нажав на восьмой этаж, друг с интересом рассматривал меня.

– Ты изменился, а что изменилось – не пойму. Мы сколько не виделись?

– В общем счёте примерно три с половиной месяца.

– А выглядишь так, будто лет шесть не встречались. Как вы вообще жили, где? – выйдя в коридор и открыв свою дверь, допрашивал меня друг.

– Мы остановились у одной женщины с ребенком, стали ей сыновьями.

– Да ну? Ничего себе. Сколько вы ей заплатили? – всё интересовался Хабиб, разувшись и бегом забежав на кухню.

У друга была чисто мужская квартира, просторный зал, с одним диваном и шикарными телевизором, совмещённый с красивой кухней. Быстро накрывая на стол, Хабиб включил

музыкальный канал и посмотрел на меня, дожидаясь ответа. Я скинул автомат на диван и, разглядывая его витражи от пола до потолка, я ответил ему:

– Нет, мы жили там бесплатно, прикинувшись её детьми. По иронии судьбы она потеряла трёх сыновей на войне.

– Да ладно? Вот это да, – не переставая удивляться, говорил друг.

– Шикарные окна, – сказал я, рассматривая прекрасный вид из окна, откуда было видно весь город.

– Да, я хорошие бабки дал за эту квартиру. Поживи у меня неделю. Потом сосед сверху продаст свою, я как раз поговорю с ним сегодня, чтобы тебе продал. А ты как так с автоматом разгуливал? На границе не придрались?

– Нет, меня спокойно пропустили.

Я подошёл к барной стойке и усевшись за ней, взял с тарелки куриную ножку и начал грызть.

– Ешь-ешь, я ещё пиццу заказал. Как раз сейчас футбол будет, посмотрим, поедим, выпьем.

– Деньги далеко отсюда?

– Я их в деревне закопал, пару часов езды отсюда, возьми с собой мешок, а то не перетацишь. А что с долей Инада и Лутфи?

– Абдул болен, за его лечение возьмётся местный док, но потом мне надо будет отправить ему денег за эту помощь.

– Абдул – это который?

– Который Инад.

– Слушай, – улыбнулся друг, раскрыв бутылку с коктейлем. – Я рад, что ты приехал. Для тебя работка хорошая есть, от такого ты точно не откажешься.

– Я могу искупаться и лечь спать? – доев курочку, спросил я.

– А футбол? – поинтересовался Хабиб.

– Честно, я очень вымотан. За три месяца, живя в том городе, я пережил больше, чем в годы службы на границах.

Хабиб улыбнулся, понимая меня. Помимо просторного

зала, у друга была небольшая ванная и две уютные комнаты. В одной из них находилась роскошная кровать (это была его спальня). Другая комната – гостиная, где стоял комод, кровать и телевизор на столике. Раздевшись в этой комнате, я бросил на кровать свою военную форму, а сам, замотав полотенце на бёдрах, вошёл в душ. Наконец нормальная ванна, хороший напор горячей воды, красивое зеркало, качественные шампуни и гели для тела. Искупавшись, как человек, я вышел в зал и увидел Хабиба с какой-то девушкой. У смуглой незнакомки, больше напоминающую мулатку, чем арабку, были очень большие груди и бёдра, а также доходящие до поясницы чёрные глянцевые волосы. После внешности женщин в том городе, где я прожил с друзьями, эта незнакомка мне казалась полной экзотикой.

– О, Захра, познакомься. Это – Карим, мой старый приятель. Он у меня поживёт недельку, – радостно сказал Хабиб, представив мне свою подружку.

– Рада знакомству, Карим.

– Да, я тоже, простите, – постеснявшись, сказал я и забежал в свою комнату.

Я не успел размотать полотенце, как в спальню вошёл Хабиб и, закрыв дверь, тихонько спросил:

– Ты сказал, что спать будешь. Мы с Захрой негромко, хорошо?

– Да мне всё равно, я сейчас отключусь насмерть. А она кто, твоя невеста?

– Какая ещё невеста? Нет, это девушка, с которой я пла-нирую ближайшие отношения. Хорошенькая, да?

– Ну, не знаю, друг. Жопу и поменьше найти можно было.

– Что ты понимаешь в этом? Давай, спокойной ночи, – радостно сказал Хабиб и побежал к своей любимой.

Я повесил полотенце на спинку стула и, надев белую футболку, которую положил мне друг, лёг в постель, стараясь быстрее заснуть. При всём моём желании поспать заснуть я почему-то не мог. Поворачиваясь с одного бока на другой, я постоянно вспоминал крики Деи. Я ощущал себя предателем, мне было безумно обидно за то, что я позволил себе так поступить с ней. За окном уже стемнело, а я всё ещё ворочился в постели, пытаюсь забыть всё и заснуть. Но образ плачущей девушки не покидал меня. Просунув голову под подушку, я крепко придавил её к уху и постарался заснуть. Ближе к утру мне всё же удалось найти покой и поспать. Но

спустя пару часов я услышал разговоры за дверью. Хабиб и Захра уже встали и что-то радостно обсуждали, попивая чай на кухне и слушая телевизор. Я неохотно потянулся и, встав с постели, надел серые спортивные. Выйдя к друзьям, я крикнул:

– Доброе утро.

– О, проснулся, – хрустя во рту печеньем, сказал Хабиб. – Поедешь с нами сегодня гулять?

– Я дома останусь, я не выспался.

– Тебе надо развеяться. Посмотри на себя, где тот хулиган Карим?

– Я реально очень устал и не выспался, – ответил я другу, взяв печенье с тарелки и мокнув его в чай Захры. – Ты не против? Спасибо.

– Ладно, я думаю, что мы с Захрой погуляем, а потом я придумаю для тебя сюрприз.

Девушка улыбнулась своему другу и тут же смачно поцеловала Хабиба в губы. Я скорчил лицо и смотрел на это с непониманием. Их абсолютно не смущало, что рядом стоит по-

сторонний человек, но закинув в рот печенье, я ничего им не сказал и направился в ванную. Так и проходили мои дни в гостях у Хабиба. Я ждал, пока сосед сверху продаст мне свою квартиру. Пошла вторая неделя. Мы с другом гуляли, попивали коктейли, ходили в кафе и клубы, катались по ночному городу и без сил заваливались дома спать. Спустя ровно две недели сосед наконец заявил о продаже квартиры и Хабиб тут же договорился с ним. Забежав домой, друг раскрыл дверь в мою комнату, где я лежал и копался в планшете, и крикнул:

– Всё, ты мой сосед! Поздравляю.

– Он её продаёт? Ты поговорил? – сев ровно, спрашивал я.

– Да, теперь тебе надо поехать за деньгами, оплатить и всё. Будем соседями не только по бизнесу, но и по месту жительства. Кстати, я тут вижу, что на тебе всё лица нет, у тебя точно всё хорошо? Две недели ты сам не свой, это ты так к ребятам привык или у вас что-то стряслось там?

– Да, я очень скучаю по Абдулу и Халиму. Мне их не хватает, так же, как и мамы и сестры...

– Откуда в тебе это доброта и привязанность? Ты же таким не был.

– Не знаю, Хабиб, не спрашивай. Я сам себя не узнаю.

– Я кажется знаю, что тебе нужно, – ехидно улыбнулся мне друг.

Я с удивлением посмотрел на него. Ничего не сказав, Хабиб выскочил из комнаты и крикнул:

– Я поеду за Захрой, вечером увидимся.

– Ладно, – пожав плечами, ответил я другу и лёг обратно, взяв в руки планшет.

День прошёл быстро, хоть я и провёл всё время в интернете. Наконец я встал с постели и вынул из шкафа свою военную одежду и автомат, чтобы завтра одеться и поехать в эту деревню. Услышав, что дверь в зал раскрылась и туда с громким смехом вошёл Хабиб, я вышел из спальни и, облокотившись у стенки, смотрел на друга.

– А вот и Карим, – радостно представил меня Хабиб какой-то девушке, чем-то похожей на Захру. – Карим, поздоровайся, это – Тания, подруга моей Захры.

– Очень приятно, – недовольно ответил я и зашёл в ком-

нату.

– Не обращай внимание, он после войны немного грубым стал, – с улыбкой утешил Хабиб гостью и поспешил к барной стойке. – Ну, кому пиццу?

Девушки радостно захлопали в ладоши и поспешили завалиться на диван, громко врубив телевизор и о чём-то болтая с Хабибом. Я выключил планшет и застелил постель. Сняв с себя белую футболку, я открыл комод и смотрел, чтобы посимпатичнее надеть, как вдруг за моей спиной раздался женский голос:

– Можешь не одеваться, тебе так даже лучше.

Недовольно выдохнув и поняв, что Хабиб решил мне подогнать женщину для расслабления, я искусственно улыбнулся и, развернувшись к Тании, сказал:

– Спасибо, я в курсе этого. Ты что-то хотела?

– Да, твой друг меня предупреждал, что ты парень пылкий и опасный. Кстати, это твоё ружьё? – поинтересовалась гостья, подойдя к моему автомату.

– Эй, руки убрала! Что тебе нужно?

– Да, ладно-ладно, расслабься. Надо же, ты и правда давно не отдыхал.

Девушка подошла ко мне и стала водить пальцем по моей груди. Я старался не поддавать виду, но вся эта сцена с её якобы бешеной сексуальностью меня напрягала. Но больше всего меня раздражал её слюнявый блеск на губах, длинные ресницы, напоминающие веник, и цвета нефти тонкие чёрные волосы, плотно зализанные на её голове. Не понимая, что Хабиб находил прекрасного в таком типе женщин, я схватил Танию за руку и, убрав от своей груди, сказал:

– Ты правда очень красивая девушка, но думаю, мы ещё мало знакомы, чтобы так сближаться.

– Я могу ускорить наше знакомство и обещаю, тебе понравится.

Девушка улыбнулась мне и тут же присела на корточки. Медленно приспустив с меня штаны, она подмигнула мне и, не теряя времени, решила познакомиться со мной ближе в самом прямом смысле этого слова. Я зажал руками свою шею и, глубоко вздохнув, решил позволить себе немного отдохнуть, но не тут-то было. Посмотрев на старательные труды девушки, я отошёл от неё, заправив своё добро в штаны, и

сказал:

– Извини, но давай в другой раз.

– Не поняла...? – удивлённо спросила Тания, встав с места. – У тебя какие-то проблемы?

– Нет, проблем нет, но я хочу побыть один. Будь добра, выйди из комнаты.

– Охренеть, – недовольно сказала девушка и тут же вышла из спальни, громко хлопнув дверью.

Я протёр ладонями своё лицо и лёг на кровать, уставившись в потолок. Спустя время в комнату постучался Хабиб и, слегка приоткрыв дверь, спросил:

– Эй, не спишь?

– Нет, заходи.

– Что у тебя случилось? – присев рядом, поинтересовался друг. – Тания вся недовольная была, а потом попросила Захру поскорее уехать.

– Прости, если обломал тебе вечер.

– Да ничего. Может расскажешь мне наконец, что не так с тобой? Тания – копия Ким Кардашьян. Тут каждый мечтает о такой, а ты отверг её?

– Да что ты нашёл в этих тракторах? Тем более я её не отличил от Захры, инкубатор что ли? Задница больше, чем я сам. Я потеряюсь в ней.

– Да в этом и есть весь кайф. Ты хоть знаешь, сколько стоит снять на ночь такую задницу? А я тебе бесплатно это всё предоставляю.

– Не знаю, – недовольно ответил я, закинув руки за голову. – Не пошло у меня с ней, не моё это.

– Так, тут три варианта, – сказал друг, загибая пальцы. – Первое – ты болен, второе – ты гей. Ну а третье – есть та, кто настолько засела в твой ум и сердце, что на других уже и не встаёт.

Я посмотрел на друга и с грустным выражением лица вздохнул.

– О, нет... – простонал Хабиб. – Ты гей, да? Годы службы с мужиками своё дали?

– Ты придурок что ли?

– Да шучу, – засмеялся Хабиб. – Так что, неужели сердце жестоко боевика удалось кому-то покорить?

– Я не знаю. Каждую ночь только о ней думаю, меня самого это уже бесит.

– Это называется любовь, Карим. Да уж, не повезло тебе. А где она?

– Где? Всё там же, со своим мужем.

– Что?! – засмеялся друг. – Так ты с замужней затёр? Ну ты даёшь. Я думал, что совсем потерял былого Карима, а нет же – демон в тебе ещё сидит. Она не хочет сбежать с тобой? Или ей нравится с мужем, а по выходным – с тобой?

– Какой же ты юморист, прямо слов не нахожу. Нет, она хотела со мной сбежать, но я дал слово другому человеку. Короче, если я вернусь за ней, то и её, и меня забьют на площади плетьюми.

Хабиб странно взглянул на меня, словно ничего не поняв из того, что я сказал. Покачав головой, он переспросил:

– Что сделают?

– Плетьюми бить будут. Не видел такого наказания?

– Что ты несёшь? Ты это сам придумал или над тобой прикололся кто-то?

– Нет, Хабиб. Увы, но есть ещё такие поселения, где это практикуется. Пару дней езды отсюда. Я лично видел, как они таким образом наказывают изменников и воров.

– Ничего себе, я даже не знал о таком. И ты хочешь жениться на женщине из такого племени, которая уже психологически сломана?

– Она хорошая, – улыбнулся я другу. – У неё такие светлые глаза, волосы волнистые, длинная шея, она худенькая и совсем беззащитная.

– О, да ты не плохо втрескался в неё. Ладно, если хочешь, то съездим туда и заберём её. Кто полезет – расстреляем. Всё равно об этой дыре никто не знает.

– Там не только она, но и мама, и сестра, и Лутфи с Инадом. Все там. Я дал слово, что не вернусь больше ради их

же блага.

– Кошмар, как эти два дебила согласились жить там? А кому ты эти слова свои дал, кто этот авторитетный мафиози?

– Грёбанный кади, главный там и держит всё под своим контролем. Ладно, забудь. Завтра я поеду за деньгами и как-нибудь заживу по-новому.

– Давай друг, не стоит так терзать себя из-за женщины. Их полно. Не склеится с одной, так найдёшь другую. А тоска... Она – временная болезнь, всё пройдёт, и скоро ты свою красавицу и не вспомнишь.

Хабиб хлопнул меня по плечу и, встав с места, ушёл к себе. Я так и пролежал на кровати, смотря в потолок и думая о Дее. На следующий день я, надев свою форму, закинув за спину огромный мешок, свёрнутый в рулон, и крепко застегнув ремень от оружия, расчёсывал свои волосы у зеркала. Посмотрев на Хабиба, который внимательно рассматривал меня, я кивнул ему.

– Ты зачем так оделся? – спросил меня друг. – Хочешь всю деревушку взбудоражить?

– Нет, я хочу передать на отправку деньги, но с автоматом

за спиной это будет проще и быстрее сделать.

– Ну, смотри, чтобы проблем не было потом. Держи мобильный и будь осторожнее. Я буду ждать тебя.

– Хорошо, до встречи, – ответил я другу, обнял его и вышел из дома.

Хабиб заказал мне такси до самой деревни. Пока я спускался на лифте, машина уже ждала меня. Я сел сзади и всю дорогу любовался высокими зданиями и беззаботными людьми, которые куда-то спешили. Кто пробегал в костюме и с дипломатом, кто в шортах и сланцах лениво ел мороженное. Спустя пару часов мы наконец покинули шумный город и я увидел песчаные холмы, бежевые дома из цельного камня, с широкими балконами, и людей, проходящих со стадом домашнего скота. За всеми этими пустынными холмами расстился зелёный город, где росли деревья, были поля и пастбища. Водитель высадил меня у какого-то озера, где местные дети босыми ногами и в одних шортах закидывали удочки и рыбачили. Вынув из кармана записку с точными указаниями денежного клада и телефон, я включил компас и, следя за расчётами друга, направился по указанному месту. Не обращая внимание на детей и стариков, что с опаской и интересом рассматривали меня, я внимательно следил за каждым своим шагом и осматривал окрестности. Взобрав-

шлись на холм и обойдя несколько деревьев, я остановился возле куста с какими-то цветами. Ещё раз проверив все координаты, я огляделся по сторонам и увидел старца. Мужчина сидел в каких-то тряпочных одеяниях, с покрытой головой, и смотрел куда-то вдаль. Тихонько подойдя к нему, я присел на траву и тоже взглянул вдаль. Заметив, что там паслись коровы, я повернулся к дедушке и спросил:

– Простите, мира Вам и Вашему дому.

– И тебе, и твоему дому мира, сынок. Чего забыл в наших краях?

– Тут очень красиво, свежий воздух, птицы, животные, трава. Грех было не заехать в Ваши края, дедушка.

– Это да, – улыбнулся старик, проведя рукой по своей седой бороде. – Сюда из города приходят только те, кто потерял покой или не может найти выход из сложной ситуации. А что случилось у тебя?

– У меня всё хорошо. Я приехал сюда, ибо тут кое-что закопано, и мне нужно тут поработать и забрать...

– А-а-а, – произнёс старец. – Тут бывал один, какие-то бочки зарывал. Я каждый раз следил, чтобы никто не тронул

его клад. Так это для тебя?

– Да, – удивился я тому, что Хабиб допустил свидетеля в таком скрытом деле. – У Вас не найдётся лопаты?

– А вон, – указал старик на телегу возле дерева. – Там лежит, возьми.

Я кивнул дедушке и, встав с места, подошёл к деревянной тележке, в которой среди кучи сена лежала лопата. Взяв её, я тут же начал копать возле куста. Долго и без остановки вырывая яму все глубже и глубже, я уже был весь грязный и вспотевший. Наконец, ощутив что-то твёрдое, я тут же упал на колени и начал расчищать руками землю. Заметив деревянную крышку, я быстро открыл её, откинув в сторону, и увидел пачки денег, замотанные в прозрачные пакеты. Вытерев грязной рукой свой вспотевший лоб, я сиял от радости, улыбаясь во весь рот и быстро разматывая мешок. Без остановки вынимая пачки денег и закидывая их к себе в мешок, я смотрел на старика, который не понимал моего безграничного счастья, но дружески улыбался мне. Метровый мешок был забит до отвала, но на дне бочки оставались ещё деньги. Не зная, как быть, я закрыл деревянную крышку и, взяв в руки лопату, быстро закидал всё землёй, спрятав свой клад. Накинув тяжёлый мешок с деньгами на плечо, я взял в руки свой автомат и навёл его на старика. Дед снова посмотрел на

меня и улыбнулся.

– Простите, но я не могу оставлять свидетелей.

– Хорошо, – ответил старец и отвернулся, снова смотря в даль.

– Вам плевать?

– А что мне делать? Встать и доблестно сражаться с тобой? Это я теряю жену, детей, внуков, эту землю и этот воздух, свой скот и свою жизнь, а тебе терять нечего. А значит такому человеку, как ты, мне, нечего сказать. Стреляй, пока никого нет.

– С чего это Вы взяли, что мне терять нечего? У меня тоже... – сказал я и задумался.

– Что у тебя? – поинтересовался старик. – Если бы у тебя это всё было, ты бы такими глазами не смотрел на эти деньги.

– Думаете, сумничали? А что если я скажу, что мой друг нуждается в деньгах ради лечения? И это всё ради него?

– Тогда ты бы меня не убивал. А хорошие люди бочки с деньгами в таких деревнях не прячут.

Я недовольно ткнул дулом автомата в шею деда. Мне действительно захотелось прибить его, но где-то внутри я понимал, что старик прав. Скинув мешок на землю, а также оружие, я сел рядом со стариком и посмотрел вдаль. Коровы пощипывали зелёную траву, солнце садилось за холмы и кругом было сплошное умиротворение. Красиво, спокойно и так одиноко. Мне стало ещё хуже, чем дома у Хабиба. Я понял, что безумно скучаю по матери, по братьям и Дее. Закрыв руками глаза, я начал быстро дышать, не давая себе раскиснуть и проявить слабость.

– Ничего, – улыбаясь, говорил мне дед. – Мужчина не тот, кто подобен камню, а тот, кто способен иметь самое мягкое и доброе сердце. Если ты способен сделать добро, это не значит, что ты стал слабым человеком. Люди стремительно меняют наши взгляды на любовь и веру. Раньше от мужчины ждали поступок, а сейчас – подарок. Раньше просили здоровья, а сейчас – богатство. Раньше и в бедности любили, а сейчас – бросают. Раньше счастье у Бога просили, а сейчас за деньги у гадалок получают. Свои грехи ты деньгами не укроешь, от высшего суда себя ты не скроешь. Богатство ищи только в чистой любви, здоровье цени – это Бога дары.

– Да.... Я не понимаю, что со мной, дедушка? Месяца четыре назад я бы Вас спокойно убил, даже не предупреждая,

а сейчас... Меня словно подменили.

– Нет, сынок, просто ты стал сильнее. Перебороть свой страх – это наивысшая сила для мужчины.

– Но я не боюсь...

– Ты боялся, что я заберу твои деньги или кому-то расскажу о них. Только поэтому ты посчитал, что моя жизнь ничего не стоит. У тебя есть семья?

– Была, – тяжело вздохнул я. – Потом я остался один, и Аллах мне дал шанс обрести новую семью. Но я и это потерял.

– Хм, что ты делаешь не так?

– Я помогал, как Вы уже упомянули, я хотел быть добрым и помогать тем, кто слабее закона и злых людей. Но нашлись те, кто сильнее меня, и они смогли изгнать меня. Ради безопасности своей новой семьи я покинул тот город.

– Раз Аллах тебя туда направил, значит ты должен был сделать своё добро там. Но раз ты ушёл, то ты не исполнил волю Всевышнего.

– Чего? – с удивлением взглянул я на старика. – Но если я вернусь, будет ещё хуже.

– Аллах знает, что нам посылает. Если тебе тяжело, значит ты обязан это выстоять. А когда ты вытерпишь всю боль, что в твоей жизни произошла, то получишь наивысшую награду.

– Но меня убьют, – не понимая старца, возмутился я.

– Откуда ты знаешь? Ты сказал, что тебе второй шанс на приобретение семьи сам Всевышний послал. Раз ты получил эти испытания, значит ты способен их выдержать. Ведь там ни я оказался, старый и немощный, а ты, – улыбнулся мне дед. – Сильный, крепкий и справедливый. Просто так ничего не бывает, сынок. Раз попал туда, раз начал бороться, то иди до конца. Начинай с того места, откуда всё и началось. Если не смог понять конец, то вернись на начало и пройди путь заново.

– На кладбище? – удивился я. – Вся моя история началась с кладбища, где я и встретил женщину, которая мне стала матерью.

– Значит беги туда и постарайся ещё раз понять, для чего тебе это было дано.

– А если я так и не пойму?

– Значит ночуй на этом кладбище, пока не поймёшь.

– А если это всё ничего не значит и просто...

– Хватит, – перебил меня старик. – Просто – никогда и ничего в этой жизни не бывает. Ветер дует не просто так, как и дерево цветёт не просто так. Всё имеет свой смысл и предназначение. Раз в твоей жизни произошло что-то необъяснимое, значит это все – тоже не просто так.

Я рухнул на траву, смотря на небо, где почти не было облаков. Пытаясь понять, как же мне быть и прислушиваться ли к советам старика, я закинул ногу на ногу и сунул руки в карманы.

– Полежи тут, – сказал дед, встав с места и взяв свою трость. – Подумай над всем и прими верное решение.

– Хорошо, – ответил я, не отрывая взгляд от чисто-голубого неба.

Старик спустился к своим коровам, что-то выкрикивая им, а я всё ещё лежал и размышлял над всем. Вдруг я нашупал что-то твёрдое в кармане, вынул и внимательно по-

смотрел. Увидев тот самый ножик, я сел ровно и начал вращать его в руке, разглядывая красивой, ручной работы, узоры. Взглянув на закат, я поднялся с земли и, закинув за спину мешок и автомат, спустился по холму вниз.

– Что решил? – выкрикнул мне старец, погладив свою козову.

– Закончить начатое, – ответил я и, перекинув мешок вперёд и вынув оттуда пакет с деньгами, я кинул старику. – Держите, это Вам за данный мне совет. Мира Вам и Вашему дому, дедушка.

– Как тебя зовут? – прижав к себе пакет, спросил дед.

– Я – Амид, сын Майры. Как разберусь со своим дядей, обещаю навестить Вас вместе с женой.

Старик улыбнулся мне и кивнул, а я поспешил добежать к дороге, где проходили люди с тележками и ишаками. Пробегая по трассе, я увидел маршрутку и начал догонять её. Водитель заметил меня и затормозил. Забежав вовнутрь, я поинтересовался, едет ли он до города. Мужчина испуганно кивнул мне, а я быстро сел и велел ему ехать как можно скорее. Дорога до города была длинной, несколько часов я сжимал в руке нож, найденный у дяди, и всё старался придумать,

что мне делать и как, не навлекая на себя беду, попасть в этот город и увидеться с родными. Наконец, заметив пробки из машин и высокие здания, я попросил водителя остановиться. Заплатив за проезд и выбежав из маршрутки, я тормозил каждый автомобиль и спрашивал, кто мог бы меня подкинуть до границы, но люди, все как один, отказывались, находя разные причины оправдания.

– Эй, солдат, тебе куда? – поинтересовался какой-то усатый мужчина.

– На границу нужно, заплачу сколько скажешь.

– Поехали.

Обрадовавшись, я тут же запрыгнул в красную иномарку и ждал, пока мы покинем этот город. Водитель ехал быстро, как только мог. Прошёл целый день и только ближе к вечеру мы увидели границу. Мужчина притормозил и сказал:

– Вон твоя граница.

– Я тебя накормлю и напою в ближайшем кафе, если отвезёшь меня дальше, я хорошо заплачу тебе.

Мужчина явно не хотел этого делать, тогда я вынул из

мешка пакет денег и отдал водителю.

– Что теперь скажешь?

– Это что, настоящие доллары? – растеряно спросил мужчина, вынув пачку денег и внимательно рассматривая её.

– Стал бы я таскаться с искусственными?

– Но таможенники потребуют показать им мешок, что ты им скажешь? Нас задержат.

– Не увидят, – ответил я, закинув мешок и автомат на пол заднего сиденья.

Мужчина набрался смелости и поехал мимо таможенников. Остановившись и предъявив свои права и документы, я так же предоставил свой паспорт и военное удостоверение. Внимательно осмотрев мои документы, водителя попросили открыть багажник. Убедившись, что мужчина не опасен, нас пропустили. Мы снова ехали несколько часов, пока я не заметил, что мужчина засыпал.

– Давай тормози, садись назад и спи.

– А ты? – поинтересовался водитель.

– Мне некогда, давай, не теряй время.

Водитель быстро пересел назад, а я, заняв его место, дал по газам и поспешил доехать до того самого кладбища, где мы когда-то останавливались с друзьями. Я ехал всю ночь, не смыкая глаз и только на рассвете заметил знакомые пустыри и камни. Наконец, увидев бесконечное количество могил на засохшей земле, покрытую всю трещинами и кустарниками, я развернулся назад и ударил спящего мужчину по плечу.

– Вставай! Приехали!

– О, Аллах, – испугался мужчина и тут же выскочил из машины. – Что мы тут делаем? Ты убьёшь меня?

– На кой чёрт ты мне сдался? Садись и уезжай отсюда, – недовольно ответил я, забрав автомат и мешок с деньгами.

Водитель без лишних разговоров сел за руль и скрылся, оставив за собой клубы пыли и песка. Я не терял времени зря. Взглянув на могилы, как на стены бесконечного лабиринта, побежал вперёд, выискивая место захоронения сыновей Майры. Я думал, что у меня голова пойдёт кругом от количества имен и дат смерти, выбитых на памятниках. Мотаюсь из стороны в сторону, останавливаясь у разных могил, я

начинал плавиться под палящим солнцем. Голод, усталость, жара и желание спать забрали все мои силы. Наконец, заметив три высоких мемориала, я еле обошёл их и прочёл имена трёх покойников: «Мутамид, Абдул и Халим». Улыбнувшись я не выдержал и, рухнув лицом вниз, прямо на холмик песка над могилой Амида, крепко заснул.

Глава 12. Демон Амида

Как же жарко. Лежать на сухой земле, полностью вымотанным с жуткой жаждой и под палящим солнцем было для меня настоящим адским мучением. Еле раскрыв глаза, я ощутил ужасный привкус во рту. Ноздри и глаза были забиты мелкими пещинками, а напротив меня сидел какой-то тушканчик и что-то грыз. Поднявшись с места, я сел ровно и осмотрелся. Жуткая тишина и ни одной живой души поблизости. Я протёр глаза и облизнул сухие губы. Ужасно хотелось пить, но рядом, кроме бесконечных мемориалов, больше ничего не было. Я сидел неподвижно, весь вечер раздумывая над словами деда, что если вернуться в начало, то можно понять и конец. Но мне начинало казаться, что, вернувшись сюда, я обрету свой собственный конец. Настала ночь, слышны были звуки насекомых. Поднялся небольшой ветерок, а я так и не находил никакого ответа на свои вопросы, всё больше теряя силы. Без еды и воды я долго не выдер-

жал и снова заснул. С приходом обжигающих лучей солнца я почувствовал запах цветущих водорослей, словно я где-то у залива. Тяжело раскрыв глаза, я перекатил своё тело на бок и увидел человека, который сидел на корточках и разглядывал меня. Из-за потери сил его внешность расплывалась, и мне не удавалось разглядеть его. Но я отчётливо увидел этот дурацкий мешок, в который он был укутан и прятал свою голову.

– Это ты..., – еле произнёс я, ощущая кучи крупниц песка во рту. – Пришёл посмотреть, как я подышаю?

Но незнакомец молчал и внимательно слушал меня, иногда вращая головой, словно наблюдая, как я мучаюсь от жажды.

– Я почти два дня не ел и не пил. Лежу под палящим солнцем. Если у тебя есть хоть капля жалости ко мне, то сбегай за водой, – сказал я и лег на спину.

Но больному придурку было плевать на меня и мои проблемы. Незнакомец встал с места и, отойдя от меня подальше, взял стоящую у камня лопату и начал копать яму. Пытаясь разглядеть его сквозь лучи палящего солнца, я рассмеялся, понимая, что мужчина всё глубже и глубже выкапывал мне могилу.

– Пошёл ты! – еле крикнул я. – Я не сдамся тебе, грёбаный ты психопат!

Но не успев договорить, я заметил, что мужчина быстрым шагом подошёл ко мне и вылил мне на голову воды. Я резко подскочил с места и, как ненормальный, старался выпить воду. Меня тряс какой-то незнакомый мне человек. Отдав мне бутылку с водой, он спросил:

– Живой? Ты чего тут лежишь и возмущаешься?

– Господи, спасибо тебе, старик, – в захлёб отвечал я мужику, обливая своё лицо водой.

– Да не за что. А чего на кладбище лежишь?

– Я заблудился и уснул тут, – ответил я, стараясь приходить в себя и осматриваясь.

– Ну, давай, не спи больше, а то это солнце никого не щадит.

Сказав это, мужчина отдал мне ещё одну бутылку с водой и ушёл рыть дальше яму. Понимая, что я спутал человека с тем незнакомцем в мешке, я обернулся к могильному кам-

ню, возле которого я сидел, и внимательно вчитывался в дату смерти Амида. Встав с места и делая круги возле могил, я всё ещё старался понять, как мне быть и что делать дальше.

– Так, – сказал я, облокотившись на мемориал. – Я пришёл туда, откуда начал. Почему кладбище? Потому что... я не знаю... – возмущившись, я присел возле могилы. – Думай, Карим, думай... Почему мы сели именно возле этих ребят? Их трое, как и нас, они военные, как и мы и... чёрт, и что?

Снова не находя ответа, я начал обходить могилы братьев и раздумывать, как это место может быть связано со мной. Мужчина с лопатой всё рыл яму и с удивлением смотрел на меня. Я снова сел у могилы и вынул из кармана ножик. Внимательно посмотрев на него, я вспомнил слова сестры, что Амид забрал нож с собой в могилу.

– Почему же он был у дяди? – сам себя спросил я. – Старик сказал, что Аллах просто так ничего нам не посылает... Просто так..., что было со мной не просто так?

Раскрыв ножик, я начал рисовать на песке круги, обозначив три круга собой и друзьями, а один мамой.

– Значит мы и мама – это странное совпадение, дальше..., встреча с сестрой и дядей, – нарисовав ещё два круга, сказал

я и резко стёр их. – Нет-нет, вспоминай, о чём мы говорили до встречи с Майрой.

Зажав рукой глаза, я пытался ещё раз вернуться в тот день и вспомнить наши разговоры с ребятами.

– Я хотел уйти, но парни отговаривали меня, что ещё? Чёрт, что было ещё? Абдул, я с ним поругался, он... он угрожал мне, и только после этого мы увидели маму, – говорил я сам себе, вписывая внутри кружков заглавные буквы имени Майры и Абдула.

– Больше ничего необычного? – спросил я себя и тут же вспомнил, что, изучая данные Абдула, он не имел никаких заболеваний. – Кровь... у брата в тот день пошла кровь...

Я тут же обвёл жирнее круг с буквой А, нарисовав от него до круга с буквой М стрелку.

– Значит две неожиданности: это явление матери и резкое заболевание Абдула. Так, дальше... Халим-Халим, что связывает его? – почесав свой затылок, задумался я. – Да ничего, он просто оказался её любимым сыном, и действительно таковым для неё стал. А я? Только мне мама дала понять, что она не больна. Она знает, что мы не её дети... Почему именно мне?

– Может тебе чем-то помочь? – резко выкрикнул мужчина. Сделав передышку и оставив раскопки, он решил выпить воды.

– Нет, спасибо, всё в порядке, – ответил я и посмотрел на свои рисунки. – Почему я и Абдул другие, а Халим любимый? О, Аллах! Сколько ещё мне тут рассуждать?! Где же Твои знаки?

Бросив ножик на песок, я схватился за голову и закрыл глаза. Не знаю, как люди умудрялись в тишине находить ответы или замечать знаки Всевышнего. Но я уже второй день на кладбище и ничего осознать не могу.

– Думай, Карим, думай! – недовольно сказал я и стукнул себя по лбу. – Кладбище, мама, семья, жуткий город, соседи-изверги, мерзкие законы, дядя... Да, всему этому глава дядя, плюс он оказался именно нашим родственником. – Так, – убрал руки от головы и нарисовав ещё один круг с буквой Д, рассуждал я. – Дядя у нас, походу, главная заноза. Может, мы все сюда попали из-за него? Маму и покойных детей связывают с ним семейные узы. Мы вынужденно связались с ним, а жители города живут под его строгим надзором.

– Может вам чем–то помочь? – резко раздался голос мужчины за моим ухом.

– Господи! – выкрикнул я, встав с места. – Ты что пристал ко мне?

– Я уже много лет работаю на этом кладбище. Всякое поведаль, может и пригожусь, словом добрым помогу.

– Хочешь помочь, да? Скажи, есть люди в этом городе, которые не любят кади?

– Конечно. Я например. Но кого волнует мнение народа?

– А за что Вы его не любите?

– Сам посуди. Он живёт в шелках, а мы концы с концами сводим, полно подростков наркоманов, я-то их тут множество повидаль, часто самосуд сам народ проводит, даже не дают до площади дойти. Я уже молчу о пропажах людей, которые до сих пор не найдены. Разве такого главу мы себе хотели?

– Тут есть полиция? – всё с любопытством допрашивал я старика.

– Есть, но местные жители не любят к ней обращаться. Лучше устроить зрелищное побоище, чем позволить врагу так легко сесть за решётку.

– Знаете, это кади прогнал меня из города взамен на жизнь и безопасность моих близких. Я дал своё согласие, а теперь жалею.

– Это может значить только одно – он испугался тебя. Если враг не страшен, то его никогда от себя не прогонят.

Я подошёл к мемориалу Амида и задумался. Мужчина смотрел на меня и, сделав глоток воды из бутылки, сказал:

– А вообще, ничего просто так не бывает. Раз Аллах вернул тебя сюда, значит ты тут нужен.

Услышав эти слова, я с удивлением развернулся к незнакомцу и внимательно рассмотрел его. Рабочие, запачканные штаны, намотанные на голове платки и рваная рубаха – казалось бы, ничего необычного... Но он сказал то же, что говорил старый пастух на поле. Я подошёл к мужчине и сказал:

– Если бы ещё Аллах мне дал хоть какой-то знак, то я бы...

– Аллах подарил тебе душу, здоровье и трезвый ум, при-

вёл тебя на это место, показал тебе этот город, познакомил тебя с здешними законами, дал тебе возможность оценить все плюсы и минусы жизни людей в этой дыре. Чего ещё ты смеешь просить у Создателя? Или ты сидишь у могилы и просишь покойника спуститься с неба и указать тебе пальцем, в какую сторону тебе идти?

– Указать пальцем? – удивлённо слушая мужчину, повторил я и тут же вспомнил человека в мешке. – Указать пальцем, говоришь? Найти что-то необычное, конечно... Тот человек... Он постоянно непонятно откуда появлялся, на что-то указывал и исчезал. Даже сейчас, пока я был без сознания, он сидел тут, а потом пошёл копать землю и... – сказав это, я резко застыл.

Посмотрев на вырытую яму и лопату, торчащую из неё, я обошёл мужчину и подошёл к вырытой могиле. Взглянув в пустую яму, я схватил лопату и вернулся назад.

– Тебе это зачем? – поинтересовался мужик.

– Хочу кое-что проверить, – ответил я и, скинув со спины на землю мешок с автоматом, принялся раскапывать могилу Амида.

– А кто он тебе? Слушай, я не имею права разрешать тебе

делать это. Тем более, если ты самим кади изгнан.

Я не реагировал на слова работника кладбища и молча копал. Вырыв достаточно глубокую яму и по колено стоя в ней, я развернулся к незнакомцу, который сидел на земле и осматривал моё оружие.

– А какая глубина захоронения? Где труп? – спросил я старика.

– Вылезь, – встав с места сказал мужчина и, забрав у меня лопату, прыгнул в яму. – Я дальше сам.

Я скрестил руки на груди и внимательно следил за раскопками. Спустя некоторое время мужчина повернулся ко мне и сказал:

– Тебе не повезло – могила пуста.

– Как пуста? – разведя руки в стороны спросил я.

– Вот так, пуста. Нет никого тут. Остальные рыть будешь?

– Засыпь её обратно и никому ни слова, понял?

– Да не вопрос.

Я, быстро закинув за спину оружие и мешок с деньгами, сломя голову помчался в сторону госпиталя. Дорога от кладбища до больницы была долгой, но меня это не останавливало, я бежал без остановки, стараясь избегать места, где замечал прохожих. Наконец, перебежав дорогу, я увидел долгожданный госпиталь. Забежав в коридор, я рванул вверх по лестнице и, растолкав пару прохожих, зашёл в палату, где лежал Мерван. Не знаю почему, но я был уверен, что Вислав будет тут. Раскрыв дверь, я увидел мальчика, сидящего на койке и что-то рисующего на белой бумаге. Я тихонько подошёл к нему и, сев рядом, спросил:

– Уже идёшь на поправку?

– О, Аллах! – закричал Мерван. Отбросив листок, он крепко обнял меня. – Амид, брат мой, я так ждал тебя. Где ты был?

– У меня были дела. Но когда ты был без сознания, я навещал тебя, честно, – поцеловав в лоб, говорил я Мервану.

Дверь в палату раскрылась и вошёл Вислав. Увидев меня, доктор растерялся, а потом, улыбнувшись, спросил:

– Не может быть, но как? Точнее почему? Боже, Амид, я

так рад тебя видеть.

– Док, нам надо срочно поговорить.

– Что случилось? – тут же спросил Вислав, закрыв на ключ дверь.

– Ты ведь сюда не по собственному желанию приехал, верно? Ты обманул меня?

Вислав сжал свои губы, а потом выдохнул и, поставив руки на пояс, спросил меня:

– Ну, допустим, а в чём дело?

– Я хочу знать, для чего тебя заслали в эту дыру?

– Тут не раз пропадали люди и...

– Тебя и твою страну мало будет волновать пропажа каких-то арабских людей.

– Ты прав. Пропали двое иностранных журналистов и я расследую это дело.

– И, как? – облокотившись об стену и скрестив на груди

руки, внимательно поинтересовался я у дока.

– Пока безрезультатно... Местные жители ничего не видели и не знают. А если и увидят, то никогда не скажут.

– Так может нужно опросить дядю? В конце концов, он главный судья-чиновник.

– Амид, не строй из себя умного. Я опрашивал всех, и его в том числе.

– Я только что был на кладбище, где захоронены дети Майры. Мне кое-кто сказал раскопать могилу Амида, и я послушался.

Мерван с огромным интересом слушал меня, разинув рот. Вислав с непониманием посмотрел на меня и, приподняв левую бровь, спросил:

– Ты раскопал могилу чужого человека, не имея на это никакого разрешения?

– Да плевал я на ваше разрешение, – недовольно ответил я. – Трупа нет. Тело сына Майры отсутствует, хотя дядя лично заявил, что сыновья погибли на войне и их трупы были найдены и привезены для захоронения.

– Что? Как это может быть?

– А вот так, доктор. Он изгонял меня с первой минуты, как заметил, что я недоволен местными порядками. Может, ему есть что скрывать? А может он имеет отношение к исчезновению не только трупа в могиле, но и ваших журналистов?

– Ты что задумал? – поинтересовался док, внимательно слушая меня.

– Либо я иду и отправляю на тот свет каждого, кто у меня вызовет подозрение, либо ты мне помогаешь, и мы делаем все по закону.

– Я не могу по закону убивать людей, Амид. А вот за угрозу чужой жизни я имею полное право арестовать тебя.

– Боже, Вислав, заканчивай свои нюни. Ты тут никто, и никаких прав у тебя на меня нет. Тут все решает не твоя полиция, а добрый дядя Мутамид. Так что либо мы его свергнем, либо... – сказал я и замолчал.

– Либо что? Ты не найдёшь никаких доказательств, и тебя казнят. А я пойду как сообщник, и тоже получу плетей.

Я недовольно отошёл от стены и, спустив автомат и мешок на пол, взглянул на Мервана. Парень с таким удивлением слушал наш разговор, что не мог никак закрыть свой рот. Подойдя к нему и погладив по голове, я сказал доку:

– Или ты помогаешь мне, или я действую сам.

– Амид, допустим, я на всё согласен. Но как ты собираешься действовать, если у тебя был уговор? Тебя казнят, как только ты вернёшься сюда, а значит Мутамид допускал этой возможности. Вдруг это подстава, и тебя таким образом убьют?

– Так не допусти этого, док. Есть во что переодеть меня?

– Подожди, – сказал Вислав, протянув мне свою руку. – Стой тут, я кое-что дам тебе.

Док открыл дверь и куда-то выбежал. Я развернулся к Мервану и, погладив его по плечу, спросил:

– Как Синем поживает?

– Халим окольцевал её. Она счастливая, к свадьбе готовится. Они вдвоем часто навещают меня. Сестра сказала, –

вздохнув, парнишка взглянул на меня, – что ты дал ей слово убить тех, кто это сделал.

– Конечно убью, – радостно ответил я Мервану. – Ты что, сомневаешься во мне?

– Я не сомневаюсь в тебе, брат. Но он постоянно приходит сюда. И каждый раз, видя его, я боюсь, что он...

– Стой-стой, – прервал я парня. – Что значит он приходит? Кто? Ты что видел тех, кто напал на вас?

Мерван неуверенно покачал головой. Тут же схватив его за плечи и посмотрев ему в глаза, я разозлился и спросил:

– Какого чёрта вы молчали?!

– Сестра не видела, я до этого играл, сидя на подоконнике. Потом я заметил двух ребят, один был с закрытым лицом, я запомнил только его ярко красные кеды, я таких и не видел, а другого я разглядел и узнал. Он что-то говорил, а потом тоже натянул шарф и подошёл к нашей двери.

– И? Кто он был?

Мерван молча смотрел на меня, словно воды в рот набрав.

– Да говори же ты! – не выдержав, крикнул я на ребёнка.

– Это был твой друг, Хасан.

Услышав это, я осторожно отпустил плечи мальчика и злобно посмотрел на него. Перепуганный Мерван, не понимал моей реакции, подумал, что я вот-вот взорвусь от гнева. Но, вздохнув, я улыбнулся ему и сказал:

– Молодец, что рассказал. А теперь никому об этом, хорошо? И меня ты тоже не видел, ясно?

– Да, как скажешь.

– Молодец, доверься мне.

– Амид...

– Что?

– Они и над Синем издевались. Но сестра просила меня забыть об этом всём и никому не рассказывать.

Огромным счастьем для Хасана было то, что в данный момент его не было рядом, иначе я, не боясь ребёнка, прошиб

бы ему башку. Стараясь сдерживать свой гнев, я с трудом улыбнулся мальчику и сказал:

– Если я дал слово, значит я его выполню. Увидимся на его могиле, договорились?

Мерван улыбнулся мне и гордо кивнул. В палату вошёл Вислав и протянул мне медицинский костюм.

– Переодевайся быстро.

– Издеваешься? Я что, хирург тебе?

– Давай быстрее, если до муфтия дойдёт, что ты тут, твою Дею поволокут на площадь.

– Как она, ты её видел? – тут же спросил я, разувшись и стянув с себя носки.

– А как может выглядеть девушка, которую предал мужчина? Самое жуткое зрелище.

Сняв с себя рубашку и штаны, я с грустью посмотрел на доктора.

– Ух ты, – резко произнёс Мерван. – Спортом занимаешь-

ся?

– Почти, – улыбнулся я, надев белые штаны и халат.

– Когда я майку при тебе менял, ты не восхищался мною так, – обиженно проговорил Вислав, поставив руки на пояс и смотря на Мервана.

– А что я на ноги надену? – поинтересовался я, застёгивая пуговицы на халате.

– У стула тапки стоят, быстрее обувайся и пошли. Не забудь надеть колпак и повязку.

– Издевательство просто, – недовольно сказал я, надев чёрные сланцы, которые были мне малы. – И как я в этом дерьме ходить буду? У меня пальцы об асфальт сточатся.

– Не выражайся при ребёнке. Давай, быстрее закрывай лицо и пошли.

Вислав быстро спрятал мою форму и оружие с мешком в белый, деревянный шкафчик, который закрыл на ключ, и поспешил выйти из палаты. Надев марлевую повязку на лицо, я поправил свой колпак на голове и, помахав Мервану, выбежал за доктором, который вышел из госпиталя и сел в

свою машину. Мы тронулись с места и поехали к моему дому. Увидев знакомый двор, я улыбнулся и рассматривал собаку, которая высунула морду из будки и куда-то пристально смотрела. Припарковавшись недалеко от крана с источником, мы вышли из машины, и я увидел Хасана с друзьями, которые сидели на скамейке. Громко смеясь, они раскидывали карты.

– Не стой так долго на одном месте, – сказал мне Вислав, заправив свою рубашку в брюки. – Тебя не должны узнать, доктор Амид.

С ненавистью рассматривая бывшего друга, я поправил свою маску на лице и пошёл за Виславом. Поднявшись по крыльцу и войдя к нам домой, я увидел, как в зале стояла мама и Лания, что-то громко обсуждая с Халимом, который с перевязанной ногой сидел на диване. Заметив нас, Майра тут же улыбнулась и, разведя руки в стороны, сказала:

– Дорогой доктор, как мы рады вас видеть. Проходите.

– Добрый день, Госпожа. Мы пришли узнать, как чувствует себя Халим?

– Да всё хорошо, док, спасибо, – слегка прихрамывая, ответил Халим, выйдя к нам на встречу.

Мама и брат посмотрели на меня, но не узнав, продолжили расспрашивать Вислава.

– Есть новости от Абдула, как он? – спросила Майра и крикнула Лании – Дочка, накрой стол, чай выпьем.

– Да, с ним всё хорошо, чувствует себя лучше, – отвечал док, проходя на кухню.

Майра вошла за ним на кухню, а Халим стоял у стены и дождался, пока войду я, внимательно наблюдая за мной. После он слегка засмеялся и сказал:

– Снова не нашлось обуви на твой размер?

Я развернулся к другу и, спустив с лица повязку, улыбнулся ему. Халим тут же потянул меня к себе и крепко обнял. Я так же сильно сжал его и не хотел отпускать.

– Сейчас я принесу вам варенье, – сказала доктору Майра, выйдя из кухни.

С непониманием смотря на наши объятия, женщина тут же оттянула меня за плечо и, увидев моё лицо, закричала:

– О, Аллах! Мой сын! Амид!

– Что!? – выкрикнула из кухни сестра и так же выбежала к нам.

Я со всей силы обнял маму и Ланию, чуть ли не переломав им кости. Майра, как всегда, расплакалась и, глядя мои щёки, сказала:

– Сынок, ты вернулся, слава Аллаху! Я знала, я знала, что ты не оставишь нас... Но как же дядя? Как же ваш уговор?

– Мама, нет времени объяснять всё. Скажите, Вы знали, что могила Вашего сына Амида пуста?

Майра и Лания удивлённо переглянулись.

– Что значит пуста? – переспросил Халим.

– Я раскопал её. Это не важно. Но факт в том, что тела там не было.

– Как такое может быть? – удивилась Майра. – Я оплакивала тела трёх своих детей, я видела захоронение...

– Подождите, – удивился Халим. – Мама, а разве Вы

помните, что Ваши дети мертвы? Что тут вообще происходит?

– Похороны проходили без нас, – сказала Лания. – Мы оплакивали их дома, поэтому кого хоронили – нам неизвестно.

– Тела братьев ты видела? – спросил я сестру.

– Нет, только отец видел.

Я и Вислав переглянулись. Док подошёл к Майре и спросил её:

– Вам известна причины смерти?

– Муж мой скинулся, умер от переломов. Сыновья были застрелены на войне.

– Если вы позволите, то мы вскроем их захоронения, и я лично проверю всё, – поинтересовался док.

– Конечно, я разрешаю.

Вислав, пожав руку мне и Халиму, попрощался с Майрой и Ланией.

– Что же, спасибо, что дали разрешение. Как только я осмотрю тела, я зайду к вам.

– Я проведу тебя, – ответил я доку и вместе с ним вышел на крыльцо, закрыв лицо повязкой.

– Буду ждать Вас, доктор, – ответила Майра, проводив нас взглядом и закрыв за нами дверь. Развернувшись к Халиму и заметив, что он стоял как забитый щенок, мама спросила:

– Что с тобой?

– Вы знали, что мы не Ваши дети? То есть, Вы нас приняли только ради того, чтобы мы помогли Вам?

– Ты мой сын, Халим, младший и самый любимый, и я никогда от тебя не откажусь. Ты меня понял?

– Слава Аллаху, – произнёс брат и с радостью обнял маму.

Тем временем, стоя на крыльце, я крепко пожал руку доку и сказал:

– Я тут жду тебя. Надеюсь, что ты найдёшь какую-нибудь зацепку.

– Не переживай. Сейчас главное, чтобы никто не узнал о тебе, – осмотревшись, проговорил Вислав. – Иначе я не смогу даже от казни тебя спасти.

– Договорились, – ответил я и увидел Дею.

Девушка с пустым ведёрком вышла из дома и, смотря только под ноги, направилась к крану с водой. Вид у неё был ещё хуже, чем когда я увидел её в первый раз. Не то, чтобы побоев стало больше, сама её неухоженность, неаккуратно одетые вещи, грустные и поникшие глаза. Казалось, что даже цвет волос стал тусклее, чем был.

– Боже, что с ней? – грустно произнёс я.

– Тебе нельзя выходить, Амид. Тем более подходить к ней. Она может негативно отреагировать и привлечет этим лишнее внимание.

– Как думаешь, она простит меня?

– Зависит от того, как ты будешь извиняться, – ответил док и поспешил к своей машине.

Я не сводил взгляда от неё, желая выбежать к ней и всё

объяснить. Но мне ничего не оставалось, как вернуться домой. Войдя в спальню, я тут же снял с себя медицинскую одежду и надел синюю майку и чёрные спортивные штаны. В комнату вошёл Халим и, сев на кровать, спросил меня:

– Почему ты вернулся?

– Вы были правы, когда заподозрили, что Сам Аллах нас сюда направил.

– Я изначально это говорил, – ответил Халим, вытянув раненную ногу вперёд и погладив её. – Меня никто не слушает, но не могу поверить, что мама всё это время знала, что мы не её дети... Выходит, мы ей были нужны. Но для чего?

Дверь в комнату открылась и вошла Майра. Сев возле Халима, она посмотрела на меня и сказала:

– Я никогда не доверяла Мутамиду. А после смерти сыновей и мужа я вовсе была уверена, что следующей умру я и моя дочь. Поэтому я и прикидывалась чокнутой, чтобы нас оставили в покое.

– О, Аллах, – с грустью простонал Халим. – Почему Вы нам сразу не рассказали, мама?

– Чтобы проверить вас. Я хотела убедиться, что вы действительно те люди, готовые бороться за свою семью. Я каждый день молила Всевышнего не дать мне сгнить в этом незаконном городе, молила послать хоть какой-то знак, дать надежду. Я навестила своих детей на кладбище, и увидела трёх солдат, которые что-то громко обсуждали. Там был ты, сын, – погладив Халима по голове, рассказывала Майра. – Ты пытался разнять двух других, указывая им на совесть и сплочённость. Вторым был Абдул, который пожелал, чтобы всех вас Аллах судил по заслугам. Третий – ты, Амид, самый грубый и бесстрашный.

Я слушал маму и понимал, что женщина сделала хороший расчёт и пошла на огромный риск, приведя таких, как мы, в свой дом. Присев возле неё на корточки, я взял Майру за руку и спросил:

– Вы рискнули своей жизнью, не боясь впустить нас к себе. Но ради чего? Чтобы мы защищали Вас?

– Нет, Амид. Чтобы потом вы не побоялись рискнуть своей жизнью ради спасения всего нашего города, который тонет в незаконии вашего мерзкого дяди.

Услышав это, я и Халим удивлённо переглянулись. Наш разговор резко прервала сестра. Войдя в комнату и улыбаясь

во все 32 зуба, Лания сказала:

– Я накрыла на стол, можем пойти покушать.

Мы все встали с места и пошли на кухню. Усевший за стол, я попросил налить себе чаю. Схватив со стола вилку, я принялся есть картошку с бараниной, жадно забывая за обе щеки и быстро пережевывая.

– Ты привёз деньги за лечение, что Вислав оплатил Абду-лу? – спросил Халим, с интересом наблюдая, как я ем без остановки.

– Да, – с забитым ртом ответил я. – Они в госпитале, как и моё оружие.

– Хорошо. Ему вроде там лучше, и он доволен, – всё наблюдая за моим поедание мяса, говорил друг.

– Ох, а ты представляешь, брат, – грустным тоном заговорила сестра, сев за стол и протянув мне чай. – Нашей собаке...

– Лания! – неожиданно и резко перебив сестру, выкрикнул Халим. – А давай ты ещё мяса дашь брату? Меньше болтай и угости его. Не видишь, он голодный.

Мама ела молча, смотря то на меня, то на Халима. Прекратив жевать и сделав глоток чая, я улыбнулся и спросил брата:

– Ты почему её перебил?

– А зачем болтать попусту?

– Что там с собакой? – развернувшись к Лании, спросил я.

– Да-а-а, так, просто...

– Говори, – грозно сказал я.

– Амид, прекрати, всё нормально с этой собакой. Сам посмотри, лежит в будке, кайфует.

– Лания, я не буду повторять. Что ты хотела сказать про собаку? – всё не реагируя на Халима, допрашивал я сестру.

– Мама, ну скажите ему, – возмутился брат, пытаюсь и маму втянуть в наш разговор.

Но Майра лишь пожала плечами и, ничего не отвечая, принялась молча пить чай. Сестра испуганно смотрела на

меня, не зная, что ответить. Не выдержав, я встал с места и вышел в коридор.

– Амид! – крикнул Халим, подскочив с места и выбежав за мной. – Куда ты собрался? Боже, что тебя так задела эта фраза? Угомонись уже.

Но я не слушал брата и, взяв с полки синий шарф, я замотал им свою голову и вышел во двор.

– О, Аллах! Тебя не должны видеть! Амид! – всё выкрикивая, Халим надел сланцы и выбежал за мной.

Я уверенным шагом направился к будке, где лежал пёс. Во дворе никого не было, кроме трёх мальчиков, которые брызгались водой возле крана с источником. Подойдя к животному, я присел возле него и, схватив за морду, посмотрел ему в глаза. Пёсик явно обрадовался мне и может даже узнал, тут же попытался облизать мне руки и прижаться ко мне. Крепко обняв его голову и глядя по шее, я сказал ему:

– Ну, что ты, дружок? Никто не обижал?

– Видишь, – тяжело дыша и стараясь улыбаться, говорил Халим. – Жив и здоров твой пёс, бросай его и бегом в дом, пока никто не увидел.

– Ты так резко прервал сестру, я подумал, что ты хочешь что-то скрыть, – ответил я, встав с места и оттряхнув свои штаны.

– Быстрее уходим, – говорил Халим, стараясь глазеть по сторонам.

Ещё раз потрепав собаку за шерсть, я направился домой, заметив, что пёс вышел из будки я развернулся к нему, чтобы взглянуть на него и замер. Собака еле шла на трёх лапах, левая, задняя лапа напоминала подранную сосиску. Увидев это, я покраснел.

– Амид, только без глупостей, я тебя умоляю, – перепугано сказал мне брат, стараясь взять меня за плечо. – Тебе нельзя быть замеченным пошли до...

– Кто это сделал? – не отрывая глаз от покалеченного животного, спросил я.

Дети, играющие возле крана, тут же забежали на крыльцо и скрылись за дверьми своих домов. Толкнув Халима в плечо, я подошёл к собаке и, сев на корточки, взял его изуродованную лапу и внимательно рассматривал.

– Не знаю, Амид, я сам был в шоке. Спрашивал соседей, но никто ничего не видел.

– Они все никогда ничего не видят, боятся признать. Это было сделано топором: ему отрубили лапу одним махом. Значит, это не дети. Это – дело рук мясника.

– Амид, послушай меня, всё равно сделанное не вернуть, смысл сейчас...

Но я уже не слушал нотаций брата. Отпустив собаку и встав с места, я поднялся на крыльцо соседнего дома, возле которого стояла будка. Резко раскрыв дверь, я вошёл в центр комнаты. Увидев перепуганного мальчика лет восьми, я крепко схватил его за руки и спросил:

– Ты видел, кто это сделал с собакой?

– Простите, – быстро завязывая на голове косынку, выкрикнула мне девушка. – Вы кто такой? Что вам нужно?

– Сейчас же отвечай мне, – продолжил я пытаться ребёнка.

В комнату забежал Халим и, подойдя к перепуганной женщине, сказал:

– Не переживайте, мы сейчас уйдём, всё хорошо.

– Это продавец с рынка сделал, – наконец заговорил мальчик.

– Запомнил его? – спросил я.

– Ага.

Я взял парня за руку и быстрым шагом вышел с ним из дома. Халим поспешил за мной, а за ним и мать мальчика, быстро закрывая краем косынки нос и губы. Обойдя наш двор и выйдя в сторону рынка, я направился к мясному отделу и остановился у мужчины, который поправлял куски баранины. Заметив порубленное мясо на пеньке и топор, воткнувший в него, я тут же выдернул его и сказал:

– Я одолжу у Вас.

– Стой-стой, – возмутился продавец. – Это нельзя трогать, тебе зачем?

– Сейчас верну, – ответил я и вместе с мальчиком направился к тому самому мяснику, с которым я несколько месяцев назад конфликтовал. – Он? – спросил я пацана, указав на мясника топором.

– Да, это он был.

– Вот и отлично, стой тут.

Отпустив руку ребёнка, я быстро направился к торговцу и смотрел, как он с улыбкой кому-то отдавал сдачу. Халим замер, нервно наблюдая за мной и глаза на проходящих мимо людей, боясь, что меня кто-то заметит. Мама мальчика, добежав до нас, крепко обняла сына за голову и смотрела на меня. Наконец продавец развернулся. Дёрнувшись с места и заметив меня, он спросил:

– Ох, Аллах, тебе чего? Чего встал тут?

– Я предупреждал, что сделаю с тобой то же самое, если ты тронешь хоть кого-то?

– Чего-о-о, – недовольно простонал мужик. – А ну, давай, катись отсюда. Я никого не трогал и угрожать мне тут не смей. Убирайся!

– Ты покалечил мою собаку.

– Я сказал убирайся, глухой что ли?

Мужчина ехидно улыбнулся мне и тут же отвернулся, делая вид, что ему плевать на меня и на мои слова. Халим всё ещё надеялся, что я уйду оттуда и не буду привлекать лишнего внимания. Схватив мясника за руку, я резко потянул его к себе и, прижав его кистью к пеньку, со всей силы заехал топором по локтю. По всему рынку раздался жуткий крик. Топор не до конца раздробил торговцу руку, но этого было достаточно, чтобы мужчина присел на корточки. Наблюдая за истекающей кровью, он пытался как-то выдернуть оружие из пенька, чтобы «склеить» себя. Люди замерли, в ужасе наблюдая за всем происходящим. Женщина прижала к себе сына, стараясь закрыть ему глаза, а Халим перепугано следил за толпой, чтобы никто не напал на меня. Смотря, как мясник без умолку рыдает и истерически что-то произносит, выпуская слюни, я развязал шнурок на своих спортивных штанах и, вытянув его, швырнул в мясника со словами:

– Я тебя предупреждал... Перевяжи конечность, чтобы не подох ненароком.

Выдернув топор из пенька, с лезвия которого стекала кровь, я вышел к людям и пошёл в сторону дома. Народ растерянно смотрел на меня, качая головой. Неожиданно кто-то выкрикнул:

– Что это такое? За что ты так с человеком обошёлся?

– Это же тот самый Амид, – крикнул ещё кто-то из толпы.

– И тебе не стыдно? – спросила мне какая-то женщина.

Остановившись, я развернулся к ней и сказал:

– Этот мясник бил ребенка, а потом отрубил лапу моей собаке. А вы тут...

– Ты из-за какой-то псины лишил человека руки? – закричал стоящий рядом мужчина.

– Это была моя собака! – не выдержав нападения со стороны прохожих, во весь голос выкрикнул я. – МОЯ! Вы слышите?! Никто не имеет право трогать моё! Я убью за свою мать, за свою семью и даже за свою собаку! Всем это понятно? – эмоционально размахивая топором, спросил я людей.

Народ перепугался и затих. Все хотели что-то вякнуть, но боялись, что будут следующими, кого я порублю. Халим стоял в полной растерянности и покусывал свою губу, наблюдая, как я опустил топор и пошёл домой.

– Да помогите же вы, – выкрикнул мужчина, который моим шнурком перевязывал мяснику конечность. – Вызовите

докторов.

Халим посмотрел на женщину с ребёнком и, кивнув ей, побежал за мной. Я поднялся на крыльцо и взглянул на дверь дома Деи. Подойдя к ней, я со всей силы заехал топором по деревянной двери, крепко впечатав его туда. Халим, всё ещё прихрамывая на одну ногу, еле догнал меня и, встав на крыльце, спросил:

– Ты вернулся всех нас подставить, да? Ты что наделал?

– Хватит меня учить, я знаю, зачем вернулся и что буду делать, – недовольно ответил я и вошёл к себе домой.

Брат покачал головой и, взглянул на окровавленный топор в двери Фархада. Халим тоже вошёл домой и, зайдя в зал, сел возле меня на диван.

– Что случилось? – выйдя из кухни, спросила нас Майра.

– Амид отрубил мяснику руку на рынке прямо на глазах у всех, – устало ответил Халим, протирая своё лицо.

– Значит дядя скоро явится сюда. Тебя поведут на площадь, сынок. Люди будут требовать твоей казни.

– Я знаю, мама, не переживайте, я что-нибудь придумаю.

– Да что ты придумаешь, а?! – разведя руками в стороны, выкрикнул Халим. – Из-за тебя все будут ненавидеть нас, хотя нас и так не особо тут любят. Мама, почему Вы ничего не говорите ему?

– Потому что я так же устала от безобразного поведение некоторых мужчин тут. Только им можно бить слабых? Пусть кто-то наконец ударит и их, – подойдя к нам, говорила женщина.

– А то, что его казнят, Вас не сильно расстраивает, да? – с интересом смотря на маму, спросил брат.

– Пусть только попробует, я сама потом этого муфтия казню.

Сказав это, Майра недовольно вышла из комнаты, а Халим удивлённо взглянул на меня. Я улыбнулся другу и сказал:

– Видишь, когда есть мама, то можно ничего не бояться. Сын за плечами которого стоит мать – способен на великие дела.

– Оф, не знаю, чем ты там думаешь. Ладно, будем сидеть тихо. Думаю, об этом случае уже скоро донесут дяде, – всё с какой-то грустью говорил мне брат.

Погладив Халима по спине и заметив, что он какой-то опечаленный, я прижал его к себе за плечи и спросил:

– Ты чем так обеспокоен? Что-то тревожит тебя? Если ты боишься, что меня...

– Да нет, – резко перебил Халим, встав с места и подойдя к окну. – У меня всё Синем из головы не выходит.

– А что с ней? Что-то случилось? Я виделся с Мерваном, он сказал, что ты окольцевал её.

– Да, но прежде, чем я это сделал, она решила рассказать мне о том, что случилось у них дома. Сказала, что поймёт, если я попрошу время обдумать всё.

– А что там было? – поинтересовался я, сев ровно и слушая Халима.

– Они издевались над ней, делали не совсем хорошие вещи.

– Её изнасиловали?

– Ну, почти...

– Что значит почти, Халим? – возмутился я, встав с места. – Либо насиловали, либо нет.

– Не хочу это обсуждать. Почему она не помнит, кто это? Как же это напрягает меня.

– Я найду их, я обещал Мервану.

– Он тоже не видел их, – с грустью вздохнул друг. – Если бы я только знал, я лично разрезал бы рот этому уроду.

Услышав про рот, я посмотрел в глаза другу, которой тут же увёл от меня свой взгляд и, похлопав по плечу, сказал:

– Прости, это эмоции. Я просто устал от всего, что с нами тут происходит. И именно поэтому я не хочу ещё какой-то беды в наш дом из-за твоего буйного характера. Пойми меня правильно.

– Да всё нормально, я понимаю...

Входная дверь с грохотом раскрылась и в зал забежал

Фархад, сжимая в руке тот самый топор. Увидев меня, мужчина резко улыбнулся и в голос рассмеялся.

– Если тебя так веселит вынимать топор из своей двери, могу радовать тебя чаще, – отойдя от брата, сказал я противному соседу.

– Мутамид был прав, – растягивая улыбку, заговорил сосед. – Твоя смелость идёт только от твоей глупости. А ведь муфтий знал, что ты вернёшься, говорил мне, что ты влюблён в мою жену и просто не осознаешь этого. Надеюсь, ты помнишь свой уговор, а? – вытянув и указав на меня топором, спросил Фархад. – Наконец тебя и эту шлюху Дею казнят.

– Чтобы меня казнить, ты должен доказать, что она изменила тебе со мной.

– Доказательства есть, Амид. Эта тварь беременна, а от меня она никак детей иметь не может.

Услышав это, я и Халим изменились в лице. Мама молча стояла в коридоре и всё это слушала, тиха протирая полотенцем стакан.

– Что ты сказал? – не поняв его, переспросил я.

– Выходит, – заговорил Халим, дав возможность мне переварить столь неожиданную информацию. – Ты столько времени всем врал, что эта девушка бесплодна, унижал её и бил, зная, что моральный и настоящий урод в этой ситуации был только ты? Как можно быть таким, а?

– Это мне говоришь ты, человек, убивающий других людей?

– Я солдат! – выкрикнул Халим. – Это мой долг перед моим народом! А что ты сделал для своей нации? Для этого города? Оскорбляешь жену? Унижаешь её, позоря на весь двор, а сейчас радостно требуешь казни для неё? Да ты псих, больной убудок, вот кто ты!

– Халим! – резко вмешалась мама. – Следи за речью, а ты, Фархад, сильно не радуйся. Даже казнь, которая грозит моему сыну, будет по закону. А это значит, что твою Дею никто не тронет, пока она не родит этого ребёнка.

– Родит? Как только вашего урода убьют, я тут же ускорю Дее процесс родов.

Услышав это, я подбежал к Фархаду и со всей силы ударил его по лицу. Мужчина замахнулся топором, но брат быстро

заломил ему руку и держал его, позволив мне разбить Фархаду нос и челюсть.

– О, Аллах! Прекратите! Мальчики! – выкрикивала мама, стараясь нас разнять. – Амид! Да оставьте вы его! Халим!

Но меня было уже не оторвать от мерзкого соседа. Я так сильно желал его смерти, что даже не слышал ничьих голосов и не чувствовал ударов по моей спине. Остановило все это то, что меня кто-то начал душить. Я даже не реагировал на удушье и всё бил и бил соседа, не слезая с его тела. Наконец в голове раздался гул, а перед глазами начало расплываться кровавое лицо Фархада, который уже захлёбывался в собственной крови и не мог говорить. Дальше я ничего не помнил, так как потерял сознание. Сколько я был отключён – я не знаю. Раскрыв глаза, я услышал какие-то голоса. Я тут же подскочил с места и огляделся.

– Наконец-то проснулся, – недовольно сказал Вислав, стоя с Халимом и мамой в зале. – Ты что делаешь? Пару часов не прошло, как ты успел уже двух людей покалечить. Мы о чём договаривались?

– Боже, что случилось? – протерев лоб и с трудом встав с места, спросил я.

– Я просто вовремя пришёл и помог Халиму оторвать тебя от еле дышащего Фархада. Можем быть уверены, что дядя уже в курсе о твоём возвращении сюда и будет готовить площадь к казни. Скорее всего он объявит об этом завтра, чтобы все граждане города отменили свои дела и собрались смотреть на то, что будет с таким смельчаком, как ты.

– Мне плевать на это всё. Ты лучше скажи, что тебе удалось разузнать.

Майра и Халим с интересом посмотрели на доктора, надеясь узнать что-то новое.

– Ну, кажется, мы наконец нашли возможность свергнуть дядю с «престола», – улыбаясь, сказал Вислав.

– Да! – выкрикнула Майра, крепко обняв Халима.

– Отлично, – обрадовался я. – Что удалось разузнать?

– Мои люди сначала вскрыли могилу вашего отца, его кости были переломаны. Вы, Госпожа, утверждали, что он сам покончил с собой, но стопы были целыми, что дает понять – падал он не на ноги. Допустим, он упал спиной или лицом вниз, расправив руки, как птица. Тогда зачем было выбирать место с кучей отступов и препятствий для падения?

– Думаешь, его скинули? – внимательно слушая дока, спросил я, скрестив на груди свои руки.

– Не утверждаю, но допускаю. Дальше мы вырыли могилы трёх сыновей. Труп старшего сына действительно отсутствует.

– О, Аллах, – со слезами на глазах сказала мама, и уткнулась в грудь Халима.

– Двое других братьев были на месте. Помнится, вы говорили, что они погибли от пуль на войне. Но, развернув их саван и осмотрев каждого, я могу с уверенностью заявить: их кости переломаны тем же образом, что и у отца.

– Выходит, муфтий скрыл истинную причину их смерти, – улыбаясь, проговорил я. – А также обязан ответить, где тело старшего сына.

– Амид, – поставив руки на пояс, спросил меня Вислав. – Ты сказал мне, что это какой-то человек тебе посоветовал раскопать могилу. Кто это был?

Входную дверь кто-то открыл, и мы все развернулись в сторону коридора. В дом вошла Дея. Увидев, что мы все сто-

или полукругом и что-то обсуждали, она тихонько кивнула нам и спросила:

– Извините, я просто...

– Заходи, мы не заняты, – резко сказала мама и махнула рукой Халиму и Виславу, чтобы они вышли из зала. Я тут же повесил голову и почесал свою щетину.

– Я жду тебя на кухне. Нам надо решить, как действовать дальше. Ведь я не имею прав арестовать муфтия. Моя задача – лишь найти журналистов и пропавших людей, – сказал мне док. Похлопав меня по плечу и улыбнувшись Дее, он вышел из комнаты.

Девушка ничего не говорила и тихонько подходила ко мне. Я собрался с силами и, развернувшись к ней, посмотрел ей в глаза. Повесив голову, Дея смотрела куда-то на пол. Продержав паузу, она наконец выдохнула и сказала:

– Тебе совсем нет, что мне сказать?

– Я не хотел так с тобой поступать, – пряча взгляд от девушки, говорил я. – Мне пришлось. Да, может грубо, но пойми меня, я хотел, как лучше. Я хотел, чтобы ты меня ненавидела и...

– Зачем ты вернулся?

– Я не смог там быть.

– Только поэтому? Ты согласился умереть только потому, что где-то не смог быть?

– Ну, – растерянно отвечал я. – Не только, я хотел ещё к тебе... Боже, Дея, не пытай меня. Я правда сожалею, что так вышло. Дай мне шанс все исправить.

– В чём? Ты просто бросил меня, Амид. Воспользовался – и бросил. И это ты называешь мужским поступком?

– Я же вернулся, я осмыслил всё. Ты что такая безгрешная, не пойму? – резко возмутился я. – Что, ошибок не допускала? Все ошибаются, Дея, и я ошибся.

– Так может ты и сейчас ошибаешься тем, что, рискуя жизнью, приехал сюда?

– Ради своей семьи я готов рисковать жизнью. Ясно?

– Но не ради девушки, которой ты дал слово быть для неё крепостью, силой, защитой, – перечисляла девушка. Рас-

плакавшись, она старалась отходить от меня назад. – Ты же держишь своё слово, почему только я не удостоилась твоих клятв?

– Успокойся, это всё не так.

– Тогда как?! Как?

– Я не только из-за семьи сюда приехал, – сказал я и замолчал, смотря на убитый вид Деи.

Как же мне было сложно выдавить из себя обычную фразу. Было сложно просто сказать ей, что не находил покоя без неё, что ни одного дня не провёл вдали, не думая и не вспоминая её. Что в этом было такого сложного – я не знаю. Но я, как идиот, стоял молча и смотрел, как она без остановки плакала, всё ещё надеясь услышать от меня хоть какую-то тёплую фразу. В этот момент из кухни вышел Халим и подошел к нам. Взглянул на страдающую Дею, он сказал ей:

– Да хватит тебе плакать. Брат любит тебя. Просто он немного тупой в этих вопросах и не может говорить прямо.

– Спасибо, – злобно взглянув на друга, ответил я.

– Не за что, обращайся. Ладно, пойду на стол накрою, а

вы скорее заканчивайте, а то у нас ещё дел много.

Сказав это, Халим улыбнулся Дее и поспешил на кухню к Виславу и маме. Я, закусив нижнюю губу, посмотрел на девушку и осторожно вытер ей глаза рукой.

– Не плачь. Я вернулся сюда, чтобы закончить начатое и забрать тебя.

– И я снова должна поверить тебе?

– Конечно, ты же любишь меня, – ответил я и улыбнулся.

– А ты меня?

– Ну, и я тоже.

– Господи, тебе так сложно сказать, любишь ты меня или нет? Ладно, я пришла просто отблагодарить тебя за избиение Фархада. Мне приятно, что за столько лет хоть кто-то дал ощутить ему ту боль, что он нанёс мне. Спасибо ещё раз. Мне пора.

Схватив девушку, я прижал ее крепко к своей груди и поцеловал в голову. Вдохнув аромат её волос, я снова почувствовал себя сильнее и счастливее.

– Какая же ты глупая, Дея, – говорил я, не переставая нюхать её голову. – Слово «люблю», которое ты так от меня ждёшь, не передаст всего того, что моё сердце испытывает по отношению к тебе. Тут не любовь, тут нечто большее. Ты просто нужна мне, без тебя я неполноценен.

Девушка затихла, внимательно слушая меня и стараясь не перебивать, чтобы не испортить мой романтический настрой. Разжав руки и отпустив Дею, я взял её рукой за подбородок и, слегка приподняв, чтобы она подняла голову ко мне, улыбнулся ей и сказал:

– Знай, что при тебе я говорить не могу только потому, что с тобой начинает говорить моё сердце.

– Неужели я услышала такое от тебя? – сверкая глазами и не отрывая от меня взгляда, спросила Дея.

– Услышала. И желательно запомни, потому что больше я того не скажу. Сейчас просто момент такой.

Девушка улыбнулась мне, дав понять, что я прощён. Я осторожно нагнулся к её губам. Дея потянулась вверх, чтобы мне легче было её поцеловать. Я резко облизал её губы, проведя языком по всей щеке, и укусил её за ухо.

– Господи, Амид! – неожиданно выкрикнула девушка и, толкнув меня в грудь, посмотрела назад. – А вдруг кто-нибудь увидит? Мать в конце концов дома.

Я, не прекращая, улыбался девушке, и снова потянул её к себе. Вдруг входная дверь раскрылась с таким грохотом, что казалось – она с петель слетит. В зал влетел никто иной, как долгожданный дядя. Увидев его, я тут же отодвинул от себя Дею и с улыбкой выкрикнул:

– Ну, надо же! Какие люди?

– Ты что с Фархадом сделал? – грозно спросил мужчина и посмотрев на Дею, выкрикнул. – А, ты, бесстыжая, даже не стесняешься приходить после всего сюда?

– Эй, потише. Не со своей работой говорите, дядя.

– Я знал, что ты не протянешь долго. Амид, ты чертовски предсказуем. Но кажется, ты давал мне слово. Не забыл?

Мама, Халим и Вислав внимательно слушали Мутамида, стоя в коридоре за его спиной.

– Я прекрасно помню своё слово, и я его сдержу. Вот толь-

ко и у меня к вам есть один вопрос.

– Слушаю, – погладив свою бороду и сияя от счастья, весь в предвкушении моей смерти сказал дядя.

– Я с разрешения Майры раскопал свою, то есть Амида, могилу и был удивлён, не найдя там никакого тела. Не подскажите, куда Вы дели племянника?

– Пф, – иронично произнёс муфтий. – Он был так обезображен, что нам нечего было хоронить.

– Что, даже костей не осталось? Хотя что-то в могиле мусульманина лежать должно, – резко выйдя в зал, возмутился Вислав.

– Меня ещё какие-то христианские псы не учили, что должно быть в могиле у мусульманина, – грубо ответил доктору дядя.

– Ничего, я привык, что тут не все любезны к приезжим. Но что Вы скажите на то, что у двух других трупов было множество переломов? Кажется, они от огнестрельного погибли? – приподняв бровь, пытался наконец поймать дядю Вислав.

– Кто тебе дал право разорять могилы? Ты знаешь, что я сейчас с тобой по закону сделать могу? – сквозь зубы злобно произносил дядя.

– Ответь ему, Мутаид, – не выдержав, выкрикнула мама.

Дядя развернулся назад и, посмотрев на строгий вид Майры, убрал руки за спину и сказал:

– Твоих детей и моих любимых племянников придавило камнями, Майра. Это – война, и там были взрывы. Амид напоминал фарш, а двоих других хоть как-то удалось сохранить. Я понимаю твою боль и нежелание верить во всё это. Но пойми, это так...

Услышав это, я и Вислав переглянулись, понимая, что муфтий снова выкрутил в свою пользу, а мы вышли виноватыми. Развернувшись к нам, дядя улыбнулся и сказал:

– Сегодня ты так меня обрадовал своим поведением, что я даю тебе последнюю ночь провести с родными. А завтра ты ответишь за все свои поступки перед народом, на площади, как мы и договаривались.

– А ты, – обратился дядя к доку, – скажи спасибо, что мне сейчас не до тебя и что я не высеку тебя за подобное

правонарушение вместе с Амидом.

– Мира вам и вашему дому, – всё так же с радостью попрощался с нами муфтий и поспешил уйти, закрыв за собою дверь.

– О, Аллах..., – простонала мама. – Он убьёт моего сына?

– Успокойтесь, Госпожа. До завтра мы что-нибудь придумаем.

– Беги, Амид, – выкрикнула Дея. – Другого выхода нет. Тебе надо скрыться отсюда как можно быстрее.

– Может, муфтий действительно ни в чём не виноват, – с грустью произнёс Вислав.

– Виноват, – возмутилась Майра и подошла к нам. – Я уверена в том, что он всё наврал. Прошу Вас, доктор, сделайте что-нибудь. Сколько это беззаконие будет продолжаться?

– Эй! – раздался крик Лании в коридоре. – Что тут происходит? Почему возле нашего дома ходят люди в форме?

– Он выставил охрану, – качая головой, говорила мама. – Что нам делать?

– А что происходит? – войдя в зал, поинтересовалась сестра. – В больницу Абдула привезли, но он потребовал вернуть его к нам.

– Как это? Но ему нельзя, он должен был долечиться, – возмутился Лании Вислав.

Я вышел из зала и, никого не слушая, вошёл в свою спальню. Подойдя к окну и отдернув штору, я увидел мужчину в форме и с оружием в руках, который караулил окна, чтобы я вдруг не выскочил. Постепенно я начал понимать, что всё это не было игрой и меня действительно отведут на смерть. А что после смерти нас ждёт – одному Богу известно. За столько лет мной впервые овладел страх. Оперевшись руками на подоконник, я опустил голову и посмотрел на надпись.

– Он демон... – произнёс я сам себе. – Только кто он? Кого ты имел ввиду, Амид? Того парня в мешке? Так он сам не знал, что от меня хотел и вечно на дядю ука...

И тут, резко замолчав, я задумался. Ещё раз внимательно посмотрев на надпись, я тут же вспомнил слова пастуха, что просто так ничего не бывает. Каждый необычный случай нужно сто раз обдумать, пока не поймёшь его значение. Вспоминая, как неизвестный прыгал с обрыва в залив, а по-

том я и сам ощутил запах цветущих водорослей на кладбище, я резко ударил кулаком по подоконнику и сказал:

– Конечно, демон Амида и есть Мутаид.

– Что случилось? – войдя в комнату, спросил Халим. – Аллах, он что под каждым окном охранника поставил?

– Амид что-то знал о дяде! – схватив друга за футболку, выкрикнул я. – Вот почему он был нервным за две недели до пропажи, а через время его поисками занялись братья, и также пропали! Амид считал его демоном и написал это на своём подоконнике.

Ничего не понимая, брат вытянулся и внимательно взглянул на надпись. Я выбежал в зал и спросил у мамы:

– Вы сказали, что отец покончил с собой. Но как он это сделал?

– Скинулся с обрыва, – растерянно ответила Майра.

Вислав и Лания стояли рядом и внимательно слушали меня.

– Скинулся с обрыва, который у залива? Там, где эти

огромные камни?

– Ну да, – пожимая плечами отвечала мама.

– Ты сказал, что кости отца переломаны подобно костям двух сыновей, верно? – обратился я к доку.

– Да, переломы похожи. Я бы не утверждал, что они погибли от взрыва какого-то здания. Больше это похоже на неудачное падение, – отвечал док. – Тебе что-то удалось разузнать?

– Да. Помнишь человека, который просил меня проверить могилу? Так вот он сказал мне, что ты должен обыскать дом муфтия.

– Амид, я как бы не хочу мешать твоим размышлением, но кто этот человек? Может, ты познакомишь нас?

– Завтра, когда меня поведут казнить, ты должен будешь с полицией стоять у дома дяди. Когда все соберутся на площади, у тебя будет возможность зайти в его дом и обыскать там всё.

– Стой-стой, – поставив руки на пояс, пытался понять меня Вислав. – Сначала назови причину, почему я обязан обыс-

кать его дом?

– Там есть ответ на все наши вопросы.

Дея и мама держались за руки, сидя на диване, и с надеждой смотрели то на меня, то на доктора. Лания и Халим так же стали плечом к плечу и слушали наш разговор.

– Во-первых, я не имею прав на обыск дома муфтия. Во-вторых, я должен хотя бы знать, зачем я так рискую жизнью, и что должен там искать?

– Что? – возмутился я. – Я иду на казнь, Вислав, казнь, понимаешь? Меня убить завтра должны, а ты боишься выполнить мою последнюю просьбу? Я не знаю, что ты там должен найти. Но там что-то есть, что позволит нам поставить точку в делах дяди и закрыть эту контору суда. В городе наконец должна заработать полиция, чтобы тут больше никто не пропадал, не умирал от плетей и камней.

– А что, если он ничего там не найдёт? – перебил меня Халим. – Вдруг всё безуспешно? Ты понимаешь, что ты уже будешь стоять на пощади и дороги назад не будет?

– Значит, такова воля Всевышнего. Значит я сюда пришёл, чтобы ни черта не узнать и сдохнуть.

Дея прижалась к Майре и заплакала, а Вислав всё ещё смотрел куда-то на пол и пытался что-то придумать.

– А что, если доктор все-таки найдёт там что-то? – прервав всех, поинтересовалась Лания.

– Если я смогу найти то, что докажет мне и полиции, что кади не имеет права являться кадием, то мы все выйдем на площадь и остановим твою казнь. Конечно, от нарушения порядка законов шариата я тебя не спасу, но хоть дам возможность сбежать из этого города.

Халим и сестра переглянулись. Мама встала с места и, подойдя к доку, сказала:

– Вы понимаете, что этим поступком спасёте не только жизнь моему сыну и Дее, но и всем, кто тут живёт? Вы вернёте нам справедливость, которая ещё хоть как-то существовала раньше, а сейчас навсегда пропала для нас.

– Я постараюсь сделать всё, что в моих силах. Тяните процесс казни как можно дольше. Мне нужно будет время, чтобы хорошенько проверить каждый миллиметр его дома. Если вдруг я не успею....

– Даже если меня убьют, – прервал я дока, – всё равно не спеши возвращаться. Ищи, пока не найдёшь хоть что-то, что доказывает причастность дяди к смерти его племянников.

– Хорошо, Амид, я сделаю всё, что в моих силах.

Пожав мне руку и кивнув женщинам и Халиму, док поспешил уйти. Посмотрев, как он покидал наш дом, я крикнул:

– Обязательно обыщи его кабинет. У него есть библиотека, осмотри там всё. Ножик старшего сына я нашёл именно в его библиотеке.

Вислав улыбнулся мне и, покинув наш дом, ушёл.

Глава 13. Казнь

Весь вечер мы провели дома, стараясь не попадаться на глаза соседям, которые уже подняли бунт на улице и выясняли, заслуживаю я смерти или нет. Люди делились на «за» и «против». Кто-то с пеной у рта доказывал, что с моим приходом жизнь стала только хуже и на улицах – полный беспредел. Кто-то набрался смелости и делал выговор дяде, который, кроме страха, больше ничего в городе не посеял. Эти

люди говорили, что только я смог заставить людей не бояться муфтия.

Я лежал в своей комнате и слышал все эти возгласы. Дея так же боялась выйти на улицу, поэтому осталась ночевать у нас. Мне хотелось закрыть глаза и представить, что всё это – сон. Сон, который скоро кончится, и я буду жить в радости и счастье вместе с Деей, навещая свою маму и братьев с сестрой. Да, именно с такими мыслями меня резко разбудил Халим. Открыв свои глаза и увидев друга, я встал с кровати и сел ровно. Напротив меня сидел лысый и в не очень хорошем состоянии Абдул. Увидев друга, я тут же прыгнул к нему и крепко обнял.

– Брат мой, как я рад тебя видеть, – сказал я и взглянул на жуткие мешки под глазами друга. – Но что ты тут делаешь?

– Я вчера узнал обо всём, – еле слышно говорил Абдул. – Разве я мог не приехать сюда и не увидеть тебя?

– Тебе нужно лечение. Моя смерть не стоила этого, друг мой.

– Я буду молиться, чтобы ты выжил, Амид. Мулла Алим будет со мной рядом, и мы будем верить в твою победу.

Я ещё раз крепко обнял своего брата и, встав с места, посмотрел в окно.

Наступило утро того самого дня, когда за мной должны прийти и потащат на площадь. Я с грустью посмотрел на Абдула и Халима. Заметив, что ребята совсем без настроения, я улыбнулся им и пошёл в душ. Мама, сестра и Дея нарядились в светлые платья, красиво собрав свои волосы и надев нежных тонов косынки. Сестра накрывала на стол, а Дея варила кофе. Мама подошла к окну и, посмотрев на вооружённых людей, сказала:

– Собаки! Так стоят, будто великого преступника задержать должны.

– Вся надежда на Вислава, – сказала Дея, разливая из турки кофе в чашки. – Будем молить Всевышнего, что мы не ошиблись, считая муфтия извергом, и удача нам улыбнётся.

– Аминь, доченька, аминь.

Я закончил купаться и приступил к бритью бороды. Сделав себе красивой формы щетину, я в последний раз взглянул на себя в разбитое зеркало и вышел из ванной. Зайдя в комнату, я сел на кровать и посмотрел на своих братьев. Халим обнимал Абдула и о чём-то говорил с ним, периодически

ски улыбаясь и толкая друг друга по плечу. Взглянув на столик, который стоял под подоконником, я увидел белую рубашку со светло-серыми штанами. Схватив их и посмотрев на Халима, который перестал улыбаться и толкаться с Абдулом, я спросил:

– Это что? Меня к смерти готовят?

– Нет, просто в этом не так жарко будет тебе... – продержав паузу, ответил друг и виновато повесил голову.

– Шикарно, – улыбаясь и с обидой смотря на белые вещи, сказал я. – Если так, значит так.

Я надел белоснежную рубашку, застегивая каждую пуговицу, не отрывая взгляда от окна. Надев штаны, я поставил руки на подоконник и молча смотрел на надпись.

– Покажись мне, брат, – тихо произнёс Абдулл.

Меньше всего у меня сейчас было желание красоваться перед друзьями, но больному человеку не откажешь. Я отошёл от окна и, подойдя к другу, встал перед ним ровно.

– Даст Аллах, ты придёшь туда в белом и уйдёшь таким же чистым, не запачкав себя.

– Аминь, мой брат.

– Главное, не переживай, – встав с места, сказал Халим.

– С чего ты взял, что я переживаю? Я верю, что Вислав успеет и сможет что-то найти.

Девушки накрыли столик в зале. Я и Халим помогли посадить Абдула на диван. Сестра и Дея сели рядом с ним и молча смотрели каждая в свой стакан. Я с мамой сидел на ковре на полу. Мы тоже молчали и ничего не говорили. Как на зло, время пролетало быстро, лучи солнца играли тенями на окнах, а мы всё продолжали молча сидеть, каждый что-то думая про себя. Дверь дома кто-то открыл, и мы все замерли, подскочив с места. В зал вошёл мулла Алим и, улыбнувшись, спросил:

– Ас-Салям Алейкум, как себя чувствуете, Госпожа?

– Ва Алейкум Ас-Салям, Алим, – ответила мама, приглашая гостя за стол. – По воле Всевышнего, все хорошо у нас.

– Я пришёл побыть с вами и поговорить.

– Конечно, садись, Алим.

Мулла пожал мне руку и, внимательно рассмотрев мою белую рубашку и штаны, пошёл здороваться с Халимом и Абдулом.

– Можешь рассказать, как это всё проходит? – спросил я Алима.

– Господин Мутамид, а по должности он ка;ди, является главой мусульман города и вершащий правосудие на основе шариата. Он выслушал обе стороны, Фархада и Дею, а также свидетелей.

– Меня он не выслушивал, – возмутился я. – Это уже нарушает закон.

– Разве ты не при Фархаде пожал ему руку? – поинтересовался мулла.

– Да...

– Ты сам дал согласие на свою казнь, Амид. Люди соберутся на площади, куда тебя приведут и выполнят хадд. Делается это публично во благо обществу. Будут высекать плетью или палками, как решит Мутамид. По законам шариата, за твой грех тебе грозит от сорока до ста ударов. Твоя одежда

не должна смягчать твою боль. Когда тебя высекут, ты обязан покаяться и искупить свою вину.

Я всё это слушал и старался держать себя непоколебимо, хотя в душе нарастала паника. Я не боялся получить эти дикие удары и порадовать жестокую публику. Больше всего я боялся, что моя смерть будет бесполезной...

– Удары не должны быть слишком сильными, – продолжал знакомить меня с правилами хадда мулла. – Удары не должны убить тебя или повредить твои внутренние органы, но..., – глубоко вздохнув и с сожалением посмотрев на меня, продолжил Алим, – если выйдет так, что ты всё же скончаешься от ударов, то твоя мать и ребенок получают возмещение из общественных средств.

– Это всё? – поинтересовался я.

– Да, это всё. Мы с Абдулом будем молиться за тебя. Надеюсь, ты вынесешь это наказание достойно и вернёшься к нам живым.

– А Дею когда казнят? – резко спросила Лания.

– Дочка, какая тебе разница? Не переживай. Если, не дай Аллах, дойдёт и до нее, то мы увидим, – возмутилась Майра,

строго посмотрев на дочь.

– С Госпожи Деи наказание сняли до окончания её родов и кормления ребёнка.

Халим, Абдул, а также мама с сестрой с удивлением посмотрели на Дею.

– Как это? – слегка улыбнувшись, спросила мама. – У вас с мужем получилось? О, Аллах, какое же горе на ваши головы...

– Нет-нет, – перебила Дея. – Мой муж бесплодный и...

– Я думаю, не стоит это обсуждать, – резко сказал я, не дав девушке договорить. – Надеюсь до этого не дойдёт.

Братья, мама и сестра находились в каком-то замешательстве, не зная, радоваться этому или жалеть нас. Через время на улицах раздался шум. Были слышны разговоры людей и выкрики соседей.

– Что это? – насторожившись, спросил Халим.

– Народ требует суда, – ответила мама. – Значит, скоро все будут желать видеть Амида и наказание, которое выдвинет

ему Мутамид.

– Время пришло, да? – поинтересовался я, внимательно смотря на дверь.

– Не переживай, Амид. Не забывай, что Вислав тоже делает своё дело.

– Какое дело? – спросил мулла, подсев к Абдулу и помогая ему выпить воды.

Мы ничего ему не ответили и все встали со своих мест, кроме Абдула и Алима. Толпа людей за окнами шумела всё громче. Я стоял и ждал, что вот-вот дверь откроется и за мной придут.

– Дея, можно тебя на минуту, – сказал я девушке, выйдя из зала и войдя в свою комнату.

Дея пошла за мной и, прикрыв дверь, крепко обняла меня за талию.

– Не переживай, всё будет так, как ты задумал.

– Если вдруг Вислав не успеет спасти меня, ты без разговора будешь его слушаться и уедешь отсюда, поняла? – спро-

сил я, внимательно смотря на Дею.

– Но как же...

– Дея, он тебя спасёт от казни, спрячет где-нибудь в Европе.

Девушка грустными глазами взглянула на меня. Я снова крепко обнял её и поцеловал в лоб. Нашу идиллию прервал резкий стук в дверь. Мы с Деей переглянулись и тут же вышли из спальни. В коридор вошли двое мужчин в форме и с оружием. Внимательно посмотрев на меня, один из них сказал:

– Амид? У нас приказ задержать Вас и провести до места...

– Знаю-знаю, – прервал я худого мужчину. – Я готов. Мы можем идти.

– Поднимите руки вверх, я осмотрю вас, – продолжил мужчина, подойдя ко мне и хлопая ладонями по всему телу.

Я с иронией посмотрел на него и улыбнулся. Халим стоял рядом со мной и так же следил за действиями этого «спецагента». Убедившись, что я чист и в моих карманах нет ни-

каких опасных предметов, мужчина продолжал строить из себя серьезного человека и сказал мне:

– Протяните руки, я застегну наручники.

– Что?! – в один голос возмутились мама и Халим.

– Зачем наручники? – переспросил я. – Я же не убийца. Меня судят за прелюбодеяние.

– Это приказ кади. Его решения не обсуждаются. Протяните руки, – повторил мужчина, заехав кольцом наручника мне по кисти и крепко замкнув его.

– Псы трусливые, – недовольно произнесла Майра.

Мужчины злобно посмотрели на женщину, но ничего ей не ответили. Один пошёл вперёд. Второй, схватив меня под локоть, вышел вместе со мной на улицу. Мама, Лания, Дея и Халим направились за нами, а Абдул и Алим грустно переглянулись и решили приступить к молитве, чтобы не терять ни минуты.

Спустившись с крыльца, я слегка был в шоке – во дворе собралось большое количество людей. Даже женщины, которые не особо-то и любили выходить из своих домов, тоже там

были. Желание увидеть, что меня наконец задержали, оказалось у каждого настолько велико, что складывалось впечатление, будто все жители города без исключения собрались посмотреть на моё наказание. Впереди меня шли двое мужчин с оружием, со мной рядом шёл один, а сзади – ещё трое мужчин с оружием. Я ощутил себя героем настоящего экшен-фильма. Все было бы круто, если бы не оказалось так печально. На самом деле я был в наручниках и меня вели на место суда, откуда я мог больше не вернуться живым. Проходя по двору и стараясь держать себя статно и не смотреть по сторонам, я почувствовал, что тропа всё сужалась, а люди что-то выкрикивали, не давая мужчинам в форме спокойно проводить меня до площади.

– Урод! Давно пора было его казнить! – кричал кто-то из толпы.

Сопровождающая меня охрана ничего не говорила и не реагировала на возгласы народа, стараясь быстрее увести меня с места давки. Неожиданно кто-то швырнул мне в лицо пачку сигарет. Я дернулся и развернулся. Если бы не наручники, я убил бы того, кто это сделал. Но это разозлило толпу ещё больше, и люди начали толкаться. Крики, шум, пыль, ничего непонятно.

– Фу-у-у-у, – стонали некоторые в толпе.

– Чтоб ты сдох, проклятый террорист! – выкрикнул кто-то.

Люди шли рядом и старались плевать мне под ноги, проявляя этим свое отвращение. Халим, мама с сестрой и Деей шли молча, с ужасом наблюдая за реакцией людей. Наконец мы вышли со двора и направились к площади. Неожиданно из толпы вылетела какая-то женщина и стала кричать:

– Труссы! Предатели! Он помогал нам, а вы так отблагодарить его решили?!

Охрана тут же увела её с нашей дороги, а я увидел рожу мясника и Гуафара. Мужчины шли напротив меня и наслаждались моим униженным видом.

– Отпустите его! – выкрикнул какой-то мужчина. – Он более справедлив, чем ваш кади!

Весь этот шум сводил меня с ума, но я не подавал виду и шёл гордо, не реагируя на противные выкрики народа и плевки под свои ноги. Наконец мы дошли до какого-то места. Люди тут же встали в круг и продолжали кричать и возмущаться в мой адрес. Двое мужчин провели меня в центр круга и встали по бокам, внимательно смотря вперёд на кади

Мутамида. Увидев дядю, я встал ещё более ровно и с интересом следил за ним. Пустынная арена совсем не напоминала площадь города, а скорее наоборот. Кругом какие-то пустыри, сухая земля и горки песка. Открытый шатёр, внутри которого стоял письменный стол и за которым сидел дядя, двое каких-то людей в форме и мужчина, одетый, как Мутамид – в халате и с чалмой – перекатывал в руке шарики от чёток. Увидев, что вокруг столпилась толпа галдящих людей, а в центре появился я, муфтий улыбнулся и, встав с места и выйдя из шатра, крикнул:

– Ас-Салямун Алейкум, всем пришедшим сюда. Как видите, для меня порядок и закон нашего города куда важнее, чем собственные родственные узы.

Люди постепенно стали затихать, стараясь выслушать патристическую речь кади. Майра, Лания, Дея и Халим встали чуть левее от шатра дяди и с сожалением смотрели на меня, стараясь подбадривать своей неестественной улыбкой. С другой стороны, от Мутамида стоял избитый Фархад, мясник и Гуафар. Осматривая всю толпу, я заметил, как, пряча своё лицо за косынкой и плача, стояла Синем, прижимая к себе Мервана. Увидев паренька, я улыбнулся ему. Мерван, сдерживая себя от слез, так же смело кивнул мне.

– Я старался быть справедливым, – продолжал выкрики-

вать дядя. – Я не хотел допустить, чтобы настал тот день, когда кто-то из моего рода посмеет опозорить меня, но видит Аллах... Я такой же человек, как и вы, а значит – я тоже где-то оступился, чем и разгневал нашего Создателя. И вот теперь перед судом стоит никто иной, как мой племянник. Я рассмотрел его дело, выслушал обе стороны, принял жалобы от соседей и защищать его не имею права. Сегодня Амид ответит за все свои грехи не только перед Аллахом, но и всеми нами. И пусть каждый, кто пытался взять с него пример, увидит, чем это может обернуться.

Слушая всё это, Дея начала плакать, крепко сжимая руку Майры, а Халим всё смотрел на меня, каждый раз стараясь улыбнуться, чтобы хоть как-то поддержать меня. Я даже не слушал, что говорил дядя, а только щурил глаза от солнца и смотрел вдаль на проезжую часть. Я надеялся, что Вислав и полиция вот-вот появятся. Но доктора не было видно, и чем он был занят – я и не знал. Конечно, хотелось верить, что он уже спешит на место казни с найденными уликами против Мутамида.

В то время, пока меня выводили из дома и вели к площади, док уже с командой полицейских сидел у дверей дома дяди. Взглянув на свои наручные часы, Вислав вышел из-за дерева и, поднявшись по ступенькам, позвонил в золотой дверной звонок. Дверь открыла жена дяди, как всегда, в кра-

сивом хиджабе и с приятной улыбкой на лице.

– Мира Вам и Вашему дому, – поздоровался Вислав. – На основании судебного решения мы вынуждены провести обыск вашего жилья.

– Чего? – удивилась женщина. – Какого ещё судебного решения? Мой муж не предупреждал меня о таком.

– Естественно, ведь это не ваш суд решает.

– Вы имеете соответствующие полномочия? Покажите мне ваши документы.

– Конечно, – ответил док, вынув из кармана свои документы и протянув их женщине. – Если Вы не против, то мы осмотрим Ваш дом.

– Нет, – резко ответила хозяйка, стараясь закрыть дверь. – Без присутствия мужа и адвоката я Вас не впущу.

– Простите, но я не могу ждать прихода Вашего мужа или адвоката.

– Я сказала: «НЕТ». До свидания! – недовольно выкрикнула хозяйка и поспешила захлопнуть дверь перед носом до-

ка.

Понимая, что дама тянет время, Вислав рисковал тем, что меня вот-вот убьют. Каждая минута была драгоценна. Не дав женщине закрыть дверь, док со всей силы ворвался в комнату и прижал хозяйку к стене.

– Что Вы делаете?! – перепугано закричала женщина, смотря как в дом вошли трое полицейских и двое понятых. – Да вы с ума сошли?! Я сейчас же вызову охрану!

– Замолчите! – не выдержав, крикнул на хозяйку Вислав. – Вы пойдёте со мной и покажите кабинет мужа. Остальные – обыскивайте каждый угол дома, осматривайте всё, что покажется вам странным и подозрительным.

Мужчины кивнули следователю и поспешили осматривать каждый сантиметр дома, стараясь что-то там найти. Понятые следили за всем происходящим, передвигаясь за каждым из сотрудников.

– Где его кабинет? – спросил Вислав, крепко держа девушку за руку. – Лучше не сопротивляйтесь и показывайте всё мне.

– Его кабинет всё равно заперт. Ключи он хранит в мече-

ти. Можете побежать туда и поискать их там, – недовольно отвечала хозяйка.

– Я и без ключей открыть смогу. Веди меня туда.

Женщина недовольно выдернула свою руку из лап следователя и пошла вперёд.

Я тем временем стоял в центре дикой толпы людей и с надеждой высматривал Вислава.

– Пострадавший Фархад, – продолжал дядя выкрикивать людям, – пожелал должного наказания для совей жены Деи и её любовника Амида. Но, как выяснилось, Дея находится в положении и её наказание состоится только после родов.

– А его наказать не надо?! – развернувшись к дяде, выкрикнул Халим. – Он постоянно бил несчастную за бесплодие. А выяснилось, что он сам бракованный. Где же Ваша справедливость?

– Будь добр, – недовольно, но стараясь улыбаться людям, говорил муфтий, –закрой свой рот. Этот вопрос мы решим в другой раз. А сейчас мы рассматриваем другое дело.

– Тогда она хорошо сделала, что изменила! – смело вы-

крикнул Халим и отвернулся.

Некоторые люди в толпе резко засмеялись, а кто-то ещё больше разозлился, желая скорее увидеть мою порку. В то время, пока мы слушали речь дяди, его жена подошла к кабинету и, повернувшись к Виславу, сказала:

– Давайте так сделаем. Я не скажу мужу, что Вы приходили, а Вы и Ваши люди сейчас же покинете наш дом.

– Вы будете ставить мне условия? Открывайте дверь.

– Я же сказала, она заперта, и мой муж храни...

Не дав ей договорить, док моментально вынул пистолет и тремя выстрелами в дверь выбил замок. Женщина зажала свои уши и, наблюдая за тем, как док кинулся к письменному столу и всё там тщательно осматривал, выкрикнула:

– О, Аллах! Да вернется Вам ещё всё это! Я хотела по-хорошему, но Вы не послушали меня! Вы будете гнить в тюрьме, запомните это!

Но следователь не слушал её и, перерыв весь письменный стол, резко замер, стараясь понять, что именно ему следует искать. В этот момент к Виславу подбежал один из понятых

и тихонько на ухо сказал:

– Господин, мы обыскали несколько комнат, всё чисто, никаких зацепок.

– Значит плохо ищите! – возмутился док, ткнув пистолетом в грудь понятого. – От нашей работы зависит жизнь человека. Мы должны, не останавливаясь, всё осматривать.

Мужчина кивнул доку и вышел из кабинета. Вислав протер рукой свой вспотевший от переживания лоб и взглянул на ещё одну дверь в комнате. Подойдя к ней и дернув за ручку, он спросил хозяйку:

– Там его библиотека?

– Давайте так, – снова старалась вразумить женщина следователя. – Скажите хотя бы, что Вы ищите. Может я сама Вам дам это?

– Да? – улыбнулся ей док. – Тогда скажите, что он скрывает в своей библиотеке?

– Да ничего там нет, кроме кучи пыльных книг!

– Пыльных? – переспросил Вислав. – То есть он не поль-

зуются ими, а в кабинет заходит часто? Открывайте дверь.

– У меня нет ключей, они все в мечети! Умоляю, уберите из нашего дома. Это всё противозаконно!

Но док снова не послушал просьбы жены муфтия. Прострелив дверной замок, он ворвался в маленькую комнату, где стояли огромные стеллажи, от пола до потолка заставленные книгами. Вислав осторожно рассматривал наличие пыли на каждой книге. Пока док тянул время с поисками хоть каких-то, но улик, я уже плавился на солнце, слушая длинную и скучную речь дяди. Мутамид взглянул на мужчин, которые стояли рядом со мной, и махнул им рукой. Палачи, не теряя времени, кивнули муфтию и тут же размотали плети, прикрепленные к их ремням на брюках.

– Постановлением суда, – выкрикнул дядя, – Амиду было решено вынести наказание ста ударами плетьюми.

Майра резко улыбнулась и с ненавистью взглянула на Мутамида. Дея всё не могла успокоиться, вместе с Ланией прижимаясь к плечам мамы. Халим заметно разнервничался и, подойдя ближе к матери, спросил:

– Что-то Вислава нет, а уже объявляют о количестве ударов. Может вмешаться, потянуть как-то время?

– Не надо, сынок. Всё будет так, как должно быть. От Аллаха ничего нельзя скрыть. Люди врут и не боятся того, что их враньё рано или поздно раскроется. Всё, что скрыл от человека, от Божьих глаз не утаить. Можно прожить с враньём пол века, а после – за ложь жестоко заплатить.

– Ин Ша Аллах, мама, – с грустью ответил Халим и взглянул на меня.

Я увидел опечаленный взгляд своего брата и моргнул ему, чтобы тот не смел раскисать. Я посмотрел на Мервана, и заметил, что парень пристально кого-то разглядывает в толпе. Развернувшись, я увидел Хасана. Он с каким-то другом молча стоял и внимательно рассматривал меня. Как же мне тогда хотелось его убить! Больше всего на свете я ненавидел трусов, предателей и крыс. Это, наверное, единственный тип людей, которых я готов живьём пытать часами, а потом с наслаждением смотреть, как их тела растворяются в бочке с кислотой. Хасан увел от меня свой взгляд в сторону дяди, будто по глазам понял, о чём я думал.

– Есть ли тебе что сказать Фархаду и своей матери, перед тем, как тебя накажут? – выкрикнул мне дядя, с желанием скорее закончить болтовню и приступить к делу.

– Есть, – наконец-то ответил я и заметил, как люди в толпе затихли, с интересом слушая, что же я скажу.

– Говори, мы слушаем, – недовольно сказал дядя, внимательно наблюдая за мной.

Надо было что-то придумать, потому что Вислава всё ещё не было, а моё время заканчивалось. Опустив голову и смотря на свои наручники, туго закреплённые на руках, я старался придумать длинную речь. Люди начали шуметь, что-то недовольно обсуждая между собой.

– Амид! – выкрикнул дядя. – Либо ты говоришь, либо мы приступаем к наказанию.

Мама и Халим развернулись в сторону дороги, с надеждой высматривая Вислава. Понимая, что никто не едет, Майра посмотрела на меня опечаленным взглядом и постаралась сделать глубокие вздохи, чтобы не расплакаться перед всеми.

– Молитесь те, кто меня предал, чтобы сегодня тут скончался я, – ответил я дяде и посмотрел в сторону Хасана. – Ибо если я выживу, вам уже ничто не поможет....

Люди стояли молча, ожидая, что я ещё что-либо скажу.

Но я молча сверлил взглядом Хасана, который уже не знал, куда себя деть от страха. С такой же ненавистью я взглянул на Фархада, а потом на дядю. Мутамид лишь улыбнулся и сказал:

– Ну, что же, это было твоё слово, Амид. Надеюсь, твои предатели услышали тебя.

Муфтий кивнул мужчинам, стоящим возле меня, а сам сел на пластмассовый стул. Какой-то религиозный деятель тоже сел возле дяди на такой же стул и с огромным удовольствием ждал момента долгожданной порки. Человек в форме поставил свою руку мне на плечо и надавил на меня, чтобы я присел. Не понимая, что он делает, я отошёл от него, но второй палач тоже подошёл ко мне и начал давить на моё плечо.

– Да что вы делаете? – возмутился я, крепко держа себя на ногах.

– Садись на колени, – грозно сказал мне мужчина.

– Размечтался, – недовольно ответил я, стараясь отталкивать от себя мужчин.

Дядя не выдержал этого спектакля и возмущённо крикнул:

– Прекратите! Приступить к наказанию!

Мужчины остановились и, переглянувшись друг с другом, отошли от меня и выпрямили свои плети. Я встал к ним спиной, гордо выпрямив спину и посмотрел на Дею. Это единственное, что мне хотелось сейчас перед собой видеть. Вислава всё так же не было, а я не терял надежды, что он вот-вот появится. Улыбнувшись любимой девушке, я поднял свои закованные в наручники руки и отправил ей воздушный поцелуй. Дея тут же сквозь слёзы улыбнулась мне, стараясь повторить такой же жест.

Неожиданно по моей спине со всей силы заехали плетью. Я еле сдержал свой крик, плотно сжав губы. Как же это было больно! Но, как истинный мужчина, я постарался сдерживать боль в себе и не подать виду. Снова встав ровно и тяжело вздохнув, я посмотрел на Мутамида. Мужчина сидел в кресле и с таким возбуждением смотрел на меня, будто мои побои удовлетворяли его больше, чем голые женщины. По моей спине с новой силой раздался очередной хлопок. Сделав шаг вперёд, я глубоко вздохнул. Никогда не думал, что удары этими плетками приносили такую невыносимую боль. Встав на своё место и выпрямившись, я улыбнулся муфтию, стараясь показать, что мне совсем не больно. Но палачи тут же, один за другим, стали хлыстать меня по спине, пытаясь

выбить из меня крик о пощаде. Строить из себя супергероя долго не получалось. Не выдерживая адской боли и ощущения разрыва кожи на моей спине, я поднял голову в небо и, раскрыв рот, начал быстро дышать. Где же чёртов Вислав? Неужели ему ничего не удалось найти? Эти мысли посеяли во мне панику. Я начал осознавать, что все эти удары должна будет ощутить и Дея. Стараясь сдерживать в себе крик от боли, мои руки в наручниках начали судорожно дрожать, как и всё моё тело. Удар за ударом, абсолютно не щадя размаха и сил, палачи с огромным удовольствием продолжали обезображивать моё тело. Дядя смотрел на всё это с лёгкостью, с любопытством наблюдая, насколько у меня хватит выдержки.

Незаметно для собравшихся людей Мутамид махнул рукой палачам, будто дав им какой-то знак. Мужчины кивнули ему и одновременно, со всего размаха, ударили меня по икрам ног. Не выдержав, я проскочил пару шагов вперёд и упал на колени. Я пытался быстро встать, но моё тело так дрожало, что мешало мне подняться с места. Палачей это только обрадовало и, заметив мою беспомощность, мужчины тут же принялись хлестать меня по спине, абсолютно не выжидая никакой паузы. Сидя на коленях и упираясь дрожащими руками о землю, я начал дышать быстрее, понимая, что больше нет сил терпеть. Палачи не соблюдали нормы наказания и били меня беспорядочно, не обращая внимание на то, что

удары были уже не только по спине, но и по ребрам, животу, шее, ногам. Одежда и кожа разрывались везде, жестоко истязая моё тело. Заметя, что моя кровь уже стекает с плетей, мама подбежала к Мутамиду и, потянув его грубо за плечо, сказала:

– Что ты делаешь?! В тебе есть хоть капля человечности?!

– Успокойся, Майра, он сам дал на это согласие. Если не можешь это видеть, то иди домой.

– Не убивай его, Мутамид! Остановись, – заплакав сказала мама, закрыв свой рот рукой и громко разрыдавшись.

Брызги моей крови уже украсили не только сухую землю, но даже долетели до формы сотрудников, которые меня старательно били. Я сидел на коленях и дрожал от невыносимой боли, слушая, как мои наручники бились друг о друга, издавая раздражающий звон. Не выдержав, я закрыл лицо руками и закричал. Услышав мой вопль, дядя расплылся в улыбке и поднял руку вверх, ладонью к палачам, чтобы мужчины остановились. Майра села на землю за стулом дяди и, не переставая, рыдала, стараясь закрывать свои уши, чтобы не слышать меня.

– Поднимите его! – выкрикнул дядя.

Мужчины тут же схватили меня под локти и постарались поставить ровно на ноги. Я не убирал трясущихся рук от лица. Но палачи быстро опустили их вниз, дав дяде рассмотреть моё окровавленное лицо. Улыбнувшись мне, муфтий снова махнул палачам, и мужчины отошли от меня. Выпрямив свои плечи, они продолжили меня бить.

– Вот твари, а, – пробубнил Халим, обнимая Дею и Ланию. – Идите домой, дальше смотреть не на что.

– Господи, они убьют его, Халим, – рыдая в грудь брату, говорила Дея. – Сделай же что-нибудь.

– Что я сделаю? О, Аллах, я не знаю... – не выдержав и тоже прослезившись, ответил друг и прижал головы девочек как можно крепче к себе, чтобы они не видели меня.

Палачи били меня по рёбрам. Мне тогда казалось, что я не выдержу этих ударов. Сил стоять тоже не было. Снова рухнув на землю, я старался закрывать руками голову и лицо, так как побои пришлись мне и на затылок, и на лоб. Никогда не думал, что способен так сильно кричать. Мне стало жутко противно от себя, обидно и стыдно, что мою слабость увидели все те, кого я так ненавидел и те, кого я так стремился защитить. Ведь ни один человек не посмел выйти ко мне,

никто не пожелал хоть как-то выкрикнуть муфтию и попросить его прервать казнь. Люди боялись. Никто не хотел попасть на моё место, поэтому все молчали. Кто-то с удовольствием, а кто-то с сожалением смотря на меня. Трусость – самый большой враг человечества. Благодаря трусам многие войны были проиграны, а люди – подставлены. Теперь мне уже ничего не хотелось, кроме как поскорее сдохнуть, потому что ощущения, разрыва плоти и боли костей сводили меня с ума. Но больше всего мне не хотелось, чтобы это видели мои враги. Вислава нет, тяжело больной брат мой молился с Алимом в нашем доме, мама рыдала, спрятавшись за стулом счастливого кади, Дея, Лания и Халим обнялись, стараясь не смотреть на меня. Мерван и Синем так же вышли из толпы, присев на землю и тихо плача. Кто бы мог подумать, что так жалко, низко и не справедливо закончится моя история. Не выдерживая держать своё тело на коленях и упираться руками, я просто расслабился и рухнул лицом на землю. Моя белая одежда вся разорвалась, впитав в себя кровь от раскрытых ран на моём теле. Правый глаз так же залился кровью, мешая мне разглядеть паршивые рожи Фархада, мясника, Хасана...

Заметив, что я лежу без сил на земле, Мутамид снова протянул руку вверх, дав понять, чтобы палачи остановились и дали мне отдышаться. Дядя не хотел меня быстро убивать, ему хотелось мучить меня и потешить публику. В толпе мно-

гие выбегали, чтобы вырвать, но все могли смотреть на мой обезображенный вид. То, как я лежал на земле и как моё тело дёргалось, вызывало шок у впечатлительных. Они закрывали лица руками и убегали с места казни. Я лежал лицом в песке и пытался хоть что-то разглядеть своим одним, целым, глазом. Неожиданно возле меня появился Халим. Друг тихонько нагнулся к моему уху и спросил:

– Что мне сделать? Скажи мне, что я могу сделать?

Мне очень хотелось ему ответить, что Синем и Мервана избил именно Хасан, но моя челюсть так тряслась, что я ничего не смог произнести. Вращая глазом и видя, как моего брата схватили под руки и пытались выгнать, я постарался встать, но... Я и мое тело были уже две разные материи. Меня больше не было, тело убили. Остались только мой ум, душа и глаз, которым я вращал, как варан, стараясь хоть кого-то рассмотреть. Палачи оказались смелыми ребятами. Увидев, что дядя снова махнул им рукой, они решили не терять времени и добить моё лежачее тело.

Вот и конец моей истории. Не знаю, кому там в жизни помог Всевышний, кто получил знаки от Бога, кто сделал добро и ему воздалось, но в моём случае все эти сказки не подействовали. Может, я просто заслужил все это? Может, я действительно нехороший человек, и это моё наказание? С са-

мого детства я был наказан тем, что потерял семью, не имел дома, был вынужден воровать и ночевать на улицах. Я стал солдатом, я воевал и защищал свой народ. Я думал, что Аллах наградил меня за это, подарив мне кучу денег и маму с сестрой и братьями. Я даже на минуту поверил, что сумел влюбиться и найти себе жену. Но нет, всё это было очередным несчастьем, которым меня наградил Бог. Удар за ударом превращали мою спину в фарш. Я уже не мог ничего сказать, лишь издавал странный писк и медленно закрывал свой последний глаз. Уши не слышали, был только гул. Мне казалось, что я засыпаю.

Вот и всё. Ощувив, что мою щеку кто-то гладит, я еле приподнял веко и взглянул на человека, который сидел возле меня на коленях в мешковатой одежде и внимательно рассматривал. Улыбнувшись ему, я сам себе в уме сказал: «Снова пришёл посмотреть, как я умираю?» Незнакомец, поднял руки и, схватившись за края своего мешковатого капюшона, скинул его назад, показав мне своё лицо. Это был обычный парень, на вид мой ровесник, с какой-то неприятной отёкшей кожей, покрытой венами. С непониманием смотря на него, мне показалось, что он мило улыбнулся мне и кивнул, словно отблагодарив или пожелав удачи. Я не понял, но он был добр ко мне. Встав с места, он ушёл к людям, стоящим в толпе. Я видел лишь его босые ноги, которые вскоре исчезли из виду. Кто он? Что ему было нужно? Почему он улыбал-

ся мне сейчас, когда раньше пытался убить? Может, именно так выглядят ангелы смерти? Так я и умирал, рассуждая обо всём, что ещё мог обдумывать мой мозг. Даже не чувствуя, что меня давно перестали бить, а люди вокруг расходились в стороны, потому что казнь была прервана...

Глава 14. Справедливость

Услышав, что по всей улице сигналили полицейские автомобили, Мутамид встал с места и, подняв руку, велел палачам остановить порку. Люди тут же стали разворачиваться, отходя в стороны, чтобы дать машинам с проезжей части захватить прямо на площадь. Халим вытер слезы с глаз и, увидев, как из автомобиля выбежал Вислав, тут же рванул к нему. Обняв дока за плечи, друг спросил его:

– Ради Аллаха! Скажи, что Амид пострадал не зря. Умоляю...

– Всё хорошо, мне дали разрешение на арест вашего дяди.

Услышав это, Халим толкнул Вислава в плечо и в голос разрыдался, периодически перекрывая свою истерику смехом. Док улыбнулся другу и, похлопав его по спине, побежал в сторону кади, которого уже скручивали и надевали наруч-

ники.

– Да что происходит? Что вы себе позволяете?! – в полной растерянности выкрикивал, дядя, стараясь вырваться из рук полицейских.

– Простите, но отвечать Вы будете уже в суде, – улыбаясь, сказал муфтию Вислав.

– На каком основании, ты, паршивый неверный пёс, смеешь такое делать?

– Я был у Вас дома, Господин. Ваша жена также задержана и ждёт вас в участке.

– Что...?

Но больше им общаться не дали. Заломив Мутамиду руки за спину, его усадили в полицейскую машину. Бригада врачей, приехавших из госпиталя, осторожно укладывала меня лицом на носилки, осторожно надевая мне кислородную маску. Дея помогала врачам и, сев с ними в машину скорой, уехала вместе с Синем и Ланией. Халим крепко обнимал маму и маленького Мервана, по очереди целуя их по всему лицу. Увидев Вислава, который с радостью стоял и наблюдал за счастливыми ребятами, Халим подошёл к доку и сказал:

– Я будто заново родился. Аллах, да пошлёт Он тебе долгих лет жизни, брат.

– Аминь, мой друг, аминь. Я из кожи вон лез, чтобы успеть. Надеюсь, Амида не сильно покалечили?

– Будем надеяться, что он пойдёт на поправку.

– Что удалось выяснить? – протирая слезы радости с глаз совей косынкой, спросила мама. – Что было в его доме?

– Я, наверное, минут сорок потратил на то, чтобы найти долбаный подвал, который был скрыт под огромным шкафом с книгами.

– Он хранил там наркотики? – скрестив на груди руки, поинтересовался Халим.

– Если бы... – тяжело вздохнув, ответил док. – Там были комнаты, обустроенные под людские утехы.

– Чего? – не понимая, спросила Майра.

– Ваш дядя и его жена занимались бизнесом работоторговли, а также сдавали комнаты для интим услуг с рабынями.

– О, Аллах... – прошептала мама, схватившись за сердце. – Это ещё что такое...

– Мы нашли там несколько камер. Просмотрев видео, мы увидели двух пропавших английских журналисток. Девушки подвергались насилию и издевательствам. Там уже работают эксперты. Еще мы застали одну прикованную к трубе девушку. Оказалась, что гражданка индии, приехала сюда за заработком из соседнего города – убираться в доме богатых людей.

– Какой ужас... – промолвил Халим, прижав за голову к своей ноге Мервана. – Значит, этот урод сядет теперь надолго?

– Может и навсегда. В самой крайней комнате мы нашли четыре трупа. Два женских, один детский и один мужской. Так что не переживайте, он ответит по всей строгости закона.

– А что насчёт моих детей?

– Это всё выясним после допроса.

День прошёл быстро, все разошлись по своим домам, но

успокоиться никто не мог. Люди на рынках только и обсуждали, что уважаемого кади задержали в подозрении о работорговле. Эта информация настолько повергла всех в шок и ужас, что никто не может вернуться к своей обычной жизни и заняться своими делами. Я обо всём ещё не знал, а лежал на больничной койке полубоком и постепенно открывал свои глаза. Увидев напротив себя Дею и Синем, которые тут же прекратили болтать и радостно взглянули на меня, я улыбнулся им и тихо произнёс:

– Так вот какие они, райские гурии. Целуйте меня.

– О, Боже, Амид, – засмеявшись, произнесла Дея и постаралась осторожно поцеловать мой глазик.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась Синем.

– Ни хрена я не чувствую. Где я?

– В больнице, – ответила Дея. – Вислав сдержал своё слово – кади задержан и находится под следствием.

– Что удалось найти на этого уroda? – продолжал спрашивать я, стараясь приподняться и сесть.

Девушки тут же подскочили с места и помогли мне усесть-

ся. Ощутив жуткие покалывания по всему телу, я снова лёг полубоком и решил больше не шевелиться.

– Пока ничего неизвестно. Ходят слухи, что он занимался работорговлей.

– Сына Майры нашли?

– Нам ничего не известно, Амид...

– А врачи не сказали, когда я поправлюсь?

Девушки не успели мне ответить, как в палату вошли Абдул и Халим. Подойдя ко мне, братья присели возле меня и с улыбкой пожали мою руку.

– Выглядишь ты не очень, всё ещё больно? – спросил Абдул, рассматривая мою спину, на который из-под перевязанных бинтов виднелись нити от швов.

– Я как угодно готов выглядеть, лишь бы эту тварь засадили.

– Не переживай, брат, – радостно говорил Халим, подойдя и крепко обняв Синем. – Дядю скорее всего пожизненно посадят. Помимо непристойных видео, в его доме были най-

дены трупы.

– Никогда не понимал, зачем убийцы и маньяки хранят трупы в своих домах, – удивлённо сказал Абдул, поправив свою тубетейку на лысой голове. – Я бы сжёг или утопил. Ну, на крайний случай, закопал бы в пустыне, там же никто не найдёт.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил я у друга, радуясь, что он наконец стал активнее говорить и смог прийти в госпиталь.

– Странно... Молился за тебя, а помогло мне. По воле Всевышнего мне сейчас намного лучше. И верно говорят: если хочешь, чтобы всё в жизнь сбывалось, за себя благодари, а за других – молись.

В палату вошёл Вислав. Увидев его, все встали с мест и с улыбкой поприветствовали дока. Все, кроме меня.

– Оставьте меня на минуту с Амидом, нам надо поговорить, – попросил ребят следователь, подвинув к моей койке табуретку и сев напротив меня.

Друзья быстро вышли и закрыли за собой дверь. Я всё же нашёл в себе силы и приподнялся вверх, осторожно устро-

ившись на мягкой подушке.

– Когда его посадят? – просил я, стараясь приоткрыть и разглядеть дока не только левым, но и правым, опухшим, глазом.

– Думаю, это всё будет быстро, не более месяца. Глава государства уже в курсе. Дело дяди рассматривают в правительстве. Также Англия направила своих людей сюда.

– Пусть он ответит по законам шариата, пусть его казнят, – недовольно сказал я.

– Я понимаю. Но мы хотим, чтобы в этом городе появился порядок и наконец начала работать нормальная полиция и присутствовал нормальный суд. Поэтому мы должны его посадить.

– Всегда таким везёт. Одно радует, мне не зря там отбивали почки и рёбра.

– Ты извини, – вздохнув, сказал док, и вынул из кармана мобильный, – что я так задержался. Я думал, что подвёл тебя и ничего не смогу уже нарыть. Кто бы мог подумать, что он такую тайну столько лет скрывал в собственном доме. Он не человек, он – настоящий демон. Взгляни, – протянув мне

мобильный с фото трупа на экране, продолжил Вислав. – Это нашли в одной из комнат.

– Молодая совсем... Зачем он хранил это тело? – с удивлением спрашивал я, смотря как док перелистнул изображение на следующее, с похожим трупом.

– Чёрт его знает, чем ещё он там занимался и для чего ему эти трупы нужны были.

– Надо было на следователя идти, – улыбнувшись, сказал я. – Обалденная работа у тебя.

– Спасибо, хотя я от неё хорошенько устал и не прочь поскорее вернуться домой, – смеясь, отвечал док, всё перелистывая сделанные им фото на мобильный.

Заметив на рисунке не труп, а больше похоже на скелет, обвёрнутый в мешок, я тут же дёрнул рукой и крикнул:

– Стой-стой! А ну стой, увеличь это фото. Кто это?

– Меня тоже заинтересовал этот труп. В отличие от остальных, он единственный лежал на кровати и был накрыт белой простынёй. Как видишь, покойник уже не первой свежести, давно разложился и пересох.

– Он в мешке или что это на нём?

– Да, его уже осмотрели и сказали, что он был утопленником. Его поместили в мешок и скинули в залив. Сегодня вечером будем записывать показания твоего дяди и обязательно узнаем кто это.

– Я буду ждать от тебя новостей, док. И, если можно, скажи, пусть за мной дома ухаживают. Я не хочу тут оставаться.

– Хорошо, Амид, как скажешь.

Вислав пожал мне руку и вышел из палаты.

Вскоре меня отправили домой, где за мной ухаживали братья, сестра и мама. Вислав наконец удостоился повышения, с отличием раскрыв дело и выполнив свою работу. Спустя три недели мы все присутствовали на нормальном суде. Даже не верилось, что тут наконец-то заработала вся эта государственная схема, которая давно считается нормой во многих странах мира. На счету дяди оказалось девять убийств, четверо из которых – дети и муж Майры. Услышав это, мама сдержала слёзы, но наконец-то выдохнула с облегчением. Она с отвращением смотрела на кади, который сидел за решёткой, виновато склонив голову. Судили также его

жену и Фархада, как сообщников. Им дали сроки 13 и 15 лет лишения свободы, а муфтию – пожизненное. В суде дядя признался, что убивать собственного брата и племянников он не хотел. Так вышло, что о тайных делах муфтия узнал Амид и, не смирившись с зверскими издевательствами дяди над невинными женщинами, сын Майры пожелал помочь им и освободить, чем и разозлил кади. Угрожая дяде, старший сын был готов обратиться к главе государства, но, благодаря Фархаду, Амида заманили к заливу и, раздев догола, замотали в мешок и скинули с обрыва вниз. Спустя некоторое время тело случайно обнаружили братья. Несмотря на жуткий и разлагающийся вид утопленника, ребята узнали в нём родного брата и решили тут же отвести его в дом дяди, чтобы просить помощи. В ходе разговора мальчикам удалось раскусить муфтия. Завязалась очередная драка, после которой кади таким же образом и при поддержке местных мужчин скинул своих племянников с обрыва. Трупы хранились в подвале, а родителям было объявлено об их уходе на войну. Тела Абдула и Халима через два года можно было захоронить подобно погибшим на войне солдатам. Тело Амида было настолько обезображено, что муфтий решил его оставить у себя. Родной брат кади убивался от горя в его доме. По словам муфтия, его брат случайно стал свидетелем их дел с Фархадом и от родного брата пришлось избавиться тем же образом и по той же схеме. Слушая всё это, люди в зале суда приходили в ужас, а мы лишь с сожалением смотрели на

Майру и Ланию, которая не могла поверить в услышанное и рыдала. Дело было закрыто, а тело Амида (точнее то, что от него осталось) наконец поместили в его могилу.

Глава 15. Мечь

С момента моей порки прошло больше месяца. Я лежал на животе у себя в комнате на кровати и ждал, пока сестра осмотрит все мои раны и обработает их.

– Совсем уродливое тело, да? – корча лицо, спрашивал я Ланию.

– Ничего подобного, – весело отвечала сестра. – Шрамы украшают мужчину. Тебя это не портит. А знаешь, что мне Абдул подарил?

– Новую тюбетейку?

– Нет, поход в другой город. Мы будем с целой командой отдыхать на природе, кататься по реке, участвовать на верблюжьих скачках... Я так рада.

– Если ты рада, то я тоже рад.

Дверь в комнату приоткрылась, и мы увидели Дею.

– О, проходи, – заулыбалась сестра. – Я как раз закончила.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась Дея, смотря, как сестра собрала все свои больничные принадлежности и выбежала из спальни.

– Лучше всех, а как ты? – спросил я, встав с места и надев футболку.

– Я тоже хорошо. Ты слышал, что мулла Алим стал имамом нашей мечети?

– Серьёзно? Рад за него, – присев на корточки перед Деей, сказал я, поцеловав её в живот. – Малыш не беспокоит, всё хорошо там?

– Он ещё маленький, как персик.

– Хорошо. Самое главное следи за здоровьем. На днях мы уедем с тобой в большой город, где будет новая жизнь, новые соседи.

– Не верится, что мы наконец будем вместе, нормальной

полноценной семьёй.

– Амид! – резко закричал Халим, забежав в спальню. – О, Дея, не знал, что ты дома.

– Ничего, – ответила девушка, встав с места. – Ладно, я на кухне буду.

Подождав, пока она вышла, я сел на кровать и кивнул другу, в ожидании, что он такого радостного мне хотел сообщить.

– Ты не поверишь, суд переписал дом дяди на Майру. Теперь мы все переезжаем туда. Будем жить в «Зеленом районе». Скажи круто, да?

– Да, дом у дяди что надо. Как раз и тебе с Синем комната своя, и Лании с Абдулом. Заживёте так заживёте, – радуясь за друга, говорил я.

– А ты что будешь делать?

– Мы уедем с Деей в мою квартиру.

– У тебя есть квартира? – удивился брат.

– Да, Хабиб нашёл. Шикарный вид и всё в современном стиле. Будем с ним соседями.

– Здорово, я рад. Тогда у нас у всех будет повод приезжать друг к другу и семьями отдыхать, гулять.

Халим так радовался всему как ребёнок. Я не выдержал и, схватив его за шею, потянул к себе и начал рукой трепать ему волосы. Смеясь, брат оттолкнул меня и сказал:

– Не верится, что всё это кончилось. Всё же есть Бог, и есть справедливость. Главное – верить в это, и никогда не сдаваться.

Схватив со столика под подоконником зеленое яблоко, я откусил его и, протянув к Халиму, сказал:

– Представляешь, мой малой сейчас почти такого размера.

– Какой малой?

– Который в Дее. Не тормози.

– А, ты же будущий папаша. Рад за тебя. Решили, как назовёте?

– Мы не знаем, кто там. Но я назову ребенка в честь Сада-дама Хусейна.

Халим засмеялся. Покачав головой, он встал с места и, потянувшись, сказал:

– Если у меня будет сын, то я назову его Карим, в честь тебя. А если дочка, то Майра.

Дверь в комнату приоткрылась, и я увидел Хасана. Убрав яблоко на столик и медленно встав с места, я внимательно посмотрел ему в глаза. Хасан улыбнулся Халиму и, пожав ему руку, сказал:

– Смотрю, болтаете тут. Думаю, загляну, узнаю, какживаете.

– Спасибо, дружище, – ответил Халим. – Как видишь, наш герой идёт на поправку.

– Да, я так рад, Амид. Ты реально очень сильный человек оказался, – всё старался улыбаться мне Хасан.

– Ну, что ты, – наконец, улыбнувшись ему в ответ, сказал я и подошел ближе. – Мне просто повезло. Пошли прогуля-

емся, я давно тебе кое-что показать хотел.

Хасан удивился и с непониманием посмотрел на меня, потом на Халима.

– Да пошли, – засмеявшись сказал я, толкнув друга в плечо.

– Ну, хорошо, пошли.

Мы вышли из дома и обойдя рынок, пошли к дому Синем. всю дорогу Хасан рассказывал, как безумно счастлив, что кади Мутамида наконец посадили. Неожиданно к нам подошёл какой-то парень. Смуглый, высокий, худенький. Пожал мне и Хасану руку и что-то ему рассказывал насчёт каких-то машин. Я даже не слушал, я ждал пока он заткнётся и свалит от нас, как вдруг, я заметил красные кеды на ногах незнакомца. Резко подняв голову и посмотрев на него, я спросил:

– Как тебя зовут говоришь?

– Я же представлялся, – улыбаясь своими кроличьим зубами говорил парень. – Темриз.

– Темриз значит, – сказал я и мило улыбнулся. – Хасан, а у тебя карты с собой?

– Да, а что?

– Пошлите, я хочу с вами в карты сыграть, надеюсь Темриз не против?

– Да нет, друг, – пожав плечами и обрадовавшись моему предложению, сказал парень. – Я только «за».

Я улыбнулся ребятам и пошёл с ними к дому Синем. Хасан и Темриз всё без остановки о чём-то говорили, жадно обсуждаю какие-то гоночные события. Абсолютно не слушая их и не во что, не ставя их беседу, я медленно вынул из кармана своих брюк связку ключей и тихонько открыл дверь дома Синем. Хасан тут же сел за стол, схватившись за стакан и графин, с шумом налив себе абрикосового компота. Темриз стал напротив него и продолжал болтать, жестикулируя руками.

– Амид, тебе налить компот? – спросил меня друг, смотря как я закрыл дверь на ключ и подошёл к кухонной тумбочке.

– Нет, вы пейте, я себе салат порежу.

– Ну хорошо, – пробубнил Хасан, вынув из кармана колоду карт.

Я открыл кухонный ящик с набором вилок и ножей, внимательно рассматривая приборы. Выбрав пару ножей, я провел большим пальцем по их лезвию, выбирая для себя наиболее острый. Наконец-то заметив не большой, но хорошо наточенный ножик, я улыбнулся и, крепко сжав его в руке, подошёл к Темризу.

– Я даже ставки поставил, что победит синяя тачка, – мерзко смеясь сказал Темриз Хасану.

– Мне если честно плевать, – говорил Хасан другу, закури́в папиросу и швырнув пачку сигарет на стол. – Синяя победит или красная, я во все эти ставки не верю. Давно завязал с этим. А ты, Амид, ставил на гонки?

Поинтересовался друг, вытянув шею и посмотрев за спину Темриза, где я и стоял. Но не дождавшись моего ответа, я прижался к спине Темриза и быстрым движением руки перерезал ему горло. От увиденного, Хасан встал с места, широко раскрыв глаза и ошарашенно наблюдая за дёргающимся телом его друга. Темриз только и смог, что старательно тянулся руками к своей шее, стараясь остановить густую кровь, стекающую по его надрезу. Перешагнув трясущееся тело, которое пыталось дышать и что-то говорить, я с улыбкой взглянул на Хасана. Друг, не теряя времени, кинулся к

двери, нервна дёргая ручку.

– Да перестань, – говорил я, медленно подходя к Хасану. – Дверь заперта, не надо выламывать.

– Ради Аллаха! Чего ты хочешь?

– Ты молился, когда меня били на площади? Ведь я предупреждал, молитесь о моей смерти.

– Умоляю, – подобно трусливому кролику, забившись у двери простонал Хасан. – Я всё что хочешь сделаю, но не убивай меня, Амид.

– Я знаю, что ты продажен и готов на всё, лишь бы твою шкуру не тронули. Что ты сделал с Синем, расскажи мне подробно.

– Ничего, – еле слышно произнёс Хасан и расплакался.

Как же мне было мерзко смотреть на плачущего мужчину. Хотя, мужчиной его было назвать сложно. Понимая, что от трусливого приятеля уже ничего не выбить, я посмотрел на его колени и со всей силы заехал по ней ногой. От перелома кости Хасан тут же упал на пол и заорал. Смотря на торчащую кость из брюк и пятно кровь, друг взглянул на меня и

сквозь жуткий плач выкрикнул:

– Чего ты хочешь?!

– Чтобы ты назвал мне причину, для сохранения твоей никчёмной жизни.

– Я хочу жить! Хочу!

– Зачем? – интересовался я, сев напротив рыдающего Хасана на корточки.

– Я ничего не сделал!

– Ты избил до полусмерти ребёнка. Ты издевался на его глазах над его сестрой. Ты, зная всё это, сдал меня мерзкому муфтию, подвергнув меня жестокой пытке и невыносимой боли. Подвергнув смерти Дею и мою семью. Ты ни сделал ничего, за что я сейчас должен проявить к тебе сострадание. Ты даже как человек – наркоман. Зачем ты нужен, Хасан?

– Я буду делать всё, что ты скажешь... – продолжая плакать, молил меня друг.

– Прости, но я обещал Мервану. Не могу не выполнить то, что обещал ребёнку.

Глава 16. Счастливая жизнь

Прошли дни, недели. В доме дяди весь его подвал был очищен и залит бетоном. После чего дом успешно продали. На полученные деньги, а также на те, что я привёз, мы купили три потрясающих дома, в котором теперь проживала мама с Мерваном, в другом Абдула с Ланией, ну а в третьем, Халим с Синем. Мои братья совершили никях с девушками которых полюбили всем сердцем. Стоя во дворе нового дома нашей мамы и смотря, как Мерван играл с собакой (которую я так же забрал с того двора), я обнял Майру за плечи и сказал:

– Мне уже намного лучше, мама и думаю нам с Дей пора уехать в свой дом и начать новую жизнь.

– Я не знаю, как за всё тебя отблагодарить, Амид. Ты действительно мне был послан Всевышним. Я столько лет жила в нищете, в горе, в страдании, в мои пятьдесят с лишним лет уже и в чудо-то не веришь, а тут на тебе. Ты, как гром среди ясного неба. Может я тебя и не родила, да и не воспитала, но я тебя от чистого сердца считаю своим родным сыном.

– Вы тоже, мой подарок от Бога, мама.

Больше ничего не говоря и заметив, что Майра растрогалась, я быстро обнял её и поцеловал в лоб. К дому подъехало такси, в котором сидели мои братья и Вислав. Док высунул голову из окна автомобиля и крикнул:

– Ну, что? Если готовы, то поедим.

Я кивнул другу и вместе с мамой и Мерваном, направился к машине. Братья тут же вышли и крепко пожав мне руку начали прощаться со мной. Из дома вышла сестра с Синем и Дей. Девушки так же подошли прощаться со мной, крепко обнимая и желая нам счастья.

– Дея, – улыбаясь сквозь слезы, говорила мама, – жду вас с моим внуком.

– Обязательно, Госпожа Майра. Даст Аллах всё пройдёт замечательно, и мы обязательно приедем к Вам уже с малышом.

Вислав так же вышел из машины и пожал моей маме руку, отблагодарив её за всё и пожелав долгих лет жизни.

– Я рад, что для всех всё хорошо кончилось, и я чем смог, помог вам, – улыбаясь говорил док. – Наконец-то и я вернусь

на свою родину.

– Даже не вериться, что гнусный дядя теперь пожизненно сидит, – пробубнил Халим. – Иногда ощущение, будто он вернётся.

– За это не беспокойся, ему уже не выбраться оттуда никогда, как и всем соучастникам его преступлений. Да, кстати, – почесав свой затылок и поставив руки на пояс, что-то вспомнив, рассказал Вислав. – Дом Синем, когда потушили после пожара, обнаружили два тела. Их опознали и одним из умерших оказался ваш друг Хасан.

– О, Аллах, – вздохнула мама.

Халим и Абдул так же с грустью посмотрели на меня и только маленький Мерван, с подозрением поднял голову и прищуром взглянул на меня.

– Да, – продолжил док. – Приношу свои соболезнования, зная, что вы были близки с ним. Но, меня удивило другое. На его теле отсутствовали конечности.

– Фу, – застонала Синем. – Я, пожалуй, пойду в дом.

– Я с тобой, дочка.

Подождав пока Майра и Синем ушли, Вислав с интересом посмотрел на меня и сказал:

– Такое ощущение, будто его мучали или пытали...

– А чего ты на меня смотришь? – грозно спросил я.

– Вы едите или нет? – резко прервал нас таксист, который всё это время ждал, пока мы попрощаемся.

– О, точно, совсем отвлеклись, – радостно сказал Абдул и крепко обнял меня и Дею.

Наконец-то попрощавшись со всеми, я и Дея уселись сзади, а Вислав возле водителя. В окошко автомобиля заглянул Мерван и крепко пожал мне руку. Я потрепал парнишке волосы помахав своим братьям и сестре покинул «зеленый район». Всю дорогу мы весело болтали и вспомнили все наши радостные моменты, стараясь забыть неприятное прошлое. Как обычно проехав границу и поймав попутку мы отправились к дому Хабиба. Дойдя до его квартиры и постучав в дверь, мы все уставшие стояли в коридоре и ждали моего друга. Наконец-то дверь раскрылась и с удивлением разглядывая нас, Хабиб округлил свои глаза и закричал:

– Господи! Карим! Я думал ты умер уже! Где ты пропал? Я больше не буду тебя отправлять за деньгами.

– Познакомься, это – доктор Вислав, а это – Дея.

Пожав руку доку, а потом кивнув Дее, Хабиб улыбнулся и сказал:

– Так и вы познакомитесь. Девочки идите сюда.

Из-за барной стойки к нам подошли Захра и, какая-то новая, гостья Хабиба.

– Это – Захра, моя девушка, а это – Сани, моя подруга.

Дея стояла явно растерянная впервые увидев девушек такой внешности, так накрашенных и одетых в джинсовое штаны и открытые майки. Зато Виславу девушки явно понравились и расплывшись в улыбки, док тут же пожал им руки.

– Ну, что, док? – поинтересовался Хабиб. – Футбол и пиво любишь я надеюсь?

– Ещё спрашиваешь? – не поверив своему счастью спросил Вислав и прошёл вместе с девушками за барную стойку.

Я и Дея вошли в комнату, где я тут же её прижал к себе и сказал:

– Сейчас посидим немного с Хабибом и поднимемся с тобой уже в нашу квартиру.

– Амид, – как-то неуверенно и стянув с себя платок, спросила меня Дея. – А, эти девушки, они почему так выглядят?

– Не знаю, – засмеявшись сказал я, прыгнув на кровать. – Это у Хабиба надо узнать, он любитель таких горилл. Не заметила? Они и Виславу понравились.

– А тебе? Тебе нравятся такие?

Недовольно взглянув на Дею, я нахмурил брови и спросил:

– В зеркало себя видела?

– Да...

– Вот такая мне нравится. Больше чтобы этого не слышал.

Дверь в комнату резко раскрылась и вошёл Хабиб.

– Извините, я не помешал?

– Нет, входи, – ответил я сев ровно.

– А где я могу помыть руки? – смущённо поинтересовалась Дея.

– Как выйдешь сразу на лево.

– Спасибо.

Проводив девушку взглядом, Хабиб с удивлённым выражением лица повернулся ко мне и спросил:

– Я стесняюсь спросить, но кто это?

– Дея – моя девушка.

– Серьёзно?

– Да.

– То есть ты сейчас не шутишь?

– Я не понял, что-то не так? Или тебя смущает, что её зад не перекрывает пол твоей квартиры?

– Нет, если она тебе нравится, то что я могу сказать... Мир и радость вашему дому.

– Я надеюсь ты купил квартиру сверху?

– Вообще-то купил. И будь добр верни мне деньги.

– Да-да, я завтра привезу тебе всё.

– Как Инад и Лутфи? Какие новости? Что вообще произошло? Ты поехал за деньгами, а пропал на два месяца.

– Инад и Лутфи женились, живут в хороших домах, рядом купили дом своей матери. Всё как в сказке, если расскажу, как началась моя история и как я дошёл до твоего дома, можно книгу написать.

– Серьёзно? – не переставая удивляться, интересовался друг. – Знаешь, у меня есть одна знакомая, книжки пишет, кстати про арабов, я обязательно тебя свяжу с ней и расскажи всё это ей, может кому-то твоя история жизни и понравится.

– Обязательно.

В комнату снова вошла Дея, и мило улыбнулась нам.

– Так вот, – сказал Хабиб, протянув мне ключ. – Это от вашей квартиры, заселяйтесь и будьте счастливы, а я футбол смотреть.

– Спасибо, – произнесли мы с Деей.

На этом моя история и подошла к концу. Мы с Деей заехали в свою квартиру, периодически к нам заходил Хабиб с Захрой или наоборот, мы к ним спускались. С братьями и мамой мы так же часто созванивались. Спустя стольких лет мучений и одиночества, я наконец-то обрел свою семью и своё счастье. Поехав за деньгами в деревню, я, как и обещал старцу, познакомил его с Деей, а также вернул Хабибу долг за квартиру. На удивление всех, Вислав задержался не на долго и вместе с Сани, улетел в Англию. Спустя месяцы моя Дея значительно поправилась, чем очень радовала меня и нашу семью. Спустя ещё время, мы обзавелись дочкой. Да, я ждал сына, но в итоге вместо Саддама Хусейга у нас родилась маленькая Майра. Пол ребёнка никак не помешал нам сходить по нему с ума и изменить свои взгляды на жизнь ещё сильнее. Никогда не думал, что миллионы денег настолько померкнут для меня после встречи мамы, братьев и жены. Я завидовал тем, кто имел семья и рыдал за неимением денег. Поверьте, пока у вас есть те, кто за вас горой, кто нальют вам чай и укроют перед сном – вы самый счастливый

человек на свете. Если у вас всего этого нет, то не опускайте руки и не проклинаяте жизнь. Я тоже часто спрашивал Бога: за что и почему? Но сейчас, я лишь благодарен всему, что со мной случилось. Иногда даже самая страшная потеря в нашей жизни, имеет своё объяснение, даже если ближайшие лет двадцать вы не найдёте на это ответ, всё равно не сдавайтесь. Если вам это дано, значит не просто так. Любите и берегите своих родных, цените дружбу и любите своих женщин. Это и есть, моя странная история, о моём странном случае из жизни. Я счастлив. Будьте счастливы и вы...

Конец.